

Русское Чтение

ч. 2

E $\frac{14}{19}$ ч. 2

РУССКОЕ ЧТЕНІЕ,

Е 14
19

ИЗДАВАЕМОЕ

Сергѣемъ Глинкою.

4.2

№ 6

ДУХЪ ВѢКА

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ.
6 Октября 1839 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.

2007041246

Типографія Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

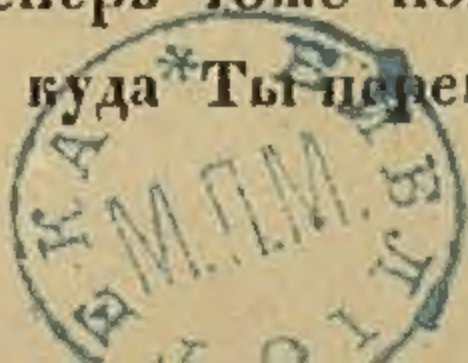
ПАМЯТИ

ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ,

моей первой благодѣтельницы.

Ты отрокомъ меня взыскала,
Ты разумъ мой образовала,
Ты въ сердце чувствія влила;
Благотворительной рукою
Ты правила моею душою,
Ты мнѣ жизнь новую дала.

Такъ говорилъ я Тебѣ въ началѣ 1795
года, въ бытность мою въ Кадетскомъ Кор-
пусѣ, куда Ты собственною рукою записала
меня, посѣтя жилище отцевъ моихъ, 1781 го-
да Іюня 4-го, на возвратномъ Своемъ пути изъ
Бѣлорусскаго края. И теперь тоже повторяю,
на порогѣ въ тотъ міръ, куда* Ты перешла, го-

вора Твоими словами : «со всегдашнею благодарностью къ нашему Отечеству.» Жизнь моя гаснетъ, но признательность къ Тебѣ, не прекратится до послѣдняго біенія моего сердца. Пишу не исторію Твою , Ты отдала ее на судъ потомства. Воспоминаю только любовь Твою къ Русскому слову; Твое постоянное желаніе блага Россіи, и Твое заботливое вниманіе къ народу Русскому, котораго счастье , по выраженію души Твоей, Ты предпочитала собственной Своей жизни.

1845 года, Августа 4.

С. Петербургъ.

Сочиненіе мое не относится ни къ политической, ни собственно къ военной исторіи царствованія Екатерины Второй. Предлагаю только исторію Ея мыслей и духъ Ея правилъ. 1737 года, въ духовномъ завѣщаніи сыну своему, Историкъ нашъ Татищевъ, сказалъ: «поколѣнія людей проходятъ, благотворительныя законоучрежденія остаются.» Тутъ же предлагаю мысли и правила людей вѣка Екатерины Второй, дѣйствовавшихъ на различныхъ поприщахъ.

Спросятъ: изъ какихъ источниковъ почерпалъ я *правила* и *мысли* ихъ? Отвѣчаю: изъ собственноручной ихъ переписки съ различными ихъ современниками.

Спросятъ, также, можетъ быть, *какія* могу представить на то свидѣтельства?

Во-первыхъ: Александръ Яковлевичъ Булгаковъ и незабвенный его братъ, давали въ руки

мой всю многочисленную и драгоценную переписку отца ихъ Якова Ивановича Булгакова съ Екатериною, съ Потемкинымъ, съ Суворовымъ и другими значительными лицами того времени.

Во-вторыхъ: кромѣ книги, изданной мною подъ заглавіемъ: «Суворовъ самъ собою описанный» у меня были и другія собственноручныя Русскія и Французскія письма Суворова.

Въ-третьихъ: были у меня также собственноручныя письма Князя Потемкина; не существующія въ перепискѣ Я. И. Булгакова.

Издавая семнадцать лѣтъ *Русскій Вѣстникъ* и занимаясь сочиненіемъ *Русской Исторіи*, я вездѣ отыскивалъ рукописи, относящіяся къ нашему Отечеству. Послѣ 1812 года, изъ великолѣпныхъ библіотекъ множество книгъ и драгоценныхъ рукописей перешли въ скромныя книжныя лавки на Ильинку. Нѣсколько такихъ памятниковъ продалъ я въ Историческое Московское Общество и въ тамошній архивъ иностранныхъ дѣлъ.

Говорю объ этомъ такъ отчетливо, потому что въ наше время настоятельно требуютъ фактовъ. Но что такое факты? Письменные и печатныя свидѣтельства о событіяхъ историческихъ. А всегда ли онѣ справедливы? Тацитъ отвѣчаетъ: «лѣтописи Римскія въ продолженіе семи сотъ

III

десяти лѣтъ одушевлялись краснорѣчіемъ и величіемъ духа ; но когда своекорыстіе заволокло души гражданъ, лести и ласкательство исказили истинну.»

Аретинъ говорилъ : «у меня два пера : одно золотое , то есть , продажное ; а другое желѣзное ; то есть , не закупленное.»

Наконецъ, Вольтеръ посылая историческій отрывокъ къ другу своему Делавиллю, писалъ къ нему : «Мы условились, не смотря на законъ исторіи , исключать истинны. Пробѣгите мою рукопись и если найдете еще какую нибудь истинну, требующую истребленія , то дружески извѣстите меня о томъ.»

Повторяю еще, что не входя ни въ какія политическія подробности царствованія Екатерины , буду особенно предлагать о любви Ея къ Русскому слову и о постоянномъ Ея вниманіи къ просвѣщенію Русскаго народа.

Прибавляю , что о военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ полководцевъ, буду помѣщать изъ первыхъ источниковъ, безъ всѣхъ замѣчаній и какъ тогда было писано. Выскажу также и о другихъ людяхъ вѣка Екатерины Второй, то, что знаю, или что слышалъ въ свое время.

ГЛАВА I.

Любовь Екатерины къ русскому слову. — Правила
Екатерины касательно русскихъ сочиненій. — Мы-
сли Екатерины о Славянскомъ языкѣ. — Примѣръ
силы слова отечественнаго. — Правила основательнаго
сужденія, предложенныя Екатериною.

«Я всегда старалась жить благодарнымъ
сердцемъ къ Россіи.»

(Слова Екатерины Второй).

Читаешь, пишешь предъ паломъ,
И всѣмъ изъ своего пера
Блаженство смертнымъ проливаешь.

Державинъ.

Германія — была *родиною* Екатерины Второй; Россія—Отечествомъ. Съ Ея душою, съ Ея перомъ, породнилось слово русское; въ изученіи его подражала Она пѣнопѣвцу Холмогорскому. Изъ заветныхъ источниковъ кнѣгъ Славянскихъ почерпала Она первоначальное знаніе отечественнаго нашего слова. Наконецъ, пройдъ все поприще существовавшихъ тогда старинныхъ лѣтописцевъ, Она подарила Славянъ безсмертнымъ въикомъ вниманія къ ихъ языку. «Распространеніемъ и умноженіемъ Славянскаго языка,» говоритъ Екатерина въ запискахъ своихъ касательно Россійской Исторіи: «доказывается распространеніе Славянскаго народа.» И потомъ прибавляетъ: «Многіе народы въ свѣтъ завоеваніями теряли свой языкъ, но Славянскій языкъ перенимали побѣжденные Славянами народы.»

Далѣе будетъ о духъ управленія Екатерины, а тутъ просто начну съ того, что переживаетъ и мимолетный блескъ побѣдъ и шаткія предположенія перелетной полѣтки; начну съ мыслей Екатерины о нашемъ *родномъ словѣ*: о томъ словѣ, котораго старалась Она постиг-

путь и душу и силу и выраженіе в которое въ наше время, такъ справедливо названо: «двигателемъ народнаго духа.» (*)

«Нашъ русскій языкъ,» сказала Екатерина въ собесѣдникъ любителей Россійскаго слова: «Нашъ языкъ довольно богатъ.» Изрѣченіемъ: *нашъ языкъ*, Екатерина вполне усвоила себя нашему Отечеству. А обозрѣвъ все поприще слова русскаго, Она начертала правила къ руководству въ сочиненіяхъ отечественныхъ.

Первое правило: «Писавъ, думать недолго и немного, наипаче не потѣть надъ словами.» (**)

Приготовляясь писать, писатель передаетъ перу то, что мысль предварительно и вполне переселила въ его душу. «Я размышляю, следовательно существую, сказалъ Декартъ, жить и мыслить одно и тоже, если душа не затерялась въ томъ вихрь, который въ перелетахъ разсыпая уноситъ и мысль и слово.» А потому Екатерина, непрестанно занятая дѣйствіемъ мысли, сказала, что готовясь писать не должно долго думать.

Второе правило: «Слова класть ясныя и буде можно самотеки.» Эта истина высказана въ благовѣстіи: «отъ избытка сердца глаголютъ уста, и свѣтскіе писатели говорятъ, что живыя мысли истекаютъ изъ сердца и увѣковѣчиваютъ слово.»

(*) Выраженіе изъ доклада Государю, Министра Народнаго Просвѣщенія 1838 года.

(**) Собесѣдникъ.

Третіе правило : «Краткія и самыя ясныя выраженія предпочитать длиннымъ и кругловатымъ.» Въ десятой Главѣ пророчествъ *Исаіа* читаемъ : «Слово бо совершая и сокращая правдою, яко слово сокращенно сотворитъ Господь по всей вселенной.» Я ссылаюсь на Славянское изрѣченіе, потому что Екатерина находила въ нихъ особенную силу и смыслъ. Впрочемъ и русская пословица говоритъ, что на правду не нужно много словъ.

Екатерина продолжаетъ : «за умомъ, за красками гоняться не запрещается, однако употреблять ихъ *аки струи*.» Въ силѣ, въ самобытномъ распространеніи роднаго слова, украшенія, въ немъ самомъ почерпнутыя, развиваются подобно яснымъ струямъ прозрачнаго источника, отражающаго всю прелесть неба лазурнаго. Высокопарность—звукъ пустой. Известно, что Демосоевъ называлъ *Θοκίωνα*, съкирою своихъ рѣчей. А *Θοκίωνъ* сказалъ, юному, высокопарному витію *Λεοσοєпу* : «юноша! твои рѣчи подобны кипарисамъ; онѣ высоки, но безплодны.»

Если кто въ русской бесѣдѣ съ Екатериною произносилъ иностранное слово, Она въ наказаніе заставляла того прочитывать по нѣскольку страницъ изъ *Телемахиды*. Въ словѣ человѣческомъ и жизнь и смерть; жизнь — когда слово радужное дѣлаетъ сердце; смерть или пораженіе, когда слово ненависти отуманиваетъ душу, предки наши говорили : «слово не стрѣла, а сердце сквозитъ; слово не стрѣла, а пуще уби-

ваетъ.» Взвѣшивая, обдумывая каждое слово, Екатерина говорила: «Я хвалю вслухъ и при людяхъ, а журю наединѣ и потихоньку.» Слово отечественное — слово жизни народной, въ немъ сила, скрѣпляющая союзъ общественный отъ чертоговъ до хижинъ. Слово отечественное — торжество надъ душами и умами. Опытная древность справедливо назвала пословицы: *мудростію народною*. Одна изъ нашихъ пословицъ рѣзкою краткостію высказываетъ и доказываетъ силу и могущество роднаго слова. Слово, говоритъ русская пословица: «у мѣста и кстати, сильнѣе письма и печати.» *Сильнѣе письма и печати* отъ того, что оно, такъ сказать, гласный и явный представитель душевнаго бытія человека. Оно не затѣсняется въ буквахъ и не закрѣплено переплетами. Оно свободно, какъ воздухъ, которымъ человекъ дышетъ подъ сводомъ неба, въ полнотѣ мысли своей. За то какъ торжествуетъ сочетаніе нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ у *мѣста и кстати*. Вотъ примѣры изъ Русскихъ лѣтописей. Въ двенадцатый годъ предковъ нашихъ изъ Троицкой Лавры долетѣло на берега Волги: «Аще корня не будетъ, къ чему древу прилѣпиться?» II Мининъ мощною рукою поддержалъ и удержалъ завѣтное *древо* земли Русской. Въ присутствіи Петра Перваго, Голицынъ устремился на приступъ крѣпости *Шюсельбургской*. Видя, что лѣстницы коротки, Петръ повѣстилъ отступление. «Не отступимъ, отвѣчалъ Голицынъ посланному. Скажи Государю, что мы теперь люди Божіи!»

Предъ началомъ битвы Полтавской, загремѣли въ полкахъ Русскихъ слова Петра Перваго: «вѣдайте о Петръ, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея!»

Вотъ и слова Екатерины произнесенныя на полѣ Полтавскомъ: «смотрите, сказала Она спутницамъ своимъ; смотрите, отъ чего зависятъ жребіи Державъ земныхъ!... Одинъ день, одно мгновеніе нерѣдко рѣшаютъ судьбу ихъ! Одна погрѣшность, одинъ шагъ опрометчивый, уничтожили и славу и всѣ блестящіе успѣхи Карла XII. Тотъ, отъ кого трепетали Саксонія, Австрія, Італія, тотъ самый побѣдитель бѣжалъ съ полей Полтавскихъ, а безъ того и насъ бы здѣсь не было.»

Сила слова роднаго и въ полкахъ Екатерины не уступала силѣ оружія.

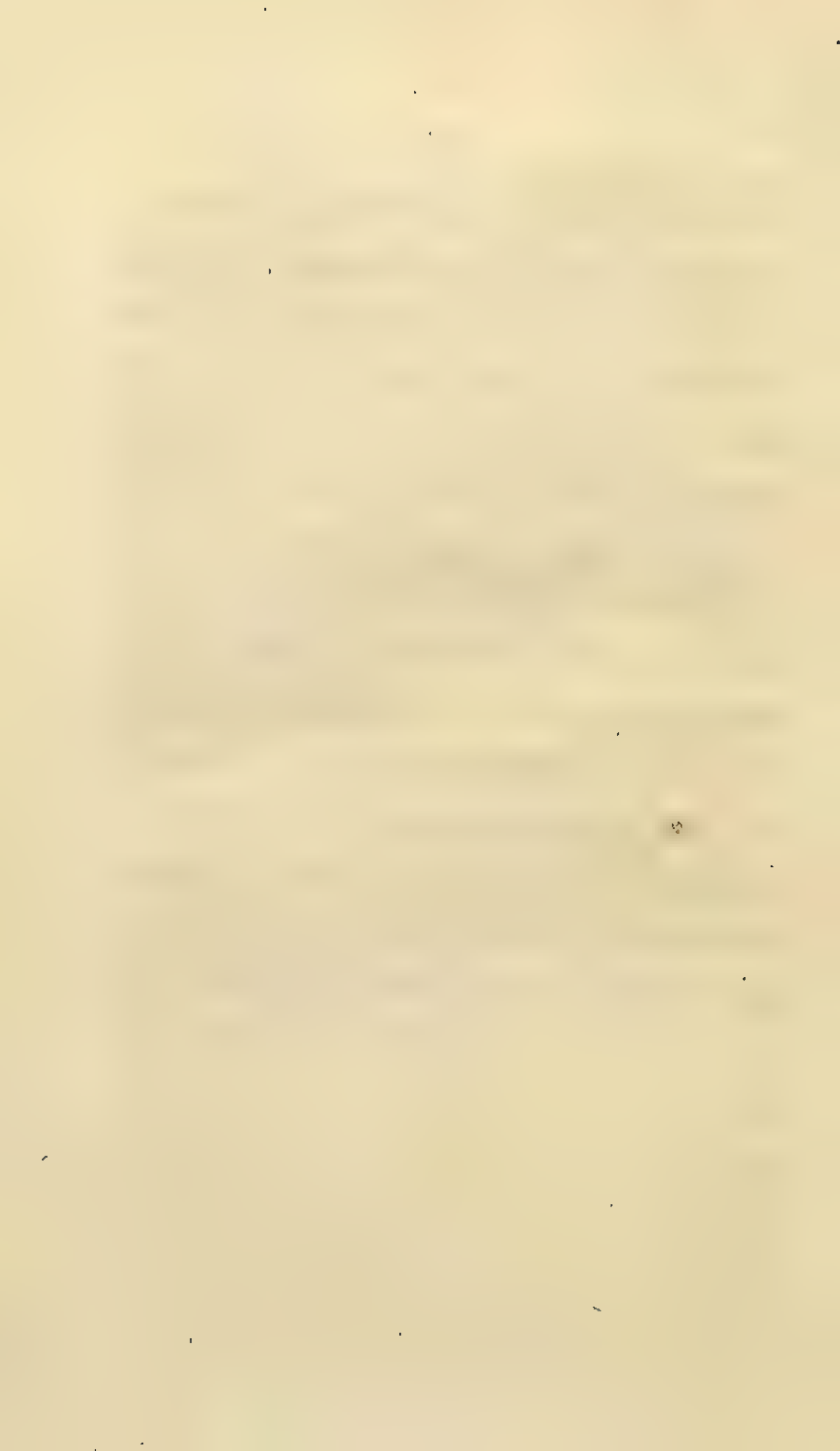
Полки наши быстро летѣли и, уже каре Племянникова, подъ Кагуломъ, какъ сказано въ тогдашнихъ военныхъ извѣстіяхъ: «простирали руки къ овладѣнію укрѣпленіямъ.» Но внезапно изъ потаенной долины устремились десять тысячъ янычаръ, ворвались въ каре и закипѣла рѣзня убійственная. Высмотрѣвъ тревогу взоромъ орлинымъ, Румянцевъ сказалъ Принцу Брауншвейгскому: «теперь наша пришла пора!» сказалъ, быстро поскакалъ къ каре и громко воскликнулъ: *стой, ребята! ваши отцы, ваши матери смотрятъ на васъ!* Откликнулся въ слухъ и въ душахъ Русскихъ воиновъ весь деревенскій ихъ бытъ отъ зари жизни до поступленія въ полки.

Въ вѣкъ Екатерины, полководецъ Ея Суворовъ вызовомъ изъ слова Русскаго всего богатырскаго, окрилялъ души воиновъ и на полѣ битвъ и на приступахъ. Суворовъ называлъ штыкъ русскій: *молодцомъ*; онъ привѣтствовалъ воиновъ Русскихъ: *чудо-богатырями* и сдружилъ ихъ съ побѣдою неизмѣнно. Воспламеня сердца ихъ отвагою, онъ поселялъ въ нихъ и уваженіе къ самимъ себѣ. «За одного ученаго, говорилъ онъ, не возьмемъ десять неученыхъ.» Извѣстно также, что послѣ каждаго выговора словеснаго или письменнаго, онъ восклицалъ! «Прощеніе передъ людьми, помилованіе передъ Богомъ!» Грозно разилъ онъ сопротивниковъ упорныхъ; но въ тоже время говорилъ: «солдаты не разбойники; онъ щадитъ, онъ милуетъ врага покорнаго.»

И Потемкинъ зналъ силу краткаго слова. Когда отважные Запорожцы на лиманѣ Очаковскомъ нападали на Турецкіе корабли, онъ писалъ къ Суворову: «лодки быють корабли; пушки теченіе рѣкъ преграждаютъ. Христосъ посреди насъ!»

ГЛАВА II.

**Внѣшнія предубѣжденія противъ Екатерины и
прозорливость Ея.**

Да злобна зависть постыдится,
И славѣ свѣтъ да удивится
Твоихъ великодушныхъ дѣлъ.

Ломоносовъ.

Кромѣ войны, производимой пушками и штыками, существуетъ война перьевъ, у которой догадки и предположенія — войска вспомогательныя. Сильно кипѣла эта война съ различныхъ сторонъ на Екатерину, и чѣмъ спокойнѣе принимала она на штыкъ великодушія своего стрѣлы пересудовъ и клеветы, тѣмъ ожесточеннѣе наступала на Нее война политическая. Въ предѣлахъ древней Франціи, часъ отъ часу болѣе дряхлѣвшей, Герцогъ Шуазель Гуфье, даже оспаривалъ у нее обыкновенное наименованіе Русскихъ Государей. Но Екатерина и сама отреклась отъ имени *великой*. Величіе ея ума само собою проявлялось. Не негодовала Она, что люди, по замысламъ своимъ, перетолковывавшіе и искажавшіе Ея намѣренія, тратили втуцъ время и перѣдко вредили другимъ. Правила здраваго, основательнаго сужденія своего, передала Она въ письмѣ къ Циммерману, сочинителю книги о *уединеніи*, въ то самое время, когда флоты Ея гремѣли и на водахъ Чернаго моря и въ за-

ливахъ моря Балтійскаго, откуда Густавъ порывался на берега Невы.

Вотъ Ея слова: «Три вещи,» говорила Она, «дѣлали Мнѣ всегда много добра; во-первыхъ: ослѣпленіе моихъ завистниковъ; во-вторыхъ: худыя средства, ложь и двоедушіе моихъ непріятелей; въ третьихъ: то, что завистники и недоброжелатели мои, судятъ о дѣлахъ моихъ по своимъ замысламъ, не угадывая моихъ намѣреній и удаляясь отъ истины.»

Лично убѣдась въ глубокомъ и основательномъ умѣ Екатерины, Принцъ де-Линь говорилъ: что «политическій и Государственный Кабинетъ Ея, простирается отъ одного виска до другаго.» И какою зоркою мыслию изъ этого Кабинета обозрѣвала Она все, что происходило въ нашемъ Отеествѣ! Во время волненій бунта Пугачевскаго, Нижегородскій Губернаторъ Ступишинъ, извѣщая Императрицу, что такой-то Полковникъ (имени неставляю), былъ захваченъ и учинилъ важныя показанія. Въ собственноручномъ письмѣ къ Ступишину, отъ 4-го Августа 1774 года, Екатерина говоритъ, что показанія дѣйствительно важны, по имя Полковника-самозванца, мнимое. Тамъ же упоминаетъ, что по причинѣ необходимости Она не противурѣчитъ строгимъ мѣрамъ, но надѣется, что къ нимъ будутъ прибѣгать, какъ можно менѣе и съ крайнею умѣренностію. Въ слѣдъ почти за тѣмъ, то есть, отъ 24 го Августа, того же 1774 года, препроводила Она другое собственноручное письмо къ Ступишину. Предлагаю его въ подлинникъ, не отва-

живаясь перемѣнить ни одной черты. «Господинъ Нижегородскій Губернаторъ Ступининъ! Изъ реляціи вашей отъ 19-го числа Августа сего года усмотрѣла, что въ Арзамаскомъ и Алатырскомъ уѣздѣ и въ семъ послѣднемъ городѣ, при варварскомъ нашествіи бунтовщика, все рачительное ваше стараніе не предуслѣло вселить бодрости духа въ слабоумныя головы Алатырскихъ гражданъ, которые, не приступая ни къ какому роду обороны, подвергли себя самихъ претерпѣнному разоренію и личному истребленію. Примѣръ Ядренскихъ жителей довольно доказываетъ, сколько дѣйствительна была маленькая оборона въ семъ случаѣ. Вы изъ Сенатскаго къ вамъ Указа усмотрите, кому изъ жителей сего усерднаго общества, отъ меня означены награжденія, они суть точно тѣ, которыхъ имена отъ васъ мнѣ присланы, сверхъ сего немедленно пришлется къ вамъ похвальная грамота жителямъ сего города. Капитана же Алексѣева велю внести въ реестръ тотъ, который сочиняется отличившимся, дабы награжденъ былъ противу офицеровъ корпуса Полковника Михельсона. Съ удовольствіемъ вижу, что вы надѣетесь въ скоромъ времени возстановить въ губерніи вашей прежнюю тишину, чего сердечно желаю. Народное же разореніе и гибель толкаго числа дворянъ и жителей всякаго рода, весьма печалило меня, Бога прошу, да укротитъ скорѣе всѣ сіи внутреннія безпокойства и да ободритъ и укрѣпитъ всѣхъ вѣрныхъ и усердныхъ Отечества сыновъ въ неусыпное стараніе для общаго

блага; въ числѣ сихъ наусерднѣйшихъ къ службѣ моей и вы господинъ Генералъ-Поручикъ находитесь, продолжайте ваши труды, которые я съ удовольствіемъ вижу и будьте благонадежны, что я къ вамъ есмь доброжелательна.»

ЕКАТЕРИНА.

1774 года,

Августа 24 дня.

СААНТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ГЛАВА III.

**СЛѢДЫ МЫСЛИ И ДУХЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХЪ ПРАВНЪ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.**

«Твой трудъ—для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой;
Твой разумъ—наше просвѣщенье
И неусыпность—нашъ покой.»

Ломоносовъ.

Холмогорскіи уроженецъ Ломоносовъ, живою, неутомимою мыслию, отыскавшій въ душѣ своей способности, данныя ему природою, изъ хижины рыбака перешелъ въ храмъ наукъ. Обозрѣвая постепенно всѣ стези ума человѣческаго, онъ вполне понималъ смыслъ слова: *неусыпность*. Жестокій недугъ сводилъ его въ могилу — а онъ сидѣлъ надъ сосудомъ химическимъ; дымъ выжигалъ ему глаза, а онъ неусыпно наблюдалъ дѣйствіе той науки, которую называлъ: «путеводительницею въ таинства природы.»

Глубоко вникнувъ и въ силу и въ стремленіе мысли, пѣвецъ Холмогорскіи первый изъ сыновъ Россіи принесть священную жертву благодарности Екатерины Второй, увѣковѣчившей имя свое любовью къ Русскому слову и вниманіемъ къ народу Русскому. Въ послѣдней лебединой пѣснѣ, въ Одѣ, посвященной Екатерине 1764

года, по вдохновенію души своею, поэтъ высказалъ трудъ Екатерины:

«Твой трудъ—для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣпою подвигъ Твой;
Твой разумъ—наше просвѣщенье
И неусыпность—вашъ покой.»

Въ чемъ же состоитъ святая, душевная любовь къ человѣчеству? Она состоитъ въ неусыпномъ попеченіи о благѣ общемъ. Въ четырехъ стихахъ, Ломоносовъ передалъ потомству исторію душевной жизни Екатерины Второй. А тогда не совершилось еще и двухъ лѣтъ Ея царствованія.

Пусть естественная вселенная обрушится на человѣка; но человѣкъ все величественнѣе ее. Чѣмъ? Мыслію. И такъ человѣкъ возвеличивается среди всемірнаго творенія не пространствомъ, не теченіемъ времени, но *мыслію*.

Это сказалъ Паскаль и то же самое доказалъ Ломоносовъ. Въ одно время, Франклинъ, съ чреды простаго наборщика, поступившій въ такую-же область наукъ, какъ и Ломоносовъ, не сносаясь съ нашимъ поэтомъ, занимался отысканіемъ тайны и дѣйствія силы *электрической*; и нашъ уроженецъ Холмогорскій предварилъ въ этомъ подвигъ уроженца Новаго Свѣта.

Въ той же Одѣ, изъ которой я приводилъ свидѣтельство Ломоносова о Екатеринѣ, онъ сказалъ:

«Кто океанскихъ волъ разливу,
На встрѣчу кто поставитъ щитъ?»

Никакая рука смертнаго не воздвигнетъ оплота бурному разливу Океана. Но есть и другой Океанъ, — Океанъ, по которому плыветъ корабль управленія общественнаго. Не страшны этому кораблю ни бури, ни скалы, ни мели морскія; ему страшны кипящіа бури страстей, которыя въ грозномъ вихрь увлекаютъ области земныя, въ пропасти неизбѣжныя. «Ты, Существо верховное!» сказалъ восточный поэтъ Саадв: «Ты изъ тмы извлекаешь свѣтъ и укрощаешь водненія, свирѣпствующія на моряхъ и въ сердцахъ человѣческихъ.»

Примѣняя эту мысль къ мудрой, Фелицѣ или Екатерицѣ, Державинъ говоритъ:

«Тебѣ единой лишь пристойно
Царевна! свѣтъ изъ тмы творить;
Дѣля хаосъ на сферы стройно,
Союзомъ цѣлостъ ихъ крѣпить.
Изъ разногласія—согласье,
И изъ страстей свирѣпныхъ—счастье —
Ты только можешь создать.
Такъ кормчій черезъ Цоптъ плывущій,
Ловя подъ парусъ вѣтръ ревущій,
Умѣетъ судномъ управлять.»

Умѣетъ, потому что опытъ научилъ его управлять судномъ и среди бурь и среди скалъ, уклоняясь отъ мелей опасныхъ. Справедливо сказано, что Колумбъ, силою мысли открылъ Новый Свѣтъ, а потомъ поплылъ къ берегамъ его по волнамъ Океана. Екатерина, отъ самой весны дней своихъ, посвятила Себя

наблюденію правилъ полезныхъ для общества. «На кого должно обращать вниманіе? На каждаго человека.» Такъ вѣщали уста Екатерины, и сіи Божественныя слова, перо Ея передало на завѣтныя скрижали, на которыхъ сіяютъ имена друзей и благодѣтелей человечества. Можно сказать, что въ этомъ святомъ изреченіи Екатерины, заключается вся судьба народа. Мысль Ея, такъ сказать, была на неусыпной стражѣ Россіи. Ломоносовъ зналъ, слышалъ и видѣлъ, что Екатерина и до вступленія на престолъ удалялась въ тотъ міръ, въ которомъ умъ ея соединялся съ завѣтными мыслями всехъ вѣковъ. «Уединеніе,» говорила Екатерина: «было первымъ моимъ наставникомъ.» Въ безмятежномъ уединеніи Она была съ своею душою, съ своею мыслию, отыскивавшею все то, что созидаетъ благо людей. Угасаетъ солнце на голубомъ небосклонѣ, не только подъ завѣсою ночи, но и въ ясный день, когда застигается оно облаками. Гаснетъ по временамъ и солнце міра нравственнаго. Вѣковая истина, что движенія сердца и мысли составляютъ союзъ съ вдохновеніями божественными; вѣковая истина и то, что способъ къ соглашенію ихъ, изъ нихъ же извлекается. Но какъ направлять движеніе ихъ и какъ изъ тмы, поглощающей лучи солнца нравственнаго извлекать свѣтъ? Эта наука была ученіемъ цѣлой жизни Екатерины Второй. Екатерина осмнадцать лѣтъ обогащала умъ свой въ уединеніи. А потому и повторяю съ Ломоносовымъ :

«Твой трудъ—для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣпою подвигъ Твой ;
Твой разумъ—наше просвѣщенье
И неусыпность—нашъ покой.»

Изъ неусыпной Ея мысли вышелъ *Наказъ*, по словамъ Фридриха II: «писанный для Ангеловъ, — перо Екатерины писало *Наказъ* для людей. Для блага ихъ она взывала къ Богу: «Господи Боже мой! вонми ми, и вразуми мя, да сотворю судъ людямъ Твоимъ по закону святому Твоему судити въ правду!» Что значить взывать къ Богу? Взывающій къ Богу съ святымъ именемъ Его входитъ въ свое сердце и предъ лицомъ неба вопрошаетъ мысли свои, степень разумнія и совѣсть свою. Екатерина готовила *Наказъ* для Русскихъ. Она знала, что отдастъ за нихъ отчетъ Богу, охранителю жребія людей. И весь Ея *Наказъ* торжество любви къ человечеству; рѣшительно можно сказать, что никто изъ правителей народовъ не проходилъ такого обширнаго поприща для изученія всего того, что относится къ благу обществъ, какое прошла сочинительница *Наказа*. Она заимствовала все животворное изъ всѣхъ прошедшихъ вѣковъ. Вся премудрость славимыхъ ими Греческихъ мудрецовъ отразилась въ вѣщаніяхъ Ея *Наказа*.

Предлагаю доказательства.

Разсказываютъ, что Періандеръ, владѣлецъ Коринтскій, пригласилъ мудрецовъ на пиръ, гдѣ и

заданъ былъ вопросъ о превосходнѣйшемъ общественномъ правленіи.

Вотъ отвѣтъ Солона: «лучшее правленіе то, гдѣ обида, нанесенная одному лицу, вмѣняется въ общую обиду.»

Екатерина разительнo высказала эту мысль, обращая вниманіе на каждого челоуѣка. Она еще болѣе сдѣлала. На зеркалѣ Ея въ Частныхъ Домахъ, четырнадцатое правило, предписывало, спѣшить на помощь къ горестному страдальцу. Въ этомъ правилѣ отблескъ слова небеснаго и живой откликъ сердца Екатерины.

А тутъ и слышимъ голосъ Фелицы:

«Стремясь слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей!
О коль счастливы челоуѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ Ангелъ кроткій, Ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной;
Съ небесъ ниспославъ скиптръ посвѣтъ!»

А поэтъ Петровъ, прежде Державина сказалъ:

«Ея кротчайшая держава
Жизнь Россіянъ, Ей вѣчна слава!»

Обратимся къ соображенію мудрости Греческой съ правилами Екатерины.

По мнѣнію Віанта, «лучшее правленіе то, гдѣ законъ владычествуеть.»

И тутъ Екатерина сказала болѣе. Вѣнецъ управленія обществъ челоуѣческихъ: *предусма-*

тривать и предупреждать зло. Екатерина говоритъ: «сдѣлайте, чтобъ люди боялись законовъ, и никого бы, кромѣ ихъ не боялись.» (*)

Въ слѣдствіе этого и Она была того мнѣнія, что гражданскіе законы должны быть для всѣхъ ручною книжкою,

«Оалесъ лучшимъ правленіемъ почиталъ то, гдѣ нѣтъ ни роскоши, ни выщеты.»

Во всѣхъ предписаніяхъ своихъ, общенародныхъ и частныхъ, усиліе роскоши называла Екатерина, язвою, заражающею чистоту правовъ. И съ какимъ умилительнымъ попеченіемъ препоручала Она жребіи вдовъ и сиротъ начальникамъ Губерній и приказамъ Общественнаго Призрѣнія!

Въ той же бесѣдѣ мудрецовъ, Склеѣ Анахарзисъ подалъ голосъ въ пользу правленія, «гдѣ добродѣтель въ уваженіи, а порокъ въ презрѣніи.»

И тутъ мысль Екатерины распространилась далѣе. Награжденіемъ добродѣтели желала Она предупреждать пороки. «Книга добрыхъ законовъ,» говоритъ Она: «ни что иное есть, какъ недопущеніе до вреднаго своевольтва причинять зло себѣ подобнымъ.» (**) Еще продолжаетъ Екатерина: «можно предупреждать преступленіе награжденіемъ добродѣтели.» (***)

Хилонъ предпочиталъ то правленіе, гдѣ учатъ дѣтей благоустройству семейственному.

Отъ § 504 до окончанія главнаго содержа-

(*) Показъ.

(**) § 246. (***) § 247.

нія Наказа, Екатерина вполне высказываетъ и жребій семействъ и судьбу областей земныхъ. И тутъ святымъ дѣйствіемъ милосердія Она показала то, на чемъ Греческій мудрецъ Клеовулъ основывалъ мысль о превосходѣйшемъ правленіи. «Лучшее правленіе,» говорилъ онъ, «гдѣ соблюдаютъ во всемъ порядокъ, время и мѣру.»

Въ правленіи Екатерины Второй все было взвѣшено на вѣсахъ предусмотрительности къ соблюденію порядка, мѣры и времени.

Предосторожность нравственную уподобляютъ маяку, который въ бурныя ночи пересылаетъ отрадный свѣтъ плователямъ, носимымъ на яростной пучинѣ кипящими волнами; (*) Екатерина на межѣ отъ добродѣтели къ преступленію, возжигаетъ маякъ неугасимый: *солнце милосердія*. «Когда,» говоритъ Екатерина, «когда должно наказывать и когда прощать должно? Это лучше можно чувствовать, нежели предписать; когда милосердіе подвержено нѣкоторымъ опасностямъ, то опасности сіи очень видны.» (**)

Цѣлому свѣту извѣстно было о собраніи *Депутатовъ* въ древней столицѣ. Н. М. Карамзинъ назвалъ его *сеймомъ всемірнымъ*. И дѣйствительно вселенная въ маломъ видѣ предстала на стогнахъ Московскихъ. Какое было разнообразіе въ одеждахъ, въ обычаяхъ, въ правахъ! Но всѣ разпородныя племена соединялись въ

(*) Тацитъ.

(**) § 818.

одно чувство живой любви къ Екатеринѣ и къ Ней вполне относилось то, что Ломоносовъ говорилъ Елисаветѣ.

«Народовъ Твоя Державы
Различна рѣчь, одежда, нравы,
Но всѣхъ согласна похвала.
Единымъ гласомъ всѣ зываемъ:
Что Ты защитница и мать!»

Разсказываютъ, будто бы нѣкоторые изъ кочующихъ племенъ удивлялись, что нуженъ законъ. Не думаю. Гдѣ живутъ вмѣстѣ нѣсколько человѣкъ, тамъ существуютъ и взаимныя условія; тамъ есть и законъ, означавшій по смыслу нашихъ предковъ черту, за которую воспрещалось переходить. И въ племенахъ, населяющихъ лѣса сѣверной Америки, существуютъ отклики душевные. Въ половинѣ прошедшаго столѣтія, Мезіеръ, оставшись наследникомъ богатаго имуществва, по гонимый корыстолюбивыми родственниками, бѣжалъ изъ Франціи, переплылъ за Океанъ и тринадцать лѣтъ прожилъ съ дикимъ племенемъ въ Луизіанѣ. Описывая ихъ радушное гостепріимство, ихъ стойкость въ словѣ, онъ говоритъ, что по совершеніи неистовой трапезы, на которой поглащаютъ пѣкучихъ, дикіе объемяются невольнымъ ужасомъ, страхъ побуждаетъ мщеніе и они спѣшатъ жертвами умолительными успокоивать и себя и тѣнныя останки враговъ своихъ. (*) Природа и совѣсть не

(*) Les sauvages ne s'occupèrent plus que du soin d'appaïsser les mânes des victimes de leur férocité.

рѣдко засыпають, но рано или поздно пробуждаются и проникають въ оцепѣнѣвшую душу, говоря словами завѣтными: подобно источнику, внезапно прорвавшему въ знойной пустынѣ землю отвердѣлую.

Какую же цѣль предполагала Екатерина законамъ своимъ? Тутъ останавливается слабое мое перо, Она сама объяснить о цѣли Ея законовъ. «Боже сохрани!» възвала Екатерина, «Боже сохрани, чтобы послѣ окончанія моего законодательства былъ какой народъ болѣе справедливъ, и слѣдовательно болѣе процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ нашихъ было бы не исполнено, несчастіе, до котораго дожить не желаю!»

Тутъ скажемъ съ поэтомъ:

«Вѣнецъ побѣдъ, торжествъ —
Побѣда надъ сердцами!»

ГЛАВА IV.

ЦѢЛЬ учрежденія Губерній. — РѢЧЬ ЕКАТЕРИНЫ ПЕРВАГО СМОЛЕНСКАГО ПРЕДВОДИТЕЛЯ. — ИЗДАНИЕ СОБЕСѢДНИКА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА. — УВАЖЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ КЪ РУССКИМЪ ПИСАТЕЛЯМЪ. — ДЕРЖАВИНЪ ПОЭТЪ-ИСТОРИКЪ вѢКА ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ. — ДУХЪ СЛОВЕСНОСТИ.

Какъ океанъ землю, такъ Твоя благотворная душа всѣмъ состоявію объемлетъ.

(Изъ рѣчи, сочиненной Смоленскимъ Преосвященнымъ Пареніемъ).

Учрежденіе Губерній Екатерина основывала на трехъ главныхъ предположеніяхъ. *Во-первыхъ*: она думала, что сельское хозяйство, этотъ первоначальный источникъ питанія народнаго, оживится новымъ обиліемъ; она полагала, что тамъ, гдѣ была брошенная земля и степи, тамъ поля озлаятся жатвами и что съ умноженіемъ сельскихъ избытковъ, промышленность процвѣтетъ и въ уѣздахъ и въ городахъ, одинъ умный человѣкъ сказалъ: «уѣзды — суть основаніе зданія Государственнаго; Губерніи — стѣны; столицы — кровли.» Можно прибавить, что уѣзды первоначальное свое основаніе заимствуютъ отъ деревень и селъ. «Темные корни, далеко запавшіе въ землю, питаютъ великолѣпныя вѣтви, которыми дерево величается.» (*) *Во-вторыхъ*: учрежденіемъ Губерній Она желала ускорить судопро-

(*) Ce sont les racines obscures qui nourrissent le superbe feuillage dont l'arbre de glorifie.

изводство. (*) «Ибо,» говорила она: «отъ медленнаго производства дѣль, возрастають своевольство, лѣбеда и другіе пороки, съ ними неразлучные. Вмѣстѣ съ ускореніемъ судопроизводства, Екатерина учредила и приказы *Общественнаго Призрѣнія*, чтобы бѣдность, старость и больные страдальцы, находили немедленную помощь. Начальника Губерніи облекла Она, какъ будто въ санъ священный; Она предъявила въ лицѣ его ходатая за пользу общую и Государственную; и заступника утѣшенныхъ.» Наконецъ, Екатерина желала, чтобы сближеніе дворянъ въ Губернскихъ городахъ при выборахъ и при другихъ случаяхъ, возбуждало соревнованіе ко всѣмъ подвигамъ, относящимся къ благу семействъ и Отечества. Она желала, чтобы воспитаніе цвѣло жизнью нравственною, доставляя уму основательное просвѣщеніе; душѣ — возвышеніе; сердцу — стремленіе ко всему тому, что украшаетъ чело-вѣчество. Но замѣтимъ здѣсь, что воспитаніе, порицаемое сочинителемъ *Иедоросля*, (**) не было и не могло быть въ старину, тогда и прислуга домашняя называлась: *домочадцами*, въ число которыхъ охотно поступали и иноземцы, находя отеческій и благодѣтельный пріютъ. Екатерина желала, чтобы такимъ же доброхотствомъ одушевлялся и новый семейный бытъ. «Здравое сужденіе,» говорила она, «укрѣпляется смысломъ, за-

(*) «Челобитьемъ искать на обидчикъ и вѣка челоуѣческаго не достанетъ.» Духовная Исторія Татищева, 1737 г. стр. 50.

(**) Иедоросль, тоже почти, что Мольеровъ Пурсоньякъ.

нмствованнымъ изъ исторіи. Вникая въ отечественныя преданія и въ душу Русскаго слова, она основала *Совѣстный Судъ*.

Было время, когда при денежномъ займѣ, вмѣсто всѣхъ письменныхъ сдѣлокъ говорили: *неустойщику въ слово, да будетъ стыдно!* II Екатерина упоминаетъ эту рѣчь завѣтную. Было также время, когда того, кто пускался въ тяжбу съ родственникомъ, призывали предварительно на судъ семейный и когда ничто не убѣждало упорнаго сутяги, ему говорили: «ты человѣкъ пропадшій, ты не слушаешься совѣсти!» (*) II въ слѣдствіе этого, повторимъ еще: Екатерина учредила *Совѣстный Судъ*.

А чтобы показать мнѣніе современниковъ Екатерины о новыхъ Ея учрежденіяхъ, я приведу рѣчь перваго Смоленскаго Предводителя Ивана Яковлевича Повало-Швейковскаго, произнесенную 1776 года и сочиненную Смоленскимъ Преосвященнымъ Пареевѣмъ.

«Сто двадцать лѣтъ уже протекло, Всемилостивѣйшая Государыня! тому лестному для насъ изрѣченію отъ почивающаго въ Бозѣ Государя Великаго Князя Алексія Михайловича, что все учрежденное Смоленское дворянство и рыцарство пожаловано будетъ тѣмъ отъ Его Царскаго Величества, чего у нихъ и на умъ нѣтъ. II хотя предки наши о полученіи такового для нихъ благополучія пріятнѣйшею надеждою пытались,

(*) Иные это оспариваютъ, но это ничего не значитъ. У насъ теперь почти все столкнулось на колею спорную.

по событіе тому не воспослѣдовало. Владѣющая жизнью и сердцами Царей, судьба, нерѣдко, что одинъ на мѣрѣ положить, то другому въ дѣйствіе произвести назначаетъ. Что обѣтовалъ отцамъ нашимъ Алексій, то Екатеринѣ исполнить предоставлено. Счастливые потомки обнадеженныхъ предковъ, видимъ мы аки пророческое онаго Государя изрѣченіе, что и на мысль предкамъ нашимъ не приходило, нынѣ содѣяющееся на насъ твоею рукою, несравненная въ свѣтъ Монархія! видимъ и чувствуемъ возстаниваемый намъ златой вѣкъ. Какъ океанъ землю, такъ твоя, благотворная душа всѣ состоянія, всѣ возрасты людей объемлетъ. Оскудѣвшимъ въ силахъ и алчущимъ старцамъ, тобою даровано пропитаніе, вдовамъ и сиротамъ—доставлена защита; невиннымъ младенцамъ на распутіи поверженнымъ, тобою жизнь пишется. Божественныя благодѣянія не останавливаются на предлогахъ чувствамъ подверженныхъ; но во глубину сердецъ нашихъ проникаютъ. Тихими словами твоими пробужденная совѣсть отъ сна, пачинаетъ исполнять долгъ свой, судитъ между благомъ и зломъ, обвиняетъ пороки и малѣйшія къ оному поползновенія строго наказуетъ. Сія всегда присутствующая въ насъ совѣсть, тайныхъ помысловъ судительница, бодрость которой, Ты, Всемилостивѣйшая Государыня! въ насъ подкрѣпляешь, доказываетъ Твою мудрость и прозорливое законодательство.»

На новое поприще, проложенное учрежде-

ніемъ губерній, устремлялось первостепенное дворянство. Во второмъ Департаментъ Московскаго уѣзднаго суда засѣдалъ Камергеръ Иванъ Васильевичъ Ступишинъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ засѣдатели выбирали отставныхъ полковниковъ и генераловъ. Никто не отказывался; все желали быть гласными передъ лицемъ Преобразовательницы Россіи. Но, сказалъ Державинъ:

«Непостоянство—жребій смертныхъ!»

Воспылавшій въ началѣ духъ рвенія, мало по малу сталъ охлаждаться. Изъ Палатъ и Судовъ начали выбывать богатые дворяне. Роскошь часъ отъ часу болѣе заполняла губернскіе города и вторгалась въ уѣзды. Воспитаніе прежней Франціи втѣснилось почти во все дворянскія семейства. Все перемѣнялось; неусыпно было только наблюденіе Екатерины о пользахъ Русскаго народа. Петръ Первый называлъ собственное признаніе свидѣтельствомъ, превышающимъ свидѣтельство цѣлаго свѣта. Екатерина увѣнчалась праводушнымъ и безсмертнымъ собственнымъ признаніемъ. Видя, что всы правосудія начали въ судахъ колебаться, Она 1783 года въ *Собесѣдникѣ* любителей Россійскаго слова призналась, что по судебнымъ дѣламъ верѣдко пастовтъ пужда ѣздить въ Петербургъ для покровительства. Тутъ можно сказать съ Н. М. Карамзинымъ: «Екатерина, соглашала все словомъ своимъ.» Для вспомоствованія безсильнымъ тяжущимся, Она установила милостивцевъ, не указомъ, а словомъ благодати. По Смоленской

губерніи , родниѣ моеи , милостивцемъ былъ Церемоніймейстеръ Матвѣй Ѳедоровичъ Кашталевскій . Дворяне , прїѣзжавшіе на берега Невы по дѣламъ , являлись къ своему милостивцу ; объясняли свои обстоятельства , а онъ отобравъ записку , препровождалъ ее къ Генералъ-Прокурору . Между тѣмъ милостивецъ-покровитель радушно отворялъ двери гостепріимнаго дома своего . Извѣстно также , что Левъ Александровичъ Нарышкинъ былъ гостепріимцемъ всѣхъ прїѣзжихъ начальниковъ Азіятскихъ племенъ , находящихся подъ державою Россіи . Для каждаго изъ нихъ , приготовлялось любимое его блюдо , а на дачѣ по Петергофской дорогѣ , учреждались для нихъ особенныя увеселенія . II Азіятскіе уроженцы возвратясь на родину , славилъ Екатерину и ласковыхъ Ея бояръ , и разказами своими усугубляли приверженность соотечественниковъ къ Россіи . Эту истину подтверждаетъ Лесепсъ , сопровождавшій Графа Лаперуза отъ береговъ Франціи до Камчатки , и оттуда совершившій путь до Петербурга . « Въ проѣздъ мой , говоритъ онъ , вездѣ слышалъ я душевныя восклицанія въ честь Екатерины и просьбы , чтобы я передалъ въ Петербургъ , вѣсти о приверженности и любви къ Ней . »

Такимъ образомъ, въ подпору своихъ учрежденій, Екатерина избирала людей, понимавшихъ Ея мысли, Ея душу. Наконецъ, къ отвращенію губельныхъ успѣховъ роскоши, поглощавшей въковыя имущества и къ укрощенію ноземнаго воспитанія, уничтожавшаго прав-

ственную жизнь семействъ: Екатерина предприняла изданіе *Собесѣдника любителей Россійскаго слова*, въ составъ котораго должны были поступать одни подлинныя Русскія произведенія.

Хотите ли знать чѣмъ начала Она свое изданіе. Загляните въ I-ю часть *Собесѣдника* на статью подъ заглавіемъ: «Позвольте прочесть.» Видя какимъ образомъ хитрые управители нѣкоторыхъ расточительныхъ бояръ, заманивали простодушныхъ гражданъ въ поставщики господамъ своимъ на прихоти роскоши, Она препоручила написать разсказъ на основаніи Евангельскаго изреченія: *«не изыдеши отсюда, дондеже не воздаси послѣднюю златницу.»*

Въ этомъ разсказѣ, несчастный поставщикъ, уловленный обнадеживаніемъ въ мнимомъ покровительствѣ бояръ по подрядамъ и по другимъ сдѣлкамъ, по слѣпому довѣрію, дошелъ до крайности съ своимъ семействомъ. «Я не могу, говорила Екатерина, водить всѣхъ и cadaго на помочахъ, каждый самъ долженъ знать, что для него нужно и полезно въ его домѣ. Я могу только предостерегать.» Въ этомъ смыслѣ Державинъ сказалъ о Екатеринѣ-Феліцѣ:

«Развязывая узы и руки,
Зоветь любить торги, науки
И счастье дома находить.»

Говоря рѣчью древняго Бояна, Екатерина въ *Собесѣдникѣ* «свивала объ цолы времени,» сочетавая минувшее съ настоящимъ. Къ опроверженію лживыхъ толковъ о нашихъ отечественныхъ лѣтописяхъ, Екатерина помѣщала

въ Собесѣдникѣ записки касательно *Россійской Исторіи*; а къ остановленію разлива роскоши и причудъ иноземныхъ, печатала тамъ же остроумныя статьи подъ заглавіемъ: *Были и Небылицы*. Замѣтимъ здѣсь, что язва роскоши особенно стала свирѣпствовать у насъ, съ той гибельной годины, когда Биронъ участвовалъ въ правленіи. По словамъ Сатирика Кантемира, моты, и расточители вздѣвали тогда на себя по три деревни. Екатеринѣ оставалось только противуборствовать этой язвѣ, и Державинъ говорилъ Ей:

«Мураамъ своимъ не подражая,
По-часту ходишь Ты пѣшкомъ;
И пища самая простая
Бываетъ за твоимъ столомъ.»

Вооружаясь противъ другой язвы, то есть, противъ тогдашнихъ клеветъ на нашъ родной край, Она говоритъ въ предисловіи своемъ къ запискамъ, касательно *Россійской Исторіи*: «Сочинитель сихъ записокъ не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухой; онъ вѣкъ свой тѣшилъ исполнять долгъ сердца *благодарнаго*.» Екатерина, благодарная Россія! Въ этомъ словѣ — вся душевная жизнь Ея. Безсмертный также вѣнокъ Екатерины, цвѣтетъ въ *быляхъ и небылицахъ*. Сочинитель Недоросля, предлагая Государынѣ около тридцати вопросовъ, включилъ въ число ихъ и слѣдующій отважный вопросъ: «Имѣя Монархию честнаго человека, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ, удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться присвоивать ихъ обманомъ и ко-

варствомъ?» Умная, благодущная Екатерина, какъ будто отклоня отъ себя державную власть, скромно отвѣчала, какъ частный человѣкъ: «Для того, что во всякой землѣ и во всякое время, родъ человѣческій совершеннымъ не родится.»

Въ это время Собесѣдникъ издавался подъ надзираниемъ И. И. Шувалова и Княгини Е. Р. Дашковой. Оба они убѣждали Фонъ-Визина, не печатать своихъ вопросовъ. Онъ не соглашался, говоря, что Екатерина любитъ правду. Истощивъ убѣжденія свои, Шуваловъ представилъ Императрицѣ вопросы. Прочитавъ ихъ, Она улыбнулась и сказала: «Мы отомстимъ ему,» шутя взяла перо и написала отвѣты.

Вопросы и отвѣты напечатаны были во 2-й части Собесѣдника. Торжество правды и остроумія на сторонѣ Екатерины; и это сказано безъ всякой лести. Каждый можетъ убѣдиться въ томъ, прочитавъ ихъ въ Собесѣдникѣ. Фонъ-Визинъ первый самъ въ этомъ признался и препроводилъ въ третью часть Собесѣдника письмо, въ которомъ обвинялъ себя въ неосторожности. Екатерина тамъ же отвѣчала, что «добросовѣстное раскаяніе все загладило.»

Замѣтимъ и здѣсь мимоходомъ, что Екатерина въ міръ нравственномъ почитала воспитаніе главнымъ основаніемъ всей жизни человѣка. «Своеволіе,» говорила она, «подобно половодью, выхлынетъ вода изъ береговъ, шумитъ въ бурномъ разливѣ, но когда опять войдетъ въ свои берега, все укротится, все стихнетъ. Берега—воспитаніе.»

Услыша, что въ Москвѣ и отцы семействъ

предались псовой охотѣ, Она сказала: «жалѣю, развѣ у нихъ нѣтъ дѣтей!»

Вѣнецъ славы Собесѣдника въ томъ, что Екатерина была ревностнѣйшею въ немъ соучастицею. Къ заботамъ царственнымъ, она присо-вокупила всю историческую область, облетая мыслию и Русскія и иноземныя событія, Она царствовала и въ вѣкахъ минувшихъ и въ настоящемъ ходѣ своего времени. Почти каждая книжка Собесѣдника дышитъ, такъ сказать: бесѣдою Екатерины съ Русскою стариною и съ новыми днями быта Русскаго. И какими живыми, какими рѣзкими чертами изображала она этотъ бытъ! Зазнавался-ль кто изъ баловней счастья? Изъ пера Ея вылеталъ острый, кроткій, добросовѣстный памекъ; но все памекъ на спѣсъ *ходульную*. Увлекалась ли какая барыня излишнимъ раздобарствомъ? Сочинительница Былей и Небылицъ вызывала куму Архангелогородскую; и кума легонько улыбаясь и съ тихими приговорочками высказывала: «не садись не въ свои сани; будь поскромнѣе — будешь поумнѣе.»

У предковъ нашихъ были бесѣды, въ которыхъ они, по ихъ выраженію: *всласть наговаривались*. Были бесѣды радушныя, бесѣды Русскія, гдѣ сердце и мысли, какъ будто витали по струямъ свѣтлыхъ водъ, въ которыя смотрится небо голубое. А наговорясь всласть, предки наши прибавляли: «слово доброе къ слову, а ладья къ перевозу.» Такія бесѣды ожили въ Собесѣдникѣ. Фопъ-Визинъ, предлагалъ Екатерину смѣлые вопросы; а Яковъ Борисовичъ Княжнинъ, можно

сказать, дружески бесѣдуя съ сочинительницею Былей и Небылицъ, писалъ къ ней отъ имени какой-то модной щеголихи :

«О, ты, писатель Былей Небылицъ,
Который милымъ, легкимъ слогомъ
Кружишь моихъ по модѣ маѣ сестрицъ;
Кляпсусъ по чести передъ Богомъ,
Что я весьма довольна тѣмъ!....
О, еслибъ въ сердцѣ ты моемъ
Увидѣлъ все, что происходитъ;
Ты тѣмъ бы самъ доволенъ былъ....
По чести—ты маѣ ужасъ милъ!..
Въ тебѣ, какъ въ зеркалѣ, себя увидишь,
И въ тотъ же часъ возненавидишь
Свою минувшу блажь!» и проч.

Часы, посвящаемые занятіямъ въ Русскомъ словѣ, Екатерина называла: *часами отдыха своего*. Отдыхъ святой и незабвенный въ лѣтописяхъ отечественной нашей словесности.

На парнасѣ, названномъ Ломоносовымъ: *хранителемъ геройскихъ подвиговъ*, часъ отъ часу стихали возгласы громозвучные. Княгининъ, въ посланіи къ Княгинѣ Дашковой, говорилъ :

«Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Весьма способны докучать,
Онѣ всегда Екатерину,
За рюемой безъ ума гонясь,
Уподобляли райску криву.»

Творческою мыслию Екатерина — писательница помогла устранить это докучливое сравненіе. Этою мыслию открывала Она новое поприще, на

которомъ не прозвѣла еще ни одна струна лирическая. Остроумное, живое перо Екатерины изъ области волшебныхъ, очаровательныхъ вымысловъ, вызвало: Фелицу, Хлора-Царевича и Боярина Рышмысла. Въ очахъ Державина исчезъ прежній парнасъ; разлетъ мысли Осіяновской блеснулъ въ его поэзіи; Фелица стала вдохновеніемъ его. По Ея слѣдамъ парялъ онъ на ту году:

«Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ.»

У Фелицы спрашивалъ Ея поэтъ:

«Вѣдай! премудрая Фелица!
Гдѣ отлученъ отъ честныхъ плутъ?
Гдѣ старость по міру не бродитъ,
Заслуга хвѣбъ себѣ паходитъ?
Гдѣ мечь не гонитъ никого?
Гдѣ совѣтъ съ правдой обитаютъ,
Гдѣ добродѣтели сіяютъ?
У трона развѣ Твоего.»

Выраженіемъ души Екатерины, поэтъ извлекъ у нея слезы и Она сказала: «онъ понялъ мою душу!»

Державинъ не былъ творцемъ Осіяновскихъ, романтическихъ пѣсенъ. Паря полетомъ орлинымъ, онъ выражалъ только вѣкъ Екатерины; онъ изображалъ блистательныя лица того времени. Въ Фелицѣ—Екатерина; въ водопадѣ—Румянцевъ и Потемкинъ. Державинъ былъ поэтомъ—историкомъ царствованія Екатерины Второй. Въ быстромъ кипѣніи новыхъ событій, будутъ ли стихать звуки лиры Державина? Но

знаю. Въ наше время проза и поэзія — на мигъ. Но какія бы ни были требованія нашего XIX вѣка, Державинъ останется поэтомъ-историкомъ времени Екатерины Второй. Другое обстоятельство. Говорятъ, будто бы при Екатеринѣ, не было полного развитія Русскаго слова? Что такое полное развитіе слова? То, чтобы въ одномъ словѣ высказать все. Это принадлежитъ одному Богу. Слово Русское существовало при Екатеринѣ то же самое, какое и теперь. Пыиче въ большомъ ходу изрѣченіе Бопальда, что «словесность — выраженіе общества.» Если это такъ, то прежніе писатели выражали общество своего времени, а нынѣшніе выражаютъ свое. А языкъ все тотъ же. И до Бопальда сказано было, что «слово человѣческое — картина общества.» Разница въ томъ, кто какъ выражаетъ или изображаетъ. Рафаэль и нашъ Брюловъ тѣ же употребляютъ краски, какъ и другіе живописцы; но у нихъ своя кисть и свое безсмертіе. Намъ наскучили громы лирическіе. Это дѣло другое. Они отжили и во Французской словесности. Въ XVIII вѣкѣ оды Жанъ-Батиста-Руссо, въпчали безсмертіемъ, а теперь, по словамъ Вильмена: «громкость ихъ смолкла.» Они не входятъ въ область всемірной поэзіи. Кому Богъ далъ способность, пусть тотъ и пишетъ для вѣковъ. Напрасно называютъ время всепожирающимъ. Мысль торжествуетъ надъ нимъ.

ГЛАВА V.

Трудный подвигъ.—Внимание Екатерины къ Русскому народу.—Мысль Екатерины не отстала отъ мысли XIX столѣтїя.—Мнѣніе Екатерины о само-бытномъ духѣ Русскаго народа.—Издание Екатериною общенароднаго букваря.—Особенная мысль Екатерины, касательно Русской словесности.—Учрежденіе народныхъ училищъ.—Сущность рѣчи Козловскаго земледѣльца.—Отрывокъ изъ похвального слова Эйлеру.

Въ Одѣ на 1759 годъ , обращаясь къ Елисаветѣ , Ломоносовъ сказалъ :

«Щедротъ источникъ, Ангелъ мира,
Богиня радостныхъ сердецъ;
Навоей—какъ заря, порфира;
Какъ солнце ясныхъ дней—афицецъ.
О мыслей нашихъ рай прекрасный
Небесъ безырачныхъ образъ ясный,
Гдѣ видимъ кроткую весну?
Въ лицѣ, въ устахъ и нравѣ;
Возможно-ль при Твоей державѣ
Въ Европѣ страшну зрѣть войну!»

Гремѣла при Императрицѣ Елисаветѣ война за рубежами Россіи; свирѣпствовала война и внутри нашего Отечества: война *лихоимства* и *ябеды*. По этому случаю изданъ былъ Указъ, начинавшійся сими словами: «Несытая алчба корысти достигла до того, что некоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ лихоимства; пристрастіе — предводительствомъ судей; а потворство и упущеніе—ободреніемъ беззаконниковъ.»

Въ сихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, Сенату поручено было наблюдать всѣ извилины лбеды и козни коварнаго лихонмства, хотя бы и не было явныхъ жалобъ и прошеній. Князь Шаховской, жалься, что не присовокупилъ сего Указа къ Указамъ Назерцальнымъ, прибавляетъ, я забылъ тогда, что *отъ счастія къ несчастію одинъ шагъ*.

Вступя на трудное поприще борьбы съ растлѣніемъ правовъ и съ упадкомъ правосудія, Екатерина при восшествіи на Престолъ, отправила Сенаторовъ для обозрѣнія различныхъ областей и для водворенія въ нихъ благоустройства. Въ числѣ сихъ обозрѣтелей находился Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, сынъ Боярина Матвѣева, бывшаго первою жертвою Стрѣлецкаго бунта. Екатерина крайне была огорчена, что онъ, при первомъ шагѣ поступилъ слишкомъ круто. Правило Ея къ отвращенію зла, было слѣдующее: «Имѣя законы о наказаніяхъ, говоритъ Она въ 156 § Наказа: всегда отъ слова въ слово разумѣемые, всякъ можетъ выложить и знать непристойности худаго дѣйствія, что весьма полезно для отвращенія людей отъ зла.»

Замѣтимъ и здѣсь, что поэтъ Холмогорскій изъ первыхъ понялъ мысли и душу Екатерины. Въ одахъ Елисаветъ воспѣвалъ онъ Ея щедроты, милосердіе, покровительство. У престола Екатерины олицетворилъ онъ премудрость, въ-щавшую:

«Цвѣтутъ во славу мною царства,
И пишутъ правой судъ Цари.

II потомъ прибавляетъ:

«Премудрый гласъ сей Соломоновъ,
 Монархія! есть голосъ Твой.
 Пребудетъ твердь Твоихъ законовъ
 Ограда истинны святой.
 Онъ предварилъ Тебя вѣками,
 Ты превзойдешь его дѣлами,
 Въ чемъ власть господствуетъ ума,
 По новымъ знаніямъ восходахъ
 Въ повѣренныхъ Тебѣ народахъ
 Невѣжества исчезнетъ тма.»

II къ разъясненію тмы невѣденія, Екатерина обратила душевное вниманіе на колыбель младенцевъ. Въ 266 § Наказа, Екатерина говоритъ: «мужики обыкновенно, большею частію имѣютъ по 12, 15 и до 20 дѣтей отъ одного супружества; однако рѣдко и четвертая часть оныхъ приходитъ въ совершенный возрастъ. Чего для, непременно долженъ быть тутъ какой нибудь порокъ, или въ пищѣ, или въ образѣ ихъ жизни, или въ воспитаніи, который причиняетъ гибель сей надеждѣ Государства, какое цвѣтущее состояніе было бы сея державы, если бы могли благоразумными учрежденіями отвратить или предупредить сію пагубу!»

Извѣстно, какъ еще и во время Екатерины предубѣждены были противъ прививанія оспы и какое множество жертвъ въ крестьянскомъ быту похищала отъ этого смерть. «Къ отвращенію этого зла, говоритъ Митрополитъ Платонъ, Екатерина прививаніе оспы взяла на опытъ Своей жизни.»

Прибавимъ также, что Она первая повѣстала о воспитаніи младенцевъ, долженствующихъ или сохою питать отечество или защищать его оружіемъ.

На пути скоротечнаго странствованія земнаго, «богатъ в пищѣ, говоритъ Соломонъ, срътоста другъ друга, обоихъ же Господь сотвори.» За нѣсколько лѣтъ до разгрома древней Франціи, Французская Академія предложила эту задачу. Въ нашемъ XIX вѣкѣ Генераль дю-Фуа сказалъ: «воспитаніе бѣдныхъ обезпечиваетъ жребій богатыхъ.» Обезпечиваетъ, ибо и тотъ и другой совершаютъ путь жизни при кроткомъ сіяніи того солнца правственнаго, которое миритъ бѣдность съ богатствомъ, а богатство—сближаетъ съ бѣдностью, вниманіемъ и любовью; но Екатерина предварила и задачу Французской Академіи и мысль XIX столѣтія. Далѣе предложу, что прозорливость Ея опередила и показала все то, что называютъ упрочиваніемъ и улучшеніемъ судьбы человѣчества.

Душа Екатерины жила Россіей и для Россіи. Мы видѣли, какъ охотно жертвовала Она собою Русскому народу. Она постигла самобытный его духъ. Послушаемъ объ этомъ разговоръ Ея съ Княгинею Дашковою. Въ двадцатый годъ царствованія своего, Екатерина сказала К. Дашковой. «Народъ Русскій, особенный народъ въ свѣтъ.» — «Что это значитъ, Государыня? ужели Богъ не всѣ народы сотворилъ равными?»—«Всѣ,» отвѣчала Екатерина, «но каждый народъ различаясь словомъ своимъ, разли-

чувствуетъ и свойствами природными. Народъ Русскій отличается *догадкою, умомъ и силою*. Двдцатилѣтнее мое царствованіе убѣдило Меня въ этой истинѣ.» (*)

Эту истину недавно повторилъ Устряловъ въ Русской своей Исторіи. «Предки наши,» говоритъ онъ, «слушая Евангеліе на своемъ языкѣ, на языкѣ, понятномъ каждому, пріобрѣли ту набожность тихую, мирную, которою они отличались отъ всѣхъ Европейскихъ народовъ.» (**)

Въ Манифестѣ о учрежденіи губерній, Екатерина говоритъ, «что еще 1766 года повѣстила Она собраніе *депутатовъ*, но война съ Турціей прекратила появленіе благихъ плодовъ, ожидаемыхъ отъ новаго уложенія, составляемаго по предначертаніямъ Екатерины и совокупнымъ раченіемъ сыновъ Россіи. Но съ закрытіемъ палаты депутатовъ, не прекратились труды Екатерины. Постепенно развивался 245 § Наказа. Повторимъ его: «хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми.»

Въ нашемъ XIX столѣтіи сказано: «истинная политика, направляя мысли къ благотѣльной цѣли, ускоряетъ ходъ добра. Она неустанно старается распространеніемъ здравыхъ понятій, пролагать пути еще къ лучшимъ. Но она не насильственно вызываетъ ихъ, она наблюдаетъ только то, чтобы до водворенія ихъ въ законы, укоренились онѣ въ разумѣніи человѣческомъ.»

(*) См. Русскій Вѣстникъ 1808 года.

(**) Часть 2, стр. 209.

1830 года въ первый разъ изданъ былъ во Франціи *общенародный букварь*; и это изданіе превознесли громкими похвалами, всѣ повременные Французскіе листы. Сказано было выше, что мысль Екатерины предупредила все то, чѣмъ величается нашъ вѣкъ и здѣсь видимъ два новыя доказательства. Заботясь объ изданіи общаго уложенія, Екатерина приготавлиала умы распространеніемъ здравыхъ понятій, и для того издала *общенародный букварь*. Историки повѣствуютъ, что Сезострисъ, желая съ новорожденнымъ сыномъ своимъ сблизить понятія и сердца народа, призывалъ къ колыбели младенца тысячу сверстниковъ, предполагая, что отъ зари жизни въ душахъ ихъ запылаютъ любовь и усердіе къ послѣднику престола, Екатерина болѣе сдѣлала. Она всему Русскому народу въ общенародномъ Букварѣ подарила тѣ самыя правила, изрѣченія и повѣсти, которыя первоначально помѣстила въ Библіотекѣ для Внуковъ своихъ. Англійскій переводчикъ Омировыхъ поэмъ говорятъ, что «Одиссея его — поэма любви къ человечеству.» Жизнію этой любви, Екатерина желала все соединить отъ чертоговъ до хижинъ.

Непрерывно повторимъ еще: дѣйствовала и мысль Екатерины. 1781 года сказала Она мнѣніе свое о самобытномъ свойствѣ и духѣ народа Русскаго, а 1783 года въ Собесѣдникѣ любителей Русскаго слова, предложила главное правило, касательно Русской словесности. *Кто будетъ писать, тому думать по-Русски.*

Думать и писать по-Русски, по самобытно-

му духу народа Русскаго. Въ слѣдствіе этого, Екатерина въ 25-й годъ своего царствованія, учредила Народныя Училища. Учрежденіе ихъ Она предварила издавіемъ учебныхъ книгъ по всѣмъ разрядамъ области умственной. Рука Ея положила краеугольный камень въ основаніе зданія общепароднаго ученія. Въ міръ видимомъ, солнце свѣтитъ для всѣхъ; въ міръ нравственномъ, солнце просвѣщенія должно также сіять для всѣхъ, чтобы каждый видѣлъ пути, ведущіе къ добру и отклоняющіе отъ зла. «Добродѣтель,» говоритъ Сократъ, «знаніе; порокъ — невѣжество.» Въ нашъ ХІХ вѣкъ сказано: «Слава народная болѣе осуществляется въ нравственности, нежели въ вещественныхъ источникахъ его богатства.» (*) Это истина: ибо невѣжество и развратъ помрачаютъ душу и уничтожаютъ дары природы. «Вступь,» говоритъ Екатерина въ запискахъ, касательно Россійской Исторіи; «вступь одинъ народъ величается предъ другимъ старѣйшинствомъ и преимущества ищетъ, ибо по Святому Писанію извѣстно, что всѣ народы суть потомки Адама. Буде же быть преію между народами, то не о старѣйшинствѣ, но приличнѣе развѣ о томъ, который народъ много старѣе прославился *доброправіемъ* и прочими добродѣтелями.»

Оживимъ дѣянія временъ минувшихъ. Въ рѣчи, вложенной Державинымъ въ уста Козлов-

(*) La gloire d'un peuple réside dans morale bien plus que dans les ressources matérielles.

скаго земледѣльца, услышимъ голосъ Екатерины и увидимъ, чего желала Она при учрежденіи Народныхъ Училищъ. Перенесемся мыслію въ Тамбовъ; войдемъ въ стѣны того здавія, гдѣ присутствовалъ Губернаторъ — поэтъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ! Посмотрите! кто входитъ въ Русскомъ кафтанѣ? То однопворецъ Петръ Захаровъ, уроженецъ Козловскій. Онъ вводитъ съ собою юнаго сына, и восклицаетъ: «Проснись Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ! Ты основалъ въ Москвѣ Законоспаское Училище! Проснись Петръ Первый! Ты въ Сѣверной своей столицѣ основалъ Академію Наукъ. Новое святое дѣло совершается. Уста Русскаго земледѣльца вѣщаютъ Вамъ: проснитесь! воззрите! Вы основали духовныя и свѣтскія учебныя заведенія; Пресмыка Престола Вашего, Екатерина Вторая, подобно солнцу, изливающему на все сіяніе свое, озаряетъ просвѣщеніемъ весь народъ Русскій. Она созидаетъ храмъ любви своей къ народу среди сердецъ простыхъ, но умѣющихъ чувствовать даръ любви и благоволенія. Отнынѣ подъ покровомъ хижины водворится свѣтъ, сіяющій въ знаменитыхъ святилищахъ наукъ.»

И оборотясь къ сыну, однопворецъ продолжалъ: «Вмѣстѣ со мною преклони колѣно предъ лицемъ изображеніемъ премудрой Царицы! Она желаетъ въ каждомъ сынѣ Россіи видѣть человека, вполне достойнаго имени человека; Она желаетъ, да будутъ вездѣ граждане добродѣтельные и попечительные отцы семействъ; Она изъ чертоговъ своихъ простираетъ длань въ хижины, и вѣ-

Тутъ дѣло идетъ не о цвѣтахъ поэзіи и не о красотахъ слога. Дѣло въ томъ : уважали ли писатели того времени полноту Русскаго народа. Слова — одежда мысли. Вѣщность мѣняется. Человѣкъ, въ какой-бы-то нибыло одеждѣ, остается съ своею душою , съ своимъ сердцемъ , съ своею мыслию.

Вотъ на что надобно дѣйствовать. Ломоносовъ въ Одѣ своей на восшествіе на Престолъ Екатерины Второй, сказалъ :

«О сколь Монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россіи владѣть,
Онъ славою въ свѣтъ будетъ звученъ.»

Но какою славою ? Поэтъ отвѣчаетъ :

«Чтобъ всѣ сердца въ рукѣ имѣть.»

И потомъ, не разбирая состояній, Ломоносовъ прибавляетъ :

Что мы въ такой счастливой долѣ
 До Ней и не бывали въ вѣкъ;
 Что здѣсь стѣсненный человѣкъ—
 Досель земли обремененье,
 На все имѣвшій запрещенье,
 Днесъ мыслить и счастливымъ быть
 Отъ Ней имѣетъ разрѣшенье.»

А за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, тотъ же
 Княжичъ въ стѣнахъ той Академіи, гдѣ теперь
 квестъ нашихъ живописцевъ, какъ будто выво-
 дитъ изъ могилъ Рафаэля и другихъ гениевъ
 Италіи, говоритъ: «Сіе убѣжище художествъ,
 основанное кроткою Елисаветою, воспріяло
 новую силу мудрыми учрежденіями творческаго
 духа Екатерины Второй..... Учрежденіями на
 вѣки Отечеству полезными, даровавшее и сей
 Академіи воспитательное Училище, и тѣмъ наи-
 достопамятнѣйшими, что и превосходныя даро-
 ванія, безъ средствъ, образующихъ сердце юно-
 шества, были бы — ничто.»

ГЛАВА VI.

ПРАВДА ЛП, БУДТО БЫ ВЪ ВЪКЪ ЕКАТЕРИНЫ ПИСАТЕЛИ
НЕ ВСЕ ВЫСКАЗАЛИ.

Тутъ дѣло идетъ не о цвѣтахъ поэзіи и не о красотахъ слога. Дѣло въ томъ : уважали ли писатели того времени пользы Русскаго народа. Слова — одежда мысли. Внѣшность измѣняется. Человѣкъ, въ какой-бы-то нибыло одеждѣ, остается съ своею душою , съ своимъ сердцемъ , съ своею мыслию.

Вотъ на что надобно дѣйствовать. Ломоносовъ въ Одѣ своей на восшествіе на Престолъ Екатерины Второй, сказалъ :

«О сколь Монархъ благополученъ,
Кто знаетъ Россіи владѣть,
Онъ славою въ свѣтъ будетъ звученъ.»

Но какою славою ? Поэтъ отвѣчаетъ :

«Чтобъ всѣ сердца въ рукѣ имѣть.»

И потомъ, не разбирая состояній, Ломоносовъ прибавляетъ :

«Исчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до Царя.»

Это все относится къ душѣ, но известно, что въ послѣдніе дни своей жизни, онъ рачительно занимался и всѣмъ тѣмъ, что принадлежитъ къ здоровью и къ улучшенію быта Русскаго народа; свидетельства объ этомъ напечатаны въ Москвитянинѣ.

При въѣздѣ Своемъ на царство, Екатерина, желая ознакомиться съ образомъ мыслей своихъ писателей, разрѣшила свободное печатаніе на три дня. Сумароковъ сочинилъ похвальное слово Императрицѣ; не расточая ни какой лести, по духу Назерпальнаго Указа Петра I, отъ 17-го Апрѣля 1722 года, представилъ живую картину лбеды и лихоимства, разрушающихъ зданіе правды. «Горестно слышать,» говоритъ онъ, «будто бы можно быть правымъ по совѣсти и виноватымъ на дѣлѣ.»

Одинъ опытный судья сказалъ мнѣ: «Мы судимъ не дѣло, а то, что написано на бумагѣ.» Сколько же предстоить переходовъ этой бумагѣ, рѣшающей судьбу тяжущихся? И сколько нужно глубокаго знанія силы природнаго языка тамъ, гдѣ и одно слово, не у мѣста поставленное, или не такъ выраженное, затемняетъ все дѣло! Вскорѣ послѣ Сумарокова, въ томъ же духѣ, всѣ Русскія повременныя или срочныя изданія, начиная отъ *Адской почты* до *Почты духовъ*, устремили на лбеду стрѣлы свои. Отъ чего и какъ укрывалась она отъ нихъ? Объ этомъ здѣсь не разсуждаю.

«Но,» говоритъ Суворовъ: «точность въ одномъ Богъ, а въ дѣлахъ человѣческихъ нужно теченіе.» А если это теченіе превышаетъ жизнь человѣческую: то, что тогда дѣлать? Фонъ-Визинъ, въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ имъ Екатерины, помѣстивъ и слѣдующій: «отчего у насъ не печатаютъ судебныхъ дѣлъ?» Императрица отвѣчала: «отъ того, что у насъ нѣтъ вольныхъ типографій.» Это было сказано 1783 года. Съ того времени завелись у насъ и вольныя типографіи. Вѣроятно, что печатаніе судебныхъ дѣлъ, показало бы причину, отчего дѣла замедляются и запутываются, то есть: это бы, такъ сказать, развязало Гордіевъ судебный узелъ. Объ этомъ напечаталъ я въ Русскомъ Вѣстникѣ 1812 года.

Тотъ же Фонъ-Визинъ, представилъ повременныя изданія въ видѣ стражей общественныхъ пользы и блага.

Повторимъ, что Сатирикъ Кавтемиръ, еще при Аннѣ Іоанновнѣ сказалъ, что наши пышныя бара, начали вздѣвать въ себя по три деревни. И это сушая правда. Богатый Французскій кафтанъ съ брилліантовыми пуговицами, и на башмакахъ пряжки съ брилліантами. Роскошь и мотовство, держась объ руку, шли быстрыми шагами. Наши бара ѣздили въ богатыхъ каретахъ цугомъ. На запяткахъ гайдуки; впереди щегольскіе скороходы. И мнѣ довелось еще въ молодости моей это видѣть. Псовыя охоты копъли Азіятскою, сатрапскою пышностью. Безчисленныя дворни поглощали сельскій бытъ.

Наконецъ роскошь и мотовство произвели чудовищей лихоимства. А что оно дѣлало, прочтайте комедію Сумарокова *Лихоимецъ*. Къ предупрежденію беззаконнаго роста и къ обузданію ростовщиковъ, Екатерина II учредила *ломбарды*. Цѣль ихъ была та, чтобы въ случаѣ неурожаевъ, или скотскаго падежа, или пожаровъ, можно было тамъ занимать за легкія проценты. Не то случилось. Модныя кареты къ празднику увлекали занятое; а когда появилась шали, то и того стало хуже.

Въ это время, у отважныхъ должниковъ, въ разгулъ была поговорка: *не у должниковъ вертится подушка, а у займодавцевъ*.

Наши срочныя изданія вооружились противъ роскоши и мотовства, но тщетно. Наконецъ и Екатерина II, какъ сказано было выше, приняла участіе въ *Собесѣдникѣ* любителей Русскаго слова.

Возразятъ, можетъ быть, что въ вѣкъ Екатерины II не было особеннаго вниманія къ *народности*, или къ тому, что относится къ пользѣ земледѣльцевъ. Было и все это. Сельское общество при ней учредилось. Въ Ея царствованіе изъ нашей Академіи Наукъ, Русскіе и иностранные ученые путешествовали по обширной Россіи для отысканія и памятниковъ историческихъ и для изслѣдованія всѣхъ царствъ природы. Не дремали и повременныя изданія: почти весь *Живописецъ* Новикова посвященъ защитѣ трудолюбиваго земледѣльческаго сословія. А какое вниманіе обращалъ издатель и на колыбель

младенцевъ : о томъ можно видѣть изъ первыхъ страницъ его изданія. Упомянемъ также , что Сумароковъ первый повѣстилъ о необходимости хлѣбныхъ запасовъ, и сильно возставалъ противъ возвышенія цѣнъ въ неурожайные годы. «Не могу,» говорилъ онъ , «прикасаться къ пищѣ, орошенной слезами страдальцевъ.» Въ примѣчаніяхъ своихъ на Исторію Леклерка , Болтинъ, представя горестное зрѣлище той годины, когда при Биронѣ изнуряли цѣлыя деревни пагубными праведками , съ такою же ревностію , какъ и другіе писатели вѣка Екатерины , возстаетъ противъ роскоши, изнуряющей быть сельскій.

Въ пользу народа возвышался голосъ и на театрѣ. Княжвинъ поражалъ стыдомъ тѣхъ , которые :

«Искусно въ рекруты торгуютъ людьми,»

домогались позорной наживы. А въ оперѣ своей: *Несчастье отъ кареты*, показалъ, какое зло напосила сохъ безразсудная страсть къ затѣямъ моды. Эту оперу часто давали на Эрмитажномъ театрѣ Екатерины II. Тутъ же Княжвинъ, уважая труды Русскихъ земледѣльцевъ, сказалъ:

«Питатель ревностный народа,

На вывы и поля спѣшитъ.

Чтѣ трудъ его, сама природа

Согбенны класы золотитъ.

Въ священнои рукъ его работъ

Блаженство міра состоитъ.»

Голиковъ говоритъ, что блонды, кружева и прочія Парижскія ткани, часъ отъ часу болѣе вычерпывали наслѣдство предковъ.

Изъ этого очерка видно, что писатели вѣка Екатерины Второй высказали все, касательно пользы Русскаго народа. Но иное дѣло производить это въ дѣйствіе.

Тщеславіе — главная причина всѣхъ легкомысленныхъ затѣй; Екатерина это знала и чтобы не давать повадки величаться небывалою славою, напечатала въ Запискахъ, касательно Россійской Исторіи, слѣдующее: «Сказываютъ, что Руссы Филиппу Македонскому еще за 310 лѣтъ до Р. Х. въ войнѣ помогали, также и сыну его Александру и за храбрость отъ него грамоту золотыми словами писанную достали, которая, будто въ архивѣ Султана Турецкаго лежитъ. Но понеже архивными бумагами бани Султанскія топятъ, то вѣроятно, что и сія грамота къ тому же употреблена, буде тамъ лежала.»

Всѣмъ извѣстно, что Екатерина отказалась отъ предлагаемаго Ей наименованія Великой. И въ поэзіи Державина, Она скромно говоритъ дворянамъ:

«Даю вамъ право собираться

И золото себѣ копить,

Ко Миѣ послани отправляться

И не всегда меня хвалить.»

Екатерина предоставляла полное право владѣльцамъ земель, употреблять въ пользу свою и поселянъ и дары природы и весь прочіа выгоды ихъ помѣстій. Ни въ чемъ не стѣсняла Она и гражданскаго сословія по производству торговыхъ его дѣлъ.

Когда пронеслась молва по Петербургу о схваткѣ прикащиковъ нашего купца Владимірова съ Англійскими купцами въ Лондонѣ, Княгиня Дашкова получила отъ Екатерины слѣдующую записку: «Пріѣзжай ко мнѣ. Знаю Англію, но мнѣ нужно поговорить съ тобою объ Англичанахъ; ты лично наблюдала ихъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, умъ хорошъ, а два лучше.»

Государыня встрѣтила ее словами: «Слышала ли ты, что задумалъ нашъ проказникъ Владиміровъ? Онъ приказалъ бросить въ море половину своей пеньки, завезенной въ Англію, сердясь за то, что Англичане сбивали на нее цѣну. Я призывала его, и онъ говоритъ: — «Матушка, будьте спокойны, Русская торговля не ударитъ въ грязь лицомъ. Пусть они упрямятся, они ничего не выиграютъ; если за половину не дадутъ того, что слѣдовало за все — велю еще утопить часть пеньки. Пропади все. Не дамъ васмѣяться надъ собою. Договоръ долженъ быть святъ. Будьте спокойны, Матушка.»

«Вотъ, что онъ говоритъ, а ты какъ объ этомъ думаешь?» Княгиня отвѣчала: «Я думаю, Государыня, что онъ правъ. Пенька для морской торговли Англіи, стоитъ почти на ряду съ нуждою хлѣба. Купцы Англійскіе дѣлаютъ Вла-

димірову пустую привязку. Неумѣстная ихъ гордость уступить необходимости. Гдѣ имъ взять на скорую руку такой запасъ пеньки? Такъ и сбылось. Владиміровъ, за остальное выручилъ свое сполна.» (*)

Нашъ Колумбъ, Гражданинъ Шелуховъ, своею волею, своею догадкою, пустился по волнамъ морскимъ и проложилъ новый путь торговли нашего Американскаго общества.

Ссылаясь на историка Ксенофонта, Екатерина предложила въ Наказъ о необходимости словеснаго Суда, чтобы по торговымъ дѣламъ и обстоятельствамъ, граждане не терпѣли ущерба, а не рѣдко и разоренія.

Видѣли мы выше, какимъ образомъ Екатерина, перомъ добросовѣстнымъ предостерегала простодушныхъ поставщиковъ отъ порога и переднихъ расточительныхъ баръ. Тѣмъ же перомъ вооружалась Она противъ баловней-дворянъ, которые, по тогдашней гвардейской службѣ, выходили въ полевые полки капитанами, а чрезъ годъ, спѣшили въ отставку высокоблагородными. Это особенно случилось предъ второю Турецкою войною, и Екатерина въ посланіи своемъ, подъ заглавіемъ: *Къ трусамъ*, говорила: «Вы бѣжите отъ сабель Турецкихъ, въ поместья свои, но для чего? Не для того, чтобъ заняться умнымъ домоводствомъ, но чтобы рыскать по полямъ съ собаками; топтать свои и чужія пивы; заводить ссоры и драки съ соседями, и не рѣдко возвращаться домой съ перело-

(*) Это я слышалъ отъ самой Княгини Дашковой.

мленными руками и ногами. Это-ли дѣло дворянское? Такъ у васъ проходитъ лѣто; а зимою вы безумствуете въ карты и буйствуете въ шумныхъ попойкахъ. Вы убиваете жизнь въ позоръ себѣ и въ поношеніе потомства своего.»

Это только сущность посланія; но можетъ быть, и теперь еще у кого нибудь найдется этотъ печатный листокъ. Екатерина тѣмъ болѣе вооружалась противъ вреда, причиняемаго сельскому хозяйству, что въ Наказѣ Своемъ назвала земледѣліе важнѣйшимъ источникомъ промышленности и богатства Россіи. По этому убѣжденію, Она была, такъ сказать, на неусыпной стражѣ народнаго продовольствія. Это свидѣтельствуетъ слѣдующее собственноручное письмо Ея къ Пензенскому Губернатору, Генералъ-Поручику Ступишину:

Имѣя извѣстіе, что въ Пензенской губерніи состоятъ выгодныя цѣны хлѣбу, созволяемъ, чтобы вы, по сношенію съ Генералъ-Провіант-мейстеромъ Новосильцовымъ, и по мѣрѣ доставляемой отъ него вамъ суммы, старались искупить потребное количество онаго, для здѣшняго запаснаго магазейна, производя таковую покупку хлѣба и доставленіе его сюда съ наилучшимъ хозяйственнымъ распоряженіемъ и подавая вообще требованіямъ помянутаго Генералъ-Провіант-мейстера, по сему предмету удовлетвореніе и всякое пособіе. Пребываемъ къ вамъ доброжелательны.

«ЕКАТЕРИНА.»

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

6 Ноября 1792 года.

Однажды дошло до Императрицы извѣстіе, что въ Москвѣ цѣна на овесъ возвысилась до *двухъ копѣекъ*, а на сѣно пабавлена *копѣйка*. Она призвала Генераль-Прокурора Князя Вяземскаго, и сказала ему: «Слышалъ ли ты, что въ Москвѣ вздорожали овесъ и сѣно. Пошли тотчасъ туда нарочнаго, и замѣть Губернатору, чтобы впредь давали Мнѣ знать предварительно о возвышеніи цѣнъ, на какой бы то ни было избытокъ.»

Въ бытность Свою въ Москвѣ, говоритъ Принцъ Делинь: «Екатерина узнала, что въ нѣкоторыхъ областяхъ оказались признаки голода. Тотчасъ прекратились празднества; благотворительность заступила мѣсто великолѣвія; человеколюбіе и состраданіе замѣнили роскошь. Тысячи повозокъ нагрузились хлѣбомъ. На лицѣ Екатерины тогда только блеснулъ лучъ спокойствія, когда Она сдѣлала всѣ нужныя распоряженія къ прекращенію голода, угрожавшаго тѣмъ областямъ.»

Въ заключеніе этой статьи, поводомъ которой послужили мнѣ слова, напечатанныя въ одномъ изъ повременныхъ нашихъ изданій: «будто бы писатели вѣка Екатерины не все высказали,» предлагаю рѣчь А. И. Бибикова, бывшаго Предсѣдателемъ Палаты Депутатовъ. Я особенно ссылаюсь на свидѣтельства Екатерины. Она была и Царицей и Писательницей. Но если, въ самомъ дѣлѣ, не все тогда было сказано или отъ чего то, что было сказано, не вполне произведено было въ дѣйствіе? Это повторю и

здѣсь : другое дѣло и не касается моего пера. А вотъ рѣчь Бибикова :

«Принявъ жезлъ Маршала, получилъ я достоинство Предводителя вашего. Высочайшая воля Великой нашей Самодержицы, посредствомъ собственнаго вашего выбора , почтеннѣйшее собраніе , сію должность на меня возлагаетъ.

«Почтенно и славно для меня стать Предводителемъ знаменитаго Государственныхъ чиновъ собранія. Неизрѣченная же объемлетъ меня радость, представляя въ умѣ своемъ , что собраніе сіе Премудрая наша Обладательница созываетъ для устроенія любезному нашему Отечеству такового благополучія , каковое только смертнымъ вмѣстимо быть можетъ. Восхищаюсь, усматривая общее всѣхъ усердіе видѣть утвержденіе въ Россіи благоденствія установленіемъ ясныхъ, полезныхъ, давно намъ нужныхъ и всѣми желаемыхъ законовъ. Не имѣю сомнѣнія , почтенные господа ! Чтобы мы всѣ вообще и каждый особливо сему не были ревнительны, когда собственное наше и потомковъ нашихъ благо къ тому насъ влекутъ, а Премудрая и человеколюбивая Императрица наша, сіе мыслію и устами свободное собраніе покровительствовать , руководствовать предпріемлетъ, прилагая попеченіе о томъ, чтобы достигнуть событія сказанныхъ въ преславному Ея Манифестъ отъ 14 Декабря 1766 года словъ : «видѣть Богомъ врученный Ей народъ только счастливымъ и довольнымъ, koliko человеческое счастье на сей землѣ простираться можетъ.» Слова воистину несходно въ устахъ ,

и неизгладимо во вѣки на сердцахъ нашихъ пребывать достойныя. Они доказываютъ и безпредѣльную къ вамъ, дѣти Россійскія, любовь вашей Матери и опытъ сердца истинно Монаршаго, наполненнаго благости къ подвластнымъ ему народамъ.

«Не уповаю я, почтеннѣйшее собраніе, чтобъ одинъ между нами таковой найтись могъ, которому бы труды и подвиги о пользѣ нашей и мудрое государствомъ управленіе несравненной Монархини были неизвѣстны, ибо самая дѣла многообразно то доказали, свидѣтельствомъ тому и слава праведно о нихъ гремящая, не только въ обширныхъ концахъ Россіи, но и во всѣхъ предѣлахъ свѣта.

«Кто не знаетъ попеченія Ея о судѣ прѣвомъ? Кому не свѣдомы насажденные и исправленные училища и воспитанія. Какъ умолчать щедротами Ея оживленные сироты и утѣшенныя вдовыцы. И какъ наконецъ не прославятъ всѣ подъ кровомъ Ея тишиною огражденные пространной Россіи обитатели?

«Спѣшитъ иноземныхъ народовъ множество со-радоватися и соблагоденствовать, обитая съ нами. Мудрый, говорю я, и попечительный промыслъ нашей Обладательницы, возвращаетъ вамъ дни златаго вѣка.

«Но когда бы мы всего того допынѣ не видали, то и одно предлежащее дѣло сильно было насъ увѣрить; конечно счастливы и благополучны мы, имѣя таковую Государыню, что главнымъ предметомъ имѣетъ народа своего счастье.

«II для того обязаны мы въ непремѣнный долгъ себѣ поставить всеусильное, о томъ приложить тщаніе, чтобы, колько возможно предъуспѣвало толь спасительное о насъ и потомкахъ нашихъ Вседражайшей нашей Государыни попеченіе.

«Докажемъ горячую и истинную благу общему ревность, ознаменимъ къ толико возлюбившей насъ Государынѣ нелicenseмѣрную любовь и послушаніе, явимъ предъ свѣтомъ, что дѣти Россійскія таковой Матери достойны. Отгонимъ отъ сердецъ нашихъ суровость и предубѣжденіе, могущія воспрепятствовать нашему блаженству; пойдѣмъ въ слѣдъ намѣреніямъ чадолубивой нашей Матери; опѣ утвердятъ и прославятъ Россію.»

Съ общаго и единодушнаго согласія, Депутаты желали поднести Екатерину, наименованіе Великой, Премудрой и Матери Отечества. Она отвѣчала: «О званіяхъ, кои вы желаете, чтобы Я приняла, на сіе отвѣтствую: 1) *Великая*, о Моихъ дѣлахъ оставляю времени и потомкамъ судить. 2) *Премудрая*, никакъ назвать Себя не могу — ибо одинъ Богъ премудръ. 3) *Матери Отечества*, любить, Богомъ врученныхъ Мнѣ подданныхъ, Я за долгъ званія Моего почитаю и быть любимою отъ нихъ, есть первое Мое желаніе.»

ГЛАВА VII.

Мнѣніе Екатерины о Французской революціи и
просьба Суворова идти противъ Французовъ.

При началъ изданія Русскаго Вѣстника, Княгиня Е. Р. Дашкова была моею сотрудницею. Однажды, между прочими разговорами, я спросилъ ее, какого мнѣнія была Екатерина о Французской революціи. Вотъ, что я отъ нее слышалъ :

«Спѣша во дворецъ, я встрѣтила Принца д'Артуа въ ту самую минуту, когда онъ садился въ карету, не отпывая платка отъ глазъ. Императрицу застала также въ слезахъ. Вы плакали, Государыня?» сказала я. «Плакала, да не есть отъ чего плакать,» горестно отвѣчала Екатерина. «Принцы Французскіе въ изгнаніи; Королевское семейство гибнетъ; старинная Франція, какъ будто бѣжитъ изъ отечества своего. И это ни къ чему не послужило. Эмигранты вошли во Францію вмѣстѣ съ Союзными войсками и вмѣстѣ съ ними убѣдился, что имъ нечего уже дѣлать. Зная легкомысленность и вѣтренность Французовъ и убѣжденная въ необходимости порядка общественнаго, я полагала, что суматоха

Французская будетъ минутнымъ порывомъ. Ошиблась. Это не бунтъ, не революція; это, Богъ знаетъ, что такое. Закроемъ высокоумныя наши книги и примемся опять за букварь.»

«Государыня,» сказала я, «Вы то же говорите, что Гиббонъ говоритъ въ письмѣ, которое я на дняхъ получила отъ него изъ Женевы. Онъ пишетъ, что зрѣлище теперешней Франціи — небывалое событіе въ исторіи и что при всѣхъ усиліяхъ мысли, нельзя опредѣлить, чѣмъ все это кончится.»

«Это извѣстно одному Богу,» возразила Екатерина. «Правда, однако и то, что тутъ не кстати замѣшалось пустое чванство. Къ чему было дворянству наряжаться въ рыцарскія одежды, залитыя золотомъ; къ чему было депутатовъ du tiers état, въ бѣдныхъ ихъ черныхъ запечкахъ, заталкивать въ сѣни дворца Версальскаго? Не люблю Людовика XI, но онъ правду сказалъ:

«Quand l'orgueil marche devant,
Dommage suit de près.» (*)

«Я ничего не намекнула Принцу о мнѣніи моемъ; но у насъ при собраніи Депутатовъ Имперіи, всѣмъ былъ равный пріемъ и одинакая почестъ. Браютъ Неккера за то, что онъ удвоилъ число Депутатовъ средняго сословія противъ чиновъ дворянства и духовенства; но браютъ его несправедливо. По

(*) Если гордость идетъ впередъ,

То вѣрно на бѣду найдетъ.

закрытія нашей Палаты въ Москвѣ, Депутаты разѣхались по домамъ своимъ съ добрымъ мнѣніемъ обо мнѣ, и это ускорило преобразованіе губерній. Ты знаешь, какія клеветы вводило на меня Французское Министерство. Легкомысленному Герцогу Шуазёлю не понравился мой Наказъ за изъявленное въ немъ вниманіе къ народу—и онъ сжегъ его въ Парижѣ. Что же, развѣ это спасло Францію? Я не перемѣнила мнѣнія моего о Русскомъ народѣ, а во Франціи все перемѣнилось. Люблю перо Вольтера, но чрезвычайно досадую на него за презрѣніе къ хижинамъ поселянъ. Народъ надобно вразумлять, а не бранить. Ты помнишь, что я говорила во время Пугачевского бунта; я была убѣждена, что одно заблужденіе, будто бы онъ тотъ, за кого выдавалъ себя, привлекало къ нему народъ; я твердо была увѣрена, что когда толпы образумятся и узнаютъ коварный обманъ, то сообщники его, сама, собственными руками выдадутъ его. Такъ и сбылось. Впрочемъ, въ разсужденіи Франціи, я буду держаться правила моего доктора Роджерсона: онъ всегда выжидаетъ дѣйствія природы, а потомъ начинаетъ давать лекарства; и я стану выжидать, что будетъ съ Франціей.»

«Между тѣмъ,» продолжала Княгиня, «палъ Конвентъ, учредилась Директорія и юный Генералъ Бонапартъ побѣждалъ въ Италіи и угрожалъ Вѣнѣ.» Въ это время Императрица мнѣ сказала: «Нашъ Суворовъ, то и дѣло пишетъ ко мнѣ: *Матушка,пусти меня противъ Французовъ*; но я не пушу его. Я думала, что послѣ

Конвента Французы образумятся, вспомнятъ Бурбоновъ и призовутъ ихъ. Ошиблась и въ этомъ. Слышу, что и Талейранъ, прежній Епископъ, вступилъ или вступаетъ въ новое Министерство. Мы съ тобою не забыли уроковъ исторіи; мы знаемъ, что Порсена для Тарквинія, а Дарій для Ишарха, по пустому теряли войска свои. Питтъ напрасно тратитъ гинеи Англіи. Можетъ быть, штыки Суворова были бы дѣйствительныѣ, но противъ времени трудно бороться. А когда и какъ оно переломится? Это кажется извѣстно одному Богу. Кипѣніе страстей—та же горячка. Ты знаешь, что я искренно желала добра Людовику XVI и за годъ до революціи, все выгоды торговли, которыми отъ насъ пользовалась Англія, уступила Франціи. Что же изъ этого вышло? Боже мой, какихъ поклеповъ не ввели на меня! Есть люди, которые говорятъ, будто бы я рада бѣдѣ Франціи, и будто теперь, заманиваю оттуда къ себѣ и военныхъ и ученыхъ людей; а мы исключили изъ нашей Академіи Маркиза Кондорсета. Если ты переживешь меня, (и дай Богъ, чтобы пережила, мнѣ что-то грустно становится), то помѣсти въ своихъ запискахъ, что Екатерина II не славилась ни мудростью, ни силою, но никогда не дурачила людей и никому не желала зла.»

ГЛАВА VIII.

**РУССКАЯ СТАРИНА ВЪ ЧЕРТОГАХЪ ЕКАТЕРИНЫ И РАЗ-
СЪЯННОСТЬ БОЛЬШАГО СВѢТА.**

Табакерка съ Портретомъ Петра I,» говорить Принцъ Делницъ, «не сходилъ съ рабочаго столика Екатерины въ чертогахъ Ея и не разлучна была съ Нею во всѣхъ Ея путешествіяхъ. Предпринимая что нибудь, Она обращалась къ портрету Великаго Своего предка и какъ будто спрашивала его, какъ бы онъ поступилъ и что бы онъ сдѣлалъ въ томъ или другомъ случаѣ? Но при всемъ уваженіи Своемъ къ Петру I, Она не подтвердила бы условій договора при Прутѣ. Она не поколебима была среди всѣхъ опасностей. Когда Густавъ III, увлекаясь слѣпымъ высокомеріемъ, надѣялся въ рас-
плохъ захватить Петербургъ, Екатерина писала ко мнѣ: «Оква Моего дворца трясутся отъ Шведскихъ выстрѣловъ на водахъ Финскаго залива; а маленькое Мое хозяйство идетъ своимъ чередомъ.» И это сущая правда. Я былъ съ Екатериною въ одной каретѣ, когда въ Бахчисаратѣ, лошади помчались съ горы и повесели во весь опоръ. Будь я одинъ, я струсилъ

бы, но смотря на спокойное лице Екатерины и я былъ спокоенъ; Она не только не содрогнулась, но даже и не прекратила разговора, начатаго Ею за завтракомъ, послѣ котораго мы отправились въ путь.»

Екатерина старалась только окончивать то, чего не довершилъ Петръ I въ разрядахъ внутренняго управленія нашего Отечества; но у Нее была своя сила духа и мысли. Петръ I ошибся, полагая, будто бы призраки образованія тогдашней Европы, могутъ сблизжать различныя сословія и соединеніемъ умовъ, производить то, что называютъ *общимъ мнѣніемъ*. По возвращеніи Своемъ изъ Парижа, Онъ учредилъ ассамблеи, куда должны были сходиться и Князья и Бояре и всѣхъ состояній иноземцы, прїѣзжавшіе въ новую Его столицу. Онъ хотѣлъ у Себя дома короче ознакомить тогдашнюю почетность, не любившую Его нововведеній, съ людьми Европейскими и съ обычаями ихъ; но Онъ никакъ не думалъ, что изъ тѣхъ ассамблей выйдетъ новый, такъ называемый *большой свѣтъ* и что роскошь и мотовство, возбуждая тщеславіе этого свѣта, будутъ изнурять жизнь и труды быта сельскаго. Онъ не думалъ объ этомъ, починивая собственною рукою изношенные Свои сапоги и радуясь, что изъ простаго Русскаго сукна сшилъ Себѣ новый кафтанъ. Въ Россію, Имъ преобразовываемую, прїѣзжали тогда иноземцы по дѣламъ торговымъ, слѣдственно трудолюбивые; но когда, въ щегольскомъ нарядѣ, явился къ Петру тотъ Эрцистъ Минихъ, кото-

рый въ послѣдствіи научилъ Русскихъ побѣждать кареями, то и онъ, какъ — то не понравился Государю. Но убѣдясь въ военныхъ и математическихъ его знаніяхъ, Онъ сказалъ: «щегольству Миниха подражать не будемъ, а умъные его намъ пригодятся.» Всѣ близкіе люди къ Петру I знали, что трудъ и работу Онъ почиталъ главнымъ основаніемъ всѣхъ Своихъ учрежденій. Когда Екатерина II пригласила И. И. Неплюева въ наставники сына Своего, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, Всемилостивѣйшая Государыня, не могу принять на себя этого званія. Не тотъ теперь свѣтъ, который былъ при Великомъ Государѣ Петрѣ I. Нынче день не въ день — ночь не въ ночь — во всемъ безвременье. Днемъ и ночью скачутъ въ каретахъ, Богъ знаетъ, за чѣмъ и для чего; въковое, домашнее имущество предковъ пошло на воздухъ. Цѣлыя деревни промотаны. Нѣтъ, Ваше Величество, я въ этомъ свѣтъ и ступить не умѣю; мнѣ остается только молиться Богу за милость Вашу, да удалиться въ помѣстье свое, чтобы тамъ успокоиться подлѣ могилъ отцевъ моихъ.» (*)

Не смотря на предписанія Свои начальникамъ губерній объ укрощеніи расточительной роскоши и видя, какъ быстро исчезъ весь блескъ мнимаго образованія того Парижа, который до 1789 года величали названіемъ всемірной столицы вкуса и всѣхъ очарованій жизни, Екатерина

(*) Это я слышалъ отъ А. А. Пазыцына, переводчика Элоизы, который былъ женатъ на Неплюевой.

часть отъ часу болѣе зазывала въ чертоги Свои старинную Русь временъ минувшихъ. У Нее былъ свой семейный кругъ и всѣ произведенія Ея пера напоминали о простомъ бытѣ предковъ нашихъ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что въ двухъ драмахъ Своихъ: Избраніе Рюрика и Олегово правленіе, Она первая уничтожила у насъ стѣснительныя *три единства* и проложила свободное драматическое поприще Шекспира. Замѣтимъ также, что на вопросъ Фонъ-Визина въ Собесѣдникъ: «отъ чего у насъ перевелся семейныя общества?» Екатерина отвѣчала: «отъ того, что завелись клубы.»

Возобновляя въ чертогахъ Своихъ Русскую старину, Екатерина не домогалась нарядить тогдашній большой свѣтъ въ старинную одежду предковъ. При необычайныхъ Европейскихъ событіяхъ того времени, Она хотѣла только пріостановить легкомысленное круженіе въ вихрь разсѣянностей, и отъ разорительной роскоши, обратитъ къ жизни семейной и хозяйственной умѣренности. Но повторимъ и здѣсь: и перо и примѣры Ея — все было тщетно.

Историкъ скажетъ, по какой причинѣ, послѣ прекращенія военныхъ дѣйствій съ Турціею, Русскія войска остались въ Польшѣ; историкъ объяснитъ, отъ чего пали Прага и Варшава и что было поводомъ къ войнѣ съ Персіею 1796 года: а я взгляну на тогдашнюю Европу и на нашъ большой свѣтъ.

Долины и поля Италіи оглашались победоносными громами оружія юнаго соперника Ганни-

бала и Юлія — Цесаря; на Рейнѣ кипѣли сраженія; на берегахъ древней Батавіи развѣвался трехцвѣтный флагъ. Казалось, будто бы другимъ областямъ Европейскимъ ничто не угрожало; но то мнимое спокойствіе было тишиною Океана предъ волненіемъ грозной бури.

А вотъ, что было у насъ. Тогдашній большой свѣтъ, въ Сѣверной и въ древней нашей столицѣ, раздѣлялся на двѣ стороны: на *Англомановъ* и *Галломановъ*. Англія боролась съ Франціею, а за портыце стальныхъ модныхъ ея пуговицъ для фраковъ, наши Англоманы платили чистымъ золотомъ и потомъ бросали за ничто. Совѣстно припоминать, но и зубочистки, привозимыя изъ Лондона, были въ чести въ домахъ почетныхъ. Прежній Парижъ исчезъ; а наши Московскіе вѣтревики все еще продолжали жизнь прежнихъ Французскихъ *петиметровъ*. Страшное дѣло! Въ то самое время, когда отжила старинная Франція, на берега Невы переселилась *рулетка* и сдѣлалась общею забавою прекраснаго пола. Это не та рулетка, которая математическими выкладками, затрудняла и умнаго Паскаля. Говорятъ, что рулетка моднаго свѣта старинной Франціи много унесла звонкости, и наша не уступала ей въ этомъ. Объ этой ручиѣ игрушкѣ помѣщена была остроумная статья Броневскаго въ Санктпетербургскомъ Зрителѣ II. А. Крылова, скажу только, что и въ эти кружки, закралась спѣсь и мотовство. У иныхъ рулетки осыпаны были жемчугомъ; у другихъ мелкими брилліантами. И сколько еще было

такихъ модныхъ бездѣлицъ, и какъ дорого стояли онѣ сельскому быту: но объ этомъ нѣкогда было думать въ вихрь разсѣянностей. Балы, концерты, домашніе театры, маскарады — все это непрестанно чередовалось, особенно въ Москвѣ. Такой же веселый разгулъ жизни былъ и на улицахъ, какой въ палатахъ Князей и Бояръ. Что, если бы тогда нашелся ктонибудь, кто бы сказалъ, что лѣтъ чрезъ пятнадцать, Москва сгоритъ и что въ ней трудно будетъ достать кусокъ хлѣба? Но такого предсказателя не было. Все кружилось въ разсѣянности, ни о чемъ не заботясь. Я былъ тогда въ Москвѣ, служилъ въ числѣ Адъютантовъ у Князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, жилъ въ его домѣ и никогда не слыхалъ объ имени того человѣка, который въ древнюю нашу столицу ввелъ двадцать вооруженныхъ народовъ и нигдѣ тогда не произносили имени его. Далѣе увидимъ, что онъ забочивалъ одного только нашего Суворова. По отставкѣ Князя Юрія Владиміровича, я отправился въ свой Московскій баталіонъ. Восемь нашихъ баталіоновъ стояли въ Петербургѣ, подъ Осиповыми рощами. Полковники наши были люди свѣтскіе, умные, но и въ лагерь имя героя Италіи было безгласно. Въ числѣ тѣхъ Полковниковъ былъ извѣстный острякъ, Князь С. Н. Долгорукій, который въ нашъ двѣнадцатый годъ былъ въ рядахъ Русскихъ и Французскимъ перомъ шутилъ надъ Наполеономъ подъ Тарутинымъ, и онъ тогда забавлялъ въ лагерь и въ модныхъ обществахъ острыми шутками и первый прочиталъ

мнѣ посланіе Н. М. Карамзина къ женщинамъ , которое вмѣстѣ съ «Модною жепою» И. И. Дмитриева, первенствовали въ нашей словесности. Спросятъ , какое же было тогда общее мнѣніе? Никакого. Но чѣмъ болѣе умножались бури на Западѣ Европы, тѣмъ болѣе усиливалась у насъ беспечность о всемъ томъ , что тамъ дѣлается. Мои современники почитали Екатерину II бессмертною и подъ щитомъ Ея веселились , не увлекаясь мыслию ни въ какую даль. Я говорю это о нашемъ тогдашнемъ большомъ свѣтѣ ; а чего не видалъ, о томъ и не пишу.

При жизни еще Траяна , Плиній Младшій сочинилъ ему похвальное слово и въ присутствіи своего Императора читалъ его въ собраніи Римскаго Сената. Екатерины давно нѣтъ на свѣтѣ. Ей не пужны мои похвалы. Я просто говорилъ, чего Она *желала* и о чемъ *думала*, въ благихъ Своихъ намѣреніяхъ для нашего Отечества.

Она *желала* утвердить единодушное мнѣніе и для того издала для всего народа тотъ самый *букварь* , который сочинила для Внуковъ Своихъ.

Она *желала*, чтобы Русское самобытное слово, часть отъ часу болѣе и болѣе процвѣтало и это желаніе подкрѣпляла рѣчами Своими и перомъ Своимъ.

Она *желала* , чтобы умѣренность и умное домоводство побѣждали роскошь и расточительность и для того , первая изъ Царей земныхъ , вступила на одну чреду съ издателями поврежденныхъ сочиненій. Она въ Свое время занима-

лась ревностіе всѣхъ изслѣдованіемъ древнихъ нашихъ лѣтописцевъ и препоручила вездѣ отыскивать памятники Русской старины; но въ этихъ трудахъ Она не похищала ни одного мгновенія отъ дѣлъ правленія Своего; на это посвящала Она раннее утро. «Екатерина,» говоритъ Прынцъ Делинь, «вставала въ половинѣ шестаго часа, не тревожа никого, Сама разводила огонь въ каминѣ и принималась за *Свой трудъ*» за трудъ отечественный—для Отечества.

Учреждая губерніи, Екатерина *думала*, что откроетъ дворянамъ надежныя пути къ благонамѣренному воспитанію дѣтей ихъ; и тутъ, явно показала Она, чтобы Русскіе воспитывались подъ руководствомъ Русскихъ наставниковъ, возбуждая къ тому собственнымъ Своимъ примѣромъ. Мы видѣли, что въ наставники Сына Своего призывала Она Неплюева, сотрудника Петра I, и когда онъ отказался, Она поручила званіе наставника Графу П. И. Панину.

Она *думала*, что учрежденіе губерній ускоритъ судопроизводство; но Императорскій Указъ Петра I, 1722 года, свидѣтельствуешь, что и Онъ не успѣлъ въ этомъ трудномъ дѣлѣ, отъ того ли, что въ законахъ былъ какойнибудь недостатокъ, или въ людяхъ не было къ тому доброхотнаго стремленія; объ этомъ здѣсь не разсуждаю. Наконецъ, Она *полагала* и *думала*, что при общемъ семейственномъ благоустройствѣ, Она доставитъ успѣшный ходъ внутренней промышленности и умножитъ довольство всѣхъ сословій. Но и въ этомъ случаѣ голосъ

Ея раздавался въ пустынь. Сказано было выше, что на вопросъ Фонъ-Визина : «отъ чего перевелись семейныя общества?» Она отвѣчала : «отъ того, что завелись клубы.» Въ 1-й книжкѣ Русскаго Вѣстника 1808 года, я предложилъ этотъ вопросъ въ обратномъ смыслѣ : «отъ чего перевелись семейныя общества и завелись клубы.» Тогда никто не отвѣчалъ на него ; а здѣсь скажу объ этомъ нѣсколько словъ. При Екатеринѣ, въ губерніяхъ, кромѣ дворянскихъ выборовъ, не было никакихъ собраній по образцу Московскаго Благороднаго Собранія. Но моды изъ двухъ столицъ перешли и въ губернскіе города и въ уѣзды. Отъ наводненія ихъ семейный дворянскій бытъ, сталъ часъ отъ часу болѣе разстроиваться. Однимъ изъ Своихъ Указовъ Петръ I намѣренъ былъ передать недвижимое имѣніе старшему въ родѣ, а младшимъ предоставить пользоваться доходами, предполагая, что они разорятся, если по раздробленіи имѣній, вздумаютъ продолжать такую же роскошную жизнь, какую вели ихъ отцы при полномъ владѣніи имѣніемъ своимъ. Но тогдашняя роскошная жизнь состояла болѣе въ пиршествахъ, изъ избытковъ и изобилія домашняго. Тогда еще рѣдко и въ столицахъ кипѣли пирѣ въ прихотей четырехъ частей свѣта. Послѣ Петра и это перешло далѣе въ Россію, а въ вѣкъ Екатерины, доходы съ помѣстій стали истощаться на все модное : на наряды, на кареты. Желаніе блеснуть всѣмъ этимъ, заманивало губернскіе города, гдѣ и балы, и концер-

ты, и карточная игра, отвлекали отъ заботъ семейныхъ, отъ воспитанія дѣтей, и гдѣ гибли труды поселянъ.

Силенъ былъ волею Своею Петръ I, но и Онъ не могъ всего удержать въ надлежащей мѣрѣ. По свидѣтельству историка Татищева, Государь, видя безпорядочное правленіе дворцовыхъ вотчинъ, располагалъ 1723 года распродать ихъ дворянамъ. (*) Что бы изъ того вышло? Я объ этомъ не разсуждаю; но извѣстно, что при Петрѣ и въ поминъ еще не было тѣхъ модъ, которыя впослѣдствіи все запленили у насъ. А что Екатерина сильно боролась противъ губительной расточительности, какъ писательница и какъ Царница, это свидѣлствуютъ всѣ шаги Ея правленія и всѣ произведенія Ея пера. «Я непрерывно борюсь съ злоупотребленіями,» говорила Она; «но и Я человекъ и Я въ обширной Россіи не могу одна всего усмотрѣть; народъ Русскій уменъ; онъ убѣжденъ, что Я всѣми силами стараюсь о его пользахъ и добрѣ, назначая начальниковъ, я усиливаюсь передавать имъ и мысли и душу Мою, а если кто изъ нихъ не рачитъ о святомъ долгѣ охраненія народнаго, тотъ будетъ отвѣчать Богу.»

(*) См. духовную Татищева.

ЛЮДИ ВЪКА

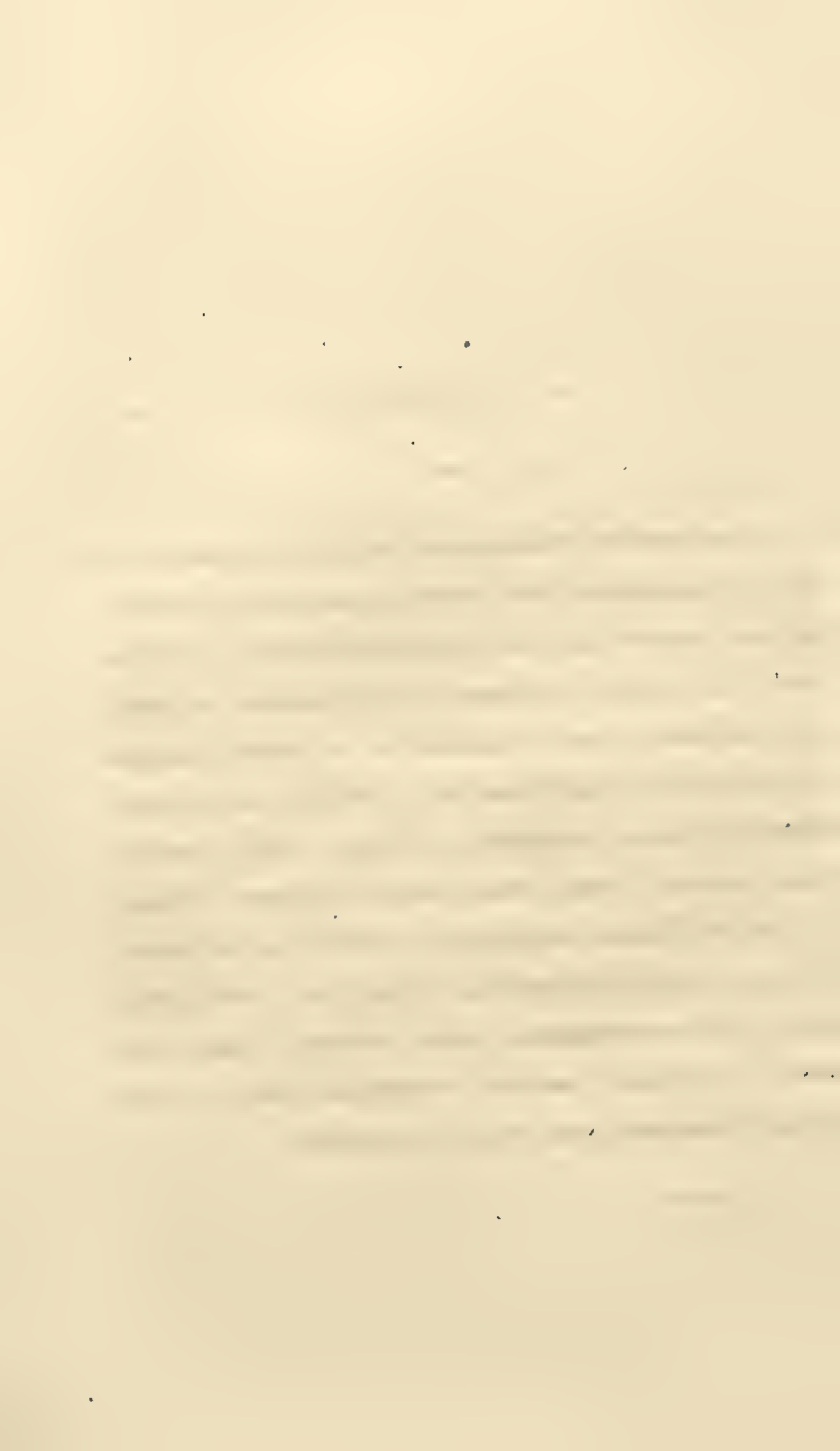
ЕКАТЕРИНЫ II.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

О военныхъ дѣйствіяхъ вѣка Екатерины II буду предлагать безъ всѣхъ оговорокъ, припоминая только мнѣніе современниковъ. Не обещаю никакихъ біографій. Буду писать о томъ, что видѣлъ, что слышалъ и о чемъ имѣлъ письменныя свидѣтельства. Новымъ и особеннымъ трудомъ заняться не могу. Мнѣ семьдесятъ лѣтъ, глаза мои часъ отъ часу болѣе меркнутъ. Около года самъ не читаю и не пишу. О славѣ писателя никогда не мечталъ и не мечтаю; но счастливымъ себя почту, если изъ всѣхъ трудовъ моихъ останется хотя одна мысль полезная для моего Отечества.

26 Августа.

1843 года.

ГЛАВА IX.

Суворовъ , военный его слогъ и сношенія съ А. П.
Бяпковымъ.

Екатерина II въ Полковникъ Суворовъ угадала будущаго героя Римникскаго и покорителя грознаго Измаила. 1768 года, когда въ Польшѣ кипѣла конфедерація, Она открыла ему путь, съ котораго въ Ея время имя Суворова перешло въ Русскія военныя лѣтописи и увѣковѣчилось въ нихъ ; не стану здѣсь разсуждать , какъ и отъ чего , при каждомъ избраніи на Польскій престолъ новаго Короля, приходили въ движеніе и Пруссія, и Австрія и Россія и почти всѣ области Европейскія. Не стану также разбирать, въ самой ли Польшѣ или вѣдъ ея , существовали обстоятельства , сѣявшія раздоры между Магнатами и , по выраженію одного изъ историковъ : «превращавшія сеймъ въ мѣсто сраженія.» Были въ Польшѣ великіе историческіе люди; въ числѣ ихъ былъ и тотъ Іоаннъ Собесскій, который спасъ Вѣну, а можетъ быть и цѣлый Западъ отъ нашествія Оттоманскаго оружія. Но, по свидѣтельству повѣйшаго его историка , и онъ ничего не могъ сдѣлать для своего отечества. II какъ воинъ и какъ Государь , говорятъ Сальванди : «Іоаннъ Собесскій во всю свою жизнь и непрестанно»

но всѣмъ жертвовалъ выгодамъ Польши. Герой неутомимый, онъ, какъ будто одинъ былъ ея защитникомъ. Удивительны были его усилія, чтобы сохранить ея предѣлы и законы. Но и онъ, укрощая наглость враговъ, стѣснявшихъ Польшу со всѣхъ сторонъ, не могъ побѣдить внутренней ея вражды.»

Такъ пишетъ Сальванди, бывшій Министромъ Просвѣщенія въ новой Франціи, откуда прежніе Министры, обольщая Поляковъ мнимыми надеждами, безразсуднымъ легкомысліемъ влекли ихъ къ неизбежной гибели.

Какъ бы то ни было, но Суворовъ при Екатеринѣ, въ борьбѣ съ конфедератами, началъ новое поприще военныхъ своихъ дѣйствій. Не войду объ этомъ въ особенныя подробности; упомяну только о подвигѣ его противъ Литовскаго Маршала Огинскаго. Окончивъ борьбу свою съ Пулавскимъ и съ отрядами Французскими, онъ, по собственному своему соображенію и не споясь съ Генераломъ Веймаромъ, быстро двинулся въ Литву; пролетѣлъ нѣсколько сотъ верстъ, напалъ ночью на ополченіе Огинскаго и разбилъ его. Веймаръ, за самовольный поступокъ, требовалъ суда надъ Суворовымъ. Это не сбылось. Въ послѣдствіи, за такой же поступокъ и Румянцевъ отдавалъ Суворова подъ судъ; но Екатерина рѣшила, что побѣдителей не судятъ. Екатерина взяла на Свою отвѣтственность геній Суворова и онъ во все Ея царствованіе не измѣнилъ Ея довѣренности. Одинъ только разъ, при осадѣ Очакова Потемкинымъ,

порывался онъ самъ собою на приступъ и былъ отбитъ. Впрочемъ, все дѣйствія были поприщемъ побѣдъ; а побѣды его были слѣдствіемъ военныхъ его правилъ, соображенныхъ съ духомъ Русскихъ войскъ.

Выше было сказано, что Екатерина угадала въ Суворовъ перваго полководца Своего времени, и это было слѣдствіемъ собственной Ея прозорливости. 1763 года, Она лично присутствовала на ученьѣ Суздальскаго полка, бывшаго подъ начальствомъ Полковника Суворова. Она знала духъ Русскій; и видѣла его въ военныхъ правилахъ Суворова, и это было первымъ оспованіемъ непоколебимой Ея довѣренности къ нему. Вотъ, что говоритъ объ этомъ Графъ Понтмартенъ: «Хотя Суворовъ совершенно знаетъ умозрительную часть *Тактики*, но въ дѣйствіи учитъ только одному: идти впередъ, кареями или колонною; словъ: *назадъ* и *отступать*, нѣтъ въ словарь его. Слухъ, взоры и души своихъ воиновъ предостерегаетъ онъ отъ всякаго вида отступленія. Пѣхота его дѣйствуетъ штыками, а конница саблями. Сабля и побѣда повинуются ему; онъ всегда съ нимъ впереди.» И потомъ прибавляетъ: «Какъ удивителенъ Суворовъ! онъ нѣженъ, добръ, чувствителенъ, великодушенъ; онъ молодъ по быстротѣ движеній и по чувствамъ души своей.» (*)

(*) Изъ Французской книги, подъ заглавіемъ Парижъ, уѣзды и Версаль. Часть II.

Суворовъ и въ дни мирныя, былъ какъ будто бы на войнѣ: въ чемъ и свидѣтельствуется разводное его ученье и наставленіе солдатамъ:

«Къ ученью хотя по одиначкѣ рекрута или солдата, выводить всегда въ сумъ, чтобъ привыкалъ къ тягости и къ вольному дѣйствію ружьемъ: тяжело въ ученьѣ, легко въ походѣ; легко въ ученьѣ, тяжело въ походѣ (*).

«Разводъ.—Отъ онаго главное вліяніе въ обученіи.

«*Исправься!—бей сборъ!—ученье будетъ!—*Пріемы и повороты по командѣ, по флигельману, по барабану.—*пальба будетъ! заряжай ружье!—*Плутонгами, полудивизіонами, дивизіонами.—При заряданіи, приклада на землю отнюдь не ставить.—Отскакиваетъ шомполъ; пуля не крѣпко прибита.

«Наблюдать косою рядъ; — прикладъ крѣпко упереть въ сгибъ праваго плеча, стволъ бросать въ лѣвую ладонь; пуля бьетъ въ полчеловѣка.

«Примѣрно можно и съ порохомъ. Ружья чистить между часовъ.

«Выстрѣлить между одного и двухъ патроновъ.

«*Наступными плутонгами начинай! отбою нѣтъ;—*сигналъ барабана походъ: — выстрѣлить отъ одного до двухъ патроновъ.

«*Атакуй первую непріятельскую линію! въ штыки! ура!* Взводные командиры: *коли! коли!* рядовые: *ура!* — громогласно. — Краткій отбой.

«Непріятельская кавалерія скачетъ на выручку къ своей пѣхотѣ. — *Атакуй!* здѣсь держать штыкъ въ брюхо человѣку; случится, что попа-

(*) Это еще не было видѣ напечатано.

детъ штыкъ въ морду, особливо въ грудь лошади.—Краткій отбой.

«Атакуй вторую непріятельскую линію, — или резервы непріятельскіе, атакуй! — отбой сымъ кончится.

«Третья сквозная атака. — Линія ровняется въ мигъ. — Впередъ! Не смѣетъ никто пятиться ни четверти шага назадъ.—Ступай! по-взводно! полудивизіонами или дивизіонами! — На походъ плутонги вздвоннвають въ полудивизіоны, или сіп ломають на плутонги. Солдатскій шагъ аршинъ, въ захожденіи полтора шага. Начинаетъ барабанъ, бьетъ свои три колѣна: — его смѣняетъ музыка, играетъ полный походъ; опять барабанъ. И такъ смѣняются между собою;—бить и играть скорѣе шагъ. Интерваллы или промежутки взводовъ весьма соблюдать, дабы пришедъ на прежнее мѣсто, при командѣ стой! всѣ взводы вдругъ стояли и заходили въ линію.

«Вторая или первая половина линіи, по рядамъ налево или направо ступай! ступай на атаку! ступай! У сего барабанъ фельдъ-маршъ.—Заходитъ противъ части, на мѣстѣ стоящей, изъ картечнаго выстрѣла вонъ. Ступай! походъ въ барабаны.—На 80 саженьяхъ отъ непріятельскаго фронта бѣжать впередъ отъ 10 до 15 шаговъ чрезъ картечную черту полевой большой артиллеріи, на 60 саженьяхъ тоже чрезъ картечную черту полковой артиллеріи, и на 60 шагахъ върной черты пуль. Ступай, ступай! въ штыки! ура! Противная линія встрѣчаетъ пальбою на семъ послѣднемъ разстояніи, и на 30 шагахъ ударитъ

сама въ штыки. Съ обѣихъ сторонъ сквозная атака — равно сему другая линія: атака! обѣ части на прежнихъ мѣстахъ, — также и отдѣльная часть. Заходить колонною для деплояды фронтовъ, ежели есть мѣсто.

«Обѣ части дѣлаютъ колонны по числу людей въ разводѣ, въ одну или двѣ колонны. — Атака будетъ колонной! ступай! барабанъ бьетъ походъ на 60 шагахъ одни отъ другихъ. Ступай! ступай! атакуй, въ штыки! ура! мушкетъ въ правой рукѣ на перевѣсъ! колонны между собою насквозь быстро примѣрно колютъ. — Колонны! строй каре! стрѣлки стрѣлай въ ранжиръ! плутонами, пачинай! — Здѣсь каре на мѣстѣ. Стрѣлки бьютъ пѣздишковъ и набѣгающихъ непріятелей, а особливо чиновниковъ; плутоны палятъ въ ихъ толпы. Пальба должна быть кратка; ибо тутъ дѣло больше картечь. Потомъ бросаются колотъ. Ступай! ступай! атакуй! въ штыки! ура! что возбраняется сквозною карейною атакою. Стрѣлки! впередъ, докалывай, дострѣливай, бери въ полонъ оставшихся непріятелей между кареевъ. Барабанъ—краткій сборъ! — Стрѣлки въ свои мѣста. Карей! строй колонны! исполненіе тоже, какъ выше о колоннахъ.

«Колонны строй каре! Карей ступай! ступай! ступай! атакуй въ штыки! ура! — Здѣсь безъ пальбы, атака прежняя.

«Карей строй линейный фронтъ, а заходящей части, по разсмотрѣнію вмѣсто линіи въ колонну, или по четыре. Команда оной: по рядамъ, или четыре, на право или на лѣво, ступай на

прежнее мѣсто! стой!—Фронтъ—барабанъ фельд-маршъ.

Примѣч. «Сія основательныя маневры хожденія и эволюціи, равны въ баталіонныхъ, полковыхъ и корпусныхъ экзерциціяхъ. Начальникъ можетъ требовать батальнаго огня? — Исправный прикладъ править пальбою.—Здѣсь она разстроивается, по неминуемой торопливости; но во взводной пальбѣ оный видѣтъ. Одиначка пальбы на баталіи выдетъ сама собою. Для сбереженія пули, тутъ на каждомъ выстрѣлѣ всякій въ своего противника долженъ цѣлить. — Залпа? Въ разводъ, коли съ пальбою для очищенія ружей. — Въ шномъ строю, — только для исправности приклада; — противъ непріятеля не годится! — Онъ можетъ сколоть и порубить, пока заряжаютъ. — Наступныхъ плутоновъ? Оные только для движенія, но противъ непріятеля сія ломанная линія не годится: ибо онъ ее, особливо кавалеріею и малою, взрубить можетъ.—Отступныхъ плутоновъ? — Лучше объ оныхъ и не помышлять! — вліяніе ихъ солдату весьма опасно; а потому и ни о какихъ ретирадахъ въ пѣхотѣ и кавалеріи не мыслить!....

—

Послѣ сего разводнаго ученья, когда оное будетъ учинено по приходѣ развода въ главную квартиру,—куда оный приходитъ до разсвѣта, а на разсвѣтъ выходитъ на площадь, — Штабъ—Офицеръ того полка, чей разводъ, командуетъ: *подъ курокъ!*—и начинается, въ присутствіи всего Генералитетства, Штабъ и Оберъ—Офицеровъ,

говорить къ солдатамъ ихъ паръчіемъ панзустъ слѣдующее :

«Каблуки сомкнуты, подколѣнки стянуты! — Солдатъ стоитъ стрѣлкой. — Четвертаго вижу, пятаго не вижу.

«Военный шагъ, аршинъ, — въ захожденіи полтора аршина; — береги интерваллы! — солдатъ во фронтъ на шагъ строится по локтю; — шеренга отъ шеренги три шага; въ маршъ два, — барабаны не мѣшай! —

«Береги пулю на три дня, а иногда и на цѣлую кампанію, когда не гдѣ взять. — Стрѣлай рѣдко, да мѣтко, — штыкомъ коли крѣпко; пуля обмишуются, а штыкъ не обмишуются; пуля дура, а штыкъ молодецъ! — Коли одинъ разъ! — бросай непріятеля со штыка! — мертвъ на штыкъ, царапаетъ саблей шею. — Сабля на шею! — Отскокни шагъ, — ударъ опять! — коли другаго, коли третьяго! — богатырь заколетъ полдюжины, а я видалъ и больше. Береги пулю въ дуль! — трое наскочатъ! — перваго заколи, втораго застрѣли, третьему штыкомъ карачунъ! —

«Въ атакѣ не задерживай! — для пальбы сильно въ мишень! — на человека пуль двадцать свинцу, пѣть экономіи не много стоятъ. — Мы стрѣляемъ цѣльно! — у насъ пропадаетъ тридцатая пуля! — а въ полевой и полковой артиллеріи развѣ меньше десятаго заряду? — Фитиль не картечь! — бросься на картечь! — летитъ сверхъ головы! — пушки твои, — люди твои! Вали на мѣсть! — гони, коли! — остальнымъ давай пощаду! — грѣхъ напрасно убивать! — они такіе

же люди! — умирай за домъ Богородицы! — за Матушку! (*) за Пресвѣтлѣйшій Домъ! — Церковъ Бога молишь. Кто остался живъ, тому честь и слава!

«Обывателя не обижай! — онъ насъ поитъ и кормитъ. — Солдатъ не разбойникъ. — Святая добычъ! — возьми лагерь! — все ваше. — Возьми крѣпость! все ваше. — Въ Измаилѣ, кромѣ инаго, дѣлили золото и серебро пригоршнями. — Такъ и во многихъ мѣстахъ. — Безъ приказа отнюдь не ходи на добычъ!

«Въ баталіи полевой при атакѣ: *въ крыло*, которое слабѣе. — Крѣпкое крыло закрыто лѣсомъ! — Это не мудрено! — Солдатъ проберется и болотомъ! тяжело черезъ рѣку — безъ мосту не перебѣжишь. — Шапцы всякіе перескочьшь. — Атака *въ средину* не выгодна, развѣ конница хорошо рубить будетъ, а иначе сами сожмутъ. — Атака *въ тылъ* очень хороша, только не для большого корпуса, а арміею заходить тяжело.

«Баталія въ полѣ! — линіею противъ регулярныхъ, — кареями противъ иррегулярныхъ, — а можетъ случиться и противъ Турковъ, что пятисотною кареею надлежать будетъ прорвать пяти и семитысячную толпу съ помощію фланговыхъ кареевъ. — На тотъ случай бросится онъ въ колонну! — но въ томъ до сего пужды не бывало. — Французы воюють на Нѣмцовъ и иныхъ

(*) Такъ называлъ Суворовъ Императрицу Екатерину.

колоннами! — Если бы намъ случилось противъ нихъ, — то надобно намъ ихъ бить колоннами же! —

«Баталія на окопы на основаніи полевой! — Ровъ не глубокъ, валъ не высокъ! — бросься въ ровъ, скачи чрезъ валъ, ударь въ штыки, колы, гони, бери въ полонъ! — помни отрѣзывать! — тутъ подручныя конницы! — Въ Прагѣ отрѣзала пѣхота! — Да тутъ были тройные и большіе окопы и цѣлая крѣпость, — для того атаковали колоннами! —

«Ломи чрезъ засѣкъ, — бросай плетни чрезъ волчьи ямы, — быстро бѣги! — Прыгай чрезъ палисады, бросай фашины, спускайся въ ровъ, ставь лѣстницы! — стрѣлки, очищай колонны! — стрѣлай по головамъ! — колонны, лети чрезъ стѣны на валъ, скаливай, — на валу вытягивай линію! — Караулъ по пороховымъ погребамъ! — отвори ворота конницѣ! — Непріятель бѣжитъ въ городъ! — Его пушки обороти по немъ. — Стрѣлай сильно въ улицы, бомбардируй живо! — недосугъ за этимъ ходить! — приказъ! — спускайся въ городъ, коли непріятеля въ улицахъ! — конница руби! — въ дома не ходи, — бей на площадяхъ, — штурму, гдѣ непріятель засѣлъ, — занимай площадь, — ставь гаубтвахтъ, разставляй въ мигъ пикеты къ воротамъ, погребамъ, магазинамъ! — непріятель сдался! — пощада! — стѣна занята! — на добычъ! —

«Два воинскія искусства.—*Первое*, глазомѣръ, какъ въ лагерь стать, какъ идти, гдѣ атаковать, гнать и бить. — *Второе*, быстрота! —

Глазомѣръ ! быстрота ! натискъ !

Глазомѣръ : для занятія мѣстоположенія; — при-
мѣрнаго осужденія о силахъ непріятельскихъ; —
для узнаанія его предпріятій.

Быстрота. Немедленно исполняй повелѣнное.

«Походъ полевой артиллеріи отъ полу — до
версты впереди, чтобъ спускамъ и подъемамъ
не мѣшали. — Колонна сблизится; она опять
выиграетъ свое мѣсто. — Подъ гору сошедъ, на
равнинѣ на рысяхъ. — Походъ по рядамъ, или
по четыре для лесной дороги, улицы, для уз-
каго моста, для водяныхъ и болотныхъ мѣстъ,
по тропинкамъ, — и только, когда атаковать
непріятеля, взводами, чтобъ хвостъ сократить. —
Не останавливайся, гуляй, играй, пой пѣсни,
бей барабанъ, музыка греми! — десятковъ отло-
мать! — первый взводъ снимай вѣтры, ложись! —
за нимъ второй взводъ, — и такъ взводъ за
взводомъ, первая заднихъ не жди! — линія въ
колоннѣ на походъ растянется, коли по четыре,
то въ полтора, а порядкомъ вдвое. — Стояла
на шагу, идетъ на двухъ; — стояла на одной
верстѣ, растянется на двѣ; — стояла на двухъ,
растянется на четырехъ! — то досталось бы
первымъ взводамъ ждать послѣднихъ полчаса по
пустому! — на первомъ десяткѣ отдыхъ часъ.
— Первый взводъ вспрыгнулъ, надѣлъ вѣтры,
бѣжитъ впередъ десять, пятнадцать шаговъ; а
на походъ, прошедь узкое мѣсто, на гору, отъ
пятнадцати и до пятидесяти шаговъ. — И такъ
взводъ за взводомъ, чтобъ задніе между тѣмъ
отдыхали! — Второй десятокъ: — отбой! —

отдыхъ часъ и больше! — коли третій переходъ малъ, то оба пополамъ, и тутъ отдыхъ три четверти часа, или полчаса, или четверть часа, чтобъ ребятамъ поспѣть скорѣе къ кашамъ! это для пѣхоты! —

«Конница своимъ походомъ впередъ! — съ коней долой! — отдыхаетъ мало и выше десятка, чтобъ дать конямъ въ лагерь выстояться! — кашеварныя повозки впередъ и съ палаточными ящиками! — братцы пришли! къ кашѣ поспѣли! — артельный староста: къ кашамъ! — на завтракъ отдыхъ четыре часа, то же самое къ ночлегу, отдыхъ шесть часовъ и до осьми, какова дорога; — а сближаясь къ непріятелю, котлы съ припасомъ снаряжены къ палаточнымъ ящикамъ, дрова запасены на оныхъ.

«По сей быстротѣ и люди не устали, непріятель насъ не чааетъ, считаетъ насъ за сто верстъ, а коли издалека, то въ двухъ и трехъ стахъ и больше; — вдругъ мы на него, какъ снѣгъ на голову. — Закружится у него голова! — атакуй, съ чѣмъ Богъ послалъ! — конница начинай! — руби, коли, гони, отрѣзывай, не упускай! — ура! чудеса творятъ братцы! —

«Третій натискъ! — нога ногу подкрѣпляетъ, рука руку усиливаетъ! — въ пальбѣ много людей гибнетъ! — у непріятеля тѣ же руки! — да Русскаго штыка не знаетъ! — вытяни линію, тотчасъ атакуй холоднымъ ружьемъ! — недосугъ вытягивать линіи! — подвигъ изъ закрытаго, изъ тѣснаго мѣста. Коли пѣхота, въ штыки, — конница тутъ и есть. Пѣть картечь на голову! —

пушки твои. — Обыкновенно конница врубается прежде, пѣхота за ней бѣжитъ, — только вездѣ строй. Конница должна дѣйствовать всюду, какъ пѣхота; — кони на поводахъ! — козаки вездѣ пролѣзутъ. — Въ окончательной побѣдѣ, конница гони, руби! — конница займется, пѣхота не отстанетъ. — Въ двухъ шеренгахъ сила; передняя рветъ, вторая валитъ, третья довершаетъ.

«Бойся богадѣльни! — Нѣмецкія лѣкарственницы издалека, тухлыя, сплошь безсильныя и вредныя. — Русскій солдатъ къ нимъ не привыкъ. — У васъ есть въ артеляхъ корешки, травушки, муравушки. — Солдатъ дорогъ! — береги здоровье, — голодъ лучшее лѣкарство! — кто не бережетъ людей, офицеру арестъ, унтеръ-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережетъ. — Жидокъ желудокъ! — Ысть хочется! — на закатѣ солнышка не много пустой кашки съ хлѣбцомъ, — а крѣпкому желудку буква въ теплой водѣ, или корень коневаго щавеля. — Помните, господа, полевой лѣчебникъ штабъ-лѣкаря Бѣлопольскаго! — въ горячкѣ ничего не пьшъ, хотя до двѣнадцати дней, а пей солдатскій квасъ; то и лѣкарство! — а въ лихорадкѣ, не пей не пьшъ, — штрафъ! — за что себя не берегъ! — Богадѣльни первый день мягкая постель, — второй Французская похлебка, — третій день ея, братецъ, домовище къ себѣ и тащить! — одинъ умираетъ, а десять товарищей вдыхаютъ въ себя заразу! — Въ лагерь больные, слабые; хворые въ шалашахъ, не въ деревняхъ;

— воздухъ чище, хотъ безъ лазарету. Не жалѣй денегъ на лѣкарства, коли есть купить, — и сверхъ того и на прочія выгоды безъ прихотей. — Все эго не важно: — мы умѣемъ себя беречь. — Гдѣ умираетъ ото ста одинъ человекъ, — а у насъ и отъ пяти сотъ въ мѣсяцъ меньше умираетъ. — Здоровому воздухъ ѣда, больному воздухъ питье. — Богатыри! непріятель отъ васъ дрожитъ! — да есть непріятели больше и богадѣльни: — Проклятая немогузнайка, намѣрка, догадка, лживка, лукавка, краснословка, двуличка, вѣжлинка, безтолковка, ключка, чтобъ безтолково выговаривать: край, прикакъ, а фокъ, вайркахъ, рокъ, адъ, и проч. и проч. Стыдно сказать! — отъ немогузнайки, много бѣды!! —

«Солдату надлежитъ быть здорову, храбру, твердо, рѣшительну, справедливу, благочестиву. — Молись Богу! отъ Него побѣда! — Чудо, богатыри! — Богъ насъ волеетъ, — Онъ намъ Генералъ! — за немогузнайку офицеру арестъ, а штабъ-офицеру отъ старшаго штабъ-офицера арестъ квартирный. — Учене свѣтъ, неученье тьма: — дѣло мастера боится. И крестьянинъ не умѣетъ сохою владѣть, хлѣбъ не родится. — За ученаго трехъ неученыхъ даютъ. — Намъ мало трехъ; давай намъ шесть! — давай намъ десять на одного! — всѣхъ побьемъ, повалимъ и въ полонъ возьмемъ! — Последнюю кампанію непріятель потерялъ счетныхъ семьдесятъ пять тысячъ, только что не сто: — а мы и одной полной тысячи не потеряли. — Вотъ, братцы! во-

инское обученіе! — Господа офицеры! — какой восторгъ! — »

Вотъ правила и военный слогъ Суворова, такой же быстрый, какъ орлиный его полетъ. Но быстрота, внезапность, натискъ и ударъ никогда не сопровождались у него опрометчивостью. Въ быстрыхъ движеніяхъ своихъ, онъ не обременялъ жителей постоемъ и излишними требованіями. Онъ былъ полководцемъ-хозяиномъ. Въ половинѣ XVI столѣтія, Адмиралъ Коллинь писалъ къ зятю своему Принцу Морицу: «помни, что войско живетъ желудкомъ.» Суворовъ всегда и вездѣ это помнилъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Князю Потемкину, онъ говоритъ: «на Кубани я оставилъ запасовъ продовольствія на четыре мѣсяца и сто тысячъ рублей.» (*) Изъ Италіи и среди побѣдъ своихъ и въ обстоятельствахъ затруднительныхъ, Суворовъ писалъ къ Графу П. А. Толстому: «на шеѣ моей Тортонскій и Александрійскій замки, первый важнѣе, онъ снабженъ продовольствіемъ. Увѣряли, будто бы запасы, завезенные Австрійцами въ Геную, пошли на воздухъ. Это пустая молва, Французы воспользовались ими.»

На мѣсто Генерала Веймара поступилъ начальникомъ войскъ въ Польшѣ А. И. Бябиковъ. Въ первомъ письмѣ къ нему, Суворовъ между прочимъ говоритъ: «Какъ сладостно вспоминать прошедшіе труды! Ограничиваясь обязанностями службы моей Государынѣ, я стремился только

(*) См. въ I-й части Русскаго Чтенія статью «о сношеніяхъ Князя Таврическаго съ Суворовымъ.»

къ благу Отечества моего, не причиняя особеннаго вреда народу, среди котораго я находился. Неудачи другихъ воспламеняли меня надеждою. Доброе имя—принадлежность честнаго человѣка; но я заключилъ его въ славъ моего Отечества. Никогда, даже и мгновенный порывъ самолюбія не управлялъ моими дѣйствіями. Гдѣ была польза общества, тамъ я забывалъ себя. Сурово было мое воспитаніе, угрюмо обхожденіе мое въ свѣтъ, но сердце невинно. Не дѣйствовать и не мыслить, для меня все равно.

Обстоятельства перемѣнились и Суворовъ въ другомъ письмѣ къ Бибикову, говоритъ :

«Me voila dans mon assiète au possible. Je suis mon destin qui m'approche de ma patrie et me tire d'un pays où je n'ai voulu faire que du bien, au moins l'ai-je taché toujours. Mon coeur ne s'y embarrassait pas et mon devoir n'y mettait jamais d'obstacles. Sincere dans mes actions, je ne me gardais que du mal moral et le mal physique déperissait par lui-même. Ma vertu sans remords est fort contente de la satisfaction qu'on témoigne de ma conduite; ici on ne me connaît que du côté de quelque reputation, puisque je ne m'y étais arrêté que peu, ou du moins je ne me sens pas avoir assez servi cette contrée. La reconnaissance naïve, engendre dans moi un amour pour ce pays où on ne me veut que du bien; je le quitte à regret.

Mais si j'envisage les D.... les R.... les Alt.... ministres iniques de mon innocence, je commence à respirer; je finis ici ma carrière en honnête homme, je me

débarrasse d'eux; mes plaintes fragiles augmentaient mon chagrin, là principalement où je voulais outrer dans mon devoir. Je ne les laissais pas, je ne les pouvais jamais mépriser; et quel changement à espérer de leurs embûches, connoissant leurs qualités?

«Il est vrai, je n'entrais pas trop dans le commerce des femmes, mais quand je m'y amusais, le respect n'y manquait jamais. Le temps me manquait de m'en occuper et je les craignais; ce sont elles qui gouvernent le pays, ici comme partout ailleurs; je ne me sentais pas assez fort pour me déffendre contre leurs charmes.»

«Я теперь вполне спокоенъ. Мой жребіи ведетъ меня, приближаюсь къ Отечеству и выхожу изъ страны, гдѣ желалъ дѣлать только добро, или по крайней мѣрѣ всегда о томъ старался. Сердце мое не затруднялось въ добръ, и должвость никогда не мѣшала мнѣ въ томъ. Дѣйствуя откровенно, я остерегался одного нравственнаго зла, а тѣлесное само собою исчезало. Безукоризненная моя добродѣтель услаждается одобреніемъ моего поведенія. Здѣсь знаютъ меня только по нѣкоторой молвѣ, или отъ маловременной моей бытности, или отъ того, что и я чувствую, что не довольно услужилъ этому краю. Чистосердечная благодарность возраждаетъ во мнѣ любовь къ этой области, гдѣ мнѣ доброжелательствуютъ: оставляю ее съ сожалѣніемъ.»

«Но когда размышляю о Д.... Р.... и Алт.... когда разсматриваю несправедливыхъ оскорбителей моей невинности, я начинаю свободно дышать. Какъ честный человѣкъ оканчиваю здѣсь

мое поприще и отъ нихъ избавляюсь. Безплодныя мои жалобы умножали мою скорбь особенно тогда, когда я хотѣлъ ревностнѣе исполнять мою должность. Я не ненавидѣлъ ихъ, я даже не могъ ихъ презирать: но какой перемѣны могъ я ожидать отъ козней ихъ, зная ихъ свойства?

«Правда, я не много обращался съ женщинами; но забавляясь въ обществѣ ихъ, я соблюдалъ всегда почтеніе. Мнѣ не доставало времени заниматься съ ними, и я страшился ихъ. Женщины управляютъ въ этой странѣ, какъ и вездѣ; я не чувствовалъ въ себѣ достаточной твердости защищаться отъ ихъ прелестей.»

Суворовъ какъ писалъ о жевщинахъ, такъ и дѣйствовалъ. Однажды въ Петербургъ пригласила его въ польскій супруга Д. Л. Нарышкина. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ отскочилъ и вскричалъ: «Очаруетъ, очаровательница! Боюсь!»

Чрезвычайно важно письмо Суворова къ Бибикову о томъ случаѣ, когда безпечность и оплошность Полковника Штакельберга помогли Французскому отряду, вспомоществовавшему Конфедератамъ, овладѣть Краковскимъ замкомъ. Хотя все обвиняло Штакельберга, но по благодушію своему, Суворовъ, въ концѣ допесенія Бибикову, прибавляетъ: «однако все сіе въ точности утверждать не можно, до будущаго разбирательства, не имѣя нынѣ на то достаточнаго времени.»

Любимая поговорка Суворова была: торопитесь дѣлать добро; и вотъ почему, и въ этомъ случаѣ, и всегда, когда приходилось ему дѣлать выговоръ кому нибудь, онъ заключалъ рѣчь сло-

вами : « Изъ пзбы сору не выпосятъ. Прощеніе и забвеніе.»

Живымъ Русскимъ словомъ и любовью онъ проложилъ себѣ путь въ сердца тѣхъ воиновъ , которыхъ называлъ *чудо-богатырями*. А потому, говоря словами поэта : «число своихъ сраженій сравнивалъ онъ съ числомъ своихъ побѣдъ.»

ГЛАВА X.

Различныя мнѣнія о войнѣ 1769 года.—Мысль Державина. — Поставленія Портъ Герцога Шуазеля-Гуфье. — Заграничная молва о Палатѣ Депутатовъ. — Свидѣтельство новаго Французскаго историка о миролюбии Екатерины II.—Румянцевъ принимаетъ первую армию, а Графъ Панинъ вторую. — Разсказъ Графа Ангальта о Румянцевѣ.—Отрывокъ изъ письма Екатерины къ Вольтеру. — Сожженіе Наказа въ Константинополѣ. — Событія до исхода Мая 1770 года.

Державицъ зналъ душу Екатерины II; онъ участвовалъ во внутреннемъ Ея управленіи; былъ главнымъ учредителемъ Народнаго Училища въ Тамбовѣ и убѣжденный въ миролюбивыхъ Ея намѣреніяхъ, сказалъ:

«Слеза, щедротой извлеченна,
Тебѣ пріятнѣй, чѣмъ вселенна
Приобрѣтенная войной.»

Далѣе изъ бумагъ Я. II. Булгакова увидимъ, какъ и чѣмъ Министръ стариной Франціи Герцогъ Шуазель-Гуфье, обнадеживалъ Порту Оттоманскую въ несомнѣнномъ торжествѣ надъ Россіею. Тогда Порта обладала Чернымъ Моремъ и владѣнія ея простирались до береговъ Азовскаго Моря. Шуазель предполагалъ, что и всѣ племена Татарскія и Кубань и Кабарда и Кавказъ ополчатся вмѣстѣ съ нею.

И мало ли, что тогда предполагали въ Европѣ, смотрѣвшей съ удивленіемъ на необычайное собраніе Палаты Депутатовъ въ древней нашей столицѣ. Философовъ, другъ Бибикова,

Председателя Палаты, напуганный заграничными вѣстями, писалъ къ нему изъ Даніи, гдѣ былъ Посломъ: «Какъ можно не спѣшите. Не разстройте и гнилой хижины, не составя лѣпныхъ вашихъ палатъ.» Философовъ опасался напрасно. Въ земледѣльческихъ хижинахъ все шло по прежнему, съ надеждою на лучшее, а въ палатахъ Московскихъ бояръ и Князей все ликовало и славило Екатерину. Ни на улицахъ, ни на площадяхъ Московскихъ не перемѣстилась ни одна пылинка. Въ Палатѣ Депутатовъ дѣйствовали спокойно. Одинъ изъ Членовъ ея, ссылаясь на Наказъ, говорилъ, что время издать Букварь гражданскихъ законовъ, (*) другіе возражали, что для этого нужно предварительно собрать, сообразить и привести въ единство указы. (**)

Упоминаю объ этомъ потому, что была заграничная молва, будто бы Екатеринѣ нужна была война для закрытія Палаты Депутатовъ. Это пустой слухъ. Но справедливо то, что отъ тогдашняго Французскаго Правительства, для возбужденія вражды противъ Россіи, находился тайнымъ Посломъ при Крымскомъ Ханѣ Керимъ-Гиреѣ, Баронъ Тодтъ, который училъ литью пушекъ въ Константинополь.

Въ необычайныхъ переходахъ нашего вѣка, промелькнули не годы, но цѣлыя столѣтія историческихъ событій; и вотъ, что новый историкъ говоритъ о Екатеринѣ II: «Вторженіе Татаръ въ Новороссійскую область, возвѣстило, что дол-

(*) Наказъ, § 158.

(**) См. Русскую мою Исторію. Ч. 8. Изд. 2. 1819.

жно отражать силу силою. Довѣренность Екатерины къ народу, умъ и счастье Ея, все устроили. Ускоряя приготовленія къ войнѣ, Она не прекращала мирныхъ переговоровъ.» (*) Первая война Россіи съ Турціею вспыхнула отъ искры. Въ Манифестѣ отъ 20 Ноября 1768 года сказано, что толпы Запорожцевъ ворвались въ Татарскую слободку Балту и сожгли ее, за что и были наказаны въ виду селенія.

Въ это время, Керимъ-Гирей, бывшій въ опалѣ у Султана, снова пришелъ въ милость, и съ скопищами Татаръ устремился въ Новороссійскій край и распространилъ вездѣ пожары и опустошеніе. Опъ мечталъ, что добѣжить до Кіева; но былъ отраженъ быстрымъ нападеніемъ Русскихъ отрядовъ; начальникомъ первой Русской арміи былъ Князь А. И. Голлицынъ, а второй, Графъ П. А. Румянцевъ. Голлицынъ подходилъ къ Хотину, но по недостатку осадныхъ орудій, возвратился за Днѣстръ. Не спохватились, не разочлись заранее. Русскія войска заняли въ Апрѣлѣ 1769 года Азовъ и Таганрогъ; и Екатерина писала къ Вольтеру: «Со времени начатія войны съ Турками, Я исполнила два новыхъ предпріятія: Я покорила Азовъ и Таганрогъ, при которомъ Петръ I сперва основалъ, а потомъ разорилъ корабельную пристань.»

Съ дѣйствіемъ Русскихъ пушекъ и сабель Турецкихъ, соединилась и война противъ мыслей Екатерины II. Какъ будто по какому-то усло-

(*) См. Исторію Оттоманской Порты Салаберя, Членъ Палаты Депутатовъ, Ч. 3.

впому знаку, Наказъ Ея преданъ былъ сожженію въ Парижъ и въ Константинополь. Предположимъ, что Порта сдѣлала это, сердясь за то, что Екатерина говорила о самоуправствѣ Турецкихъ судей. Но ужели и тогдашнее Французское Правительство негодовало на Наказъ за изрѣченіе въ немъ Екатерины, что «Она не желаетъ пережить счастья Русскаго народа.» Странное дѣло! Кардиналъ Флѣри, наставникъ и Министръ Людовика XV, запрещалъ ему читать Февеллонова Телемака, опасаясь, чтобы онъ не заразился любовью къ Французскому народу; и Людовикъ XV дремалъ въ пѣгъ беспечной, не заботясь ни о домѣ своемъ, ни о народѣ.

Старинная Франція шла быстро къ могилѣ; а у насъ, въ Сентябрѣ 1769 года, Князь Голицынъ, ученикъ Принца Евгенія, по ослабѣвшій отъ преклонныхъ лѣтъ, отозванъ былъ въ Петербургъ. По отъѣздѣ его, первая армія поступила подъ начальство Графа Румянцева, а вторая, подъ начальство П. И. Панина.

Скажу нѣсколько словъ о Румянцевѣ.

Въ вѣкъ Екатерины, два полководца владѣли на поприщѣ военномъ: Румянцевъ и Потемкинъ. При жизни своей, они какъ будто, заслоняли собою Суворова. Одни изъ современниковъ величали героя Задунайскаго; другіе Князя Таврическаго. Я былъ еще въ младшихъ возрастахъ Кадетскаго Корпуса, когда ознакомился съ побѣдами Румянцева. Начальникъ нашъ, Графъ Ангальтъ, говорилъ намъ: «Румянцевъ былъ также кадетомъ; не забывайте этого ни-

1772 года, Россія приступила къ перемирію съ тѣмъ, чтобы Порта уступила ей приморскія мѣста, открывающія входъ въ Черное море; Турція, подкрѣпляемая Франціей, упорствовала и порывалась къ новымъ неудачамъ.

Общія отношенія Россіи къ другимъ Державамъ 1772 года остроумно изображены Бибиковымъ въ письмѣ къ Фонъ — Визину, который служилъ въ Иностранной Коллегіи, пользовался особенною довѣренностію Графа Н. П. Панина. «Пока Турковъ крѣпко не побьемъ,» говорилъ Бибиковъ: «мы добраго мира не сдѣлаемъ. Въ войну нашу, мы кажется, Вѣнскій Дворъ не мѣшаемъ. Шведы, если мы не зачнемъ, не задерутъ насъ нынче. Польскія дѣла вамъ самимъ подробно извѣстны, и я истинно боюсь, чтобы мы сами трое не подрались. Данія намъ совершенно предана, Англія рада быть на нашей сторонѣ. Франція до тѣхъ поръ будетъ дѣлать пакости, пока мочь ея будетъ.»

Бибиковъ былъ правъ. Французское Мини-

хи о намѣреніи Турокъ идти къ Бухаресту, несправедливы. Опытный Предводитель отвѣчалъ : «Будьте какъ можно ближе къ непріятелю, и вы въ состояніи будете сообщать достовѣрныя свѣдѣнія.»

Въ началѣ Мая, оставя Генерала Эссена съ нѣкоторою частию войскъ въ Польшѣ, для обезпеченія сообщеній, Румянцевъ пошелъ къ Хотину. 12 Мая, армія соединилась и вступила въ 11 часовъ поутру въ лагерь, занятый близъ берега Днѣстра противъ крѣпости Хотина. Полагаясь на разлитіе рѣкъ, Турки не приняли никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; они не воображали, что Русскіе преодолѣютъ природу и уничтожатъ тщеславные ихъ замыслы.

Дождавшись обозовъ и сообразя все мѣры осторожности, Румянцевъ началъ переправлять армію чрезъ Днѣстръ 14 Мая. По причинѣ сильныхъ дождей, переправа кончилась 20 Мая. Отъ непрерывныхъ проливныхъ дождей растворилась земля и вязкость дорогъ препятствовала ходу войскъ, почему они и были въ бездѣйствіи отъ 21 до 24 числа.

Непріятель, стоявшій неподвижно за Прутомъ до 20 Мая, въ этотъ день въ числѣ пяти тысячъ, попытался переправиться чрезъ рѣку. Уже пять сотъ человекъ переправились; но находившійся въ укрѣпленіи у Рябой Могилы, Поручикъ Малюшкннъ, отразилъ пришедшихъ враговъ, а бывшихъ на другомъ берегу, принудилъ отступить. При двукратномъ нападении онъ не потерялъ ни одного человека.

Между тѣмъ Генераль Замятинъ оставилъ Бухарестъ, не причиня городу никакаго вреда. Князь Репнинъ вышелъ изъ Фокшанъ. Оставленіе Бухареста и Фокшанъ воспослѣдовало не отъ усилій непріятелей; но для того, чтобы совокупить раздробленные войска. Визирь, приписывая это движеніе опасенію моровой язвы, перемѣнилъ прежнія свои намѣренія и не зная подлинной цѣли Русскаго полководца, дѣйствовалъ наудачу. Замятинъ и Репнинъ, свѣша соединиться съ Генераломъ Штофельномъ, на каждомъ шагѣ затруднялись дождями, наводнившими и мелкіе ручьи, что и задерживало переправу; моровое повѣтріе также тревожило войско. Врачъ Ореусъ не измѣнилъ славы послѣдователя Иппократа, онъ не щадилъ себя для спасенія больныхъ. Генераль-Поручикъ Штофельнъ опасно занемогъ. Хотя уже съ 25 Мая чувствовалъ онъ крайнее изнеможеніе силъ, но преодолевалъ себя для обязанностей службы. Въ то же время непріятель покушался переправиться чрезъ Прутъ. Капитанъ Вельяминовъ, стоявшій у Рябой Могилы, остановилъ его. Секундъ-Маіоръ Зоричъ, подоспѣлъ къ нему; соединивъ отряды свои, они отважно прогнали непріятеля за рѣку, гдѣ было десять тысячъ Турокъ и двадцать тысячъ Татаръ. Наканунъ, то есть, 27 Мая, Штофельнъ хотя уже находился на шагѣ отъ гроба, но все еще пламенѣя усердіемъ къ службѣ, извѣщалъ Румянцева, что онъ надѣется отразить непріятеля, порывавшагося въ Молдавію; и съ этимъ желаніемъ скончался. Онъ умеръ отъ заразы.

Извѣстіе о смерти его возбудило общее сожалѣніе и въ Яссахъ и въ Русскихъ полкахъ. Онъ отличался и службою и безкорыстіемъ, и получалъ отъ бояръ тысячу червонныхъ, отдалъ ихъ врачу Ореусу для больныхъ и раненыхъ. Полки его поручены были Князю Ретинну, а Яссы по тогдашнимъ извѣстіямъ: «оставлены были какъ гнѣздо, напоенное ядомъ.»

Между тѣмъ, въ станъ Румянцева, пушечные выстрѣлы возвѣстили прибытіе Русскаго флота въ пристани Морейскія.

Г Л А В А X I.

—

ДѢЙСТВІЯ Графа А. Г. Орлова въ Архипелагѣ отъ
исхода Мая, до 26 Іюня.

—

Екатерина писала сперва къ Вольтеру , а потомъ повторила Принцу Делиню : «Орловъ присовѣтывалъ мнѣ отправить флотъ въ Архипелагъ.»

И такъ по собственному свидѣтельству Екатерины , Графъ Орловъ , первый изъ Русскихъ желалъ подать помощь отечеству Милліадовъ, Оемистокловъ и Аристидовъ; словомъ, той странѣ , откуда , по изрѣченію Петра I , въ кругообращеніи время переселились искусства и науки въ міръ Европейскій и въ Россію.

Послѣ Лепантской побѣды, одержанной Донъ-Жуапомъ 1571 года, Порта Оттоманская никогда не испытывала такого бѣдствія , какое постигло ее подъ Чесмою. Объ этомъ событіи помѣщенъ въ I-й части Русскаго Чтенія рассказъ изъ собственноручныхъ записокъ Князя Ю. В. Долгорукаго.

Здѣсь предлагаю то , что сказано было въ печатныхъ извѣстіяхъ того времени : «Съ появленіемъ

ніемъ Русскаго флота, взяты были: древній Лакедемонъ, прославленный законами Лыкурга и Аркадія, воспѣтая поэтами; Европа смотрѣла съ удивленіемъ и казалось, что Эллада возставала изъ развалинъ своихъ.» Но въ то же время, между начальниками флота, существовало разномысліе. Слава Орлова еще болѣе возвысилась. Военный Совѣтъ единодушно поручилъ ему начальство надъ флотомъ, а Екатерина писала къ Вольтеру: «Распри кончились. Я всегда думала и теперь еще болѣе удостовѣрилась, что герои рождаются для великихъ происшествій.»

Турецкій флотъ, потерпѣвшій двукратное пораженіе, преслѣдуемъ былъ до острова Хіо. Турки ожидали подкрѣпленія изъ Константинополя; Орловъ быстрымъ нападеніемъ хотѣлъ предупредить соединеніе Оттоманскихъ морскихъ силъ; но прибывъ въ Суэзскій каналъ, онъ узналъ, что оно уже совершилось. У Русскихъ было только девять кораблей; у Турокъ шестнадцать линейныхъ и превосходное число фрегатовъ и прочихъ судовъ. Многочисленность Турецкаго флота не поколебала ни вождя, ни подчиненныхъ. Русскіе восклицали: *Уміремъ, или побѣдимъ!* и построились въ боевой порядокъ. Графъ Орловъ занялъ средину; Адмиралъ Спридовъ, съ которымъ находился братъ Графа Алексѣя Григорьевича, сталъ впереди; Эльфистонъ, уроженецъ Шотландскій, съ судами своими замыкалъ боевой строй. Лѣвое крыло Турецкаго флота придвинулось къ каменистому острову, а правое къ отмели, отъ чего Турецкіе корабли не

могли свободно поворачиваться. Капитанъ-Паша, вождь Турецкаго флота, удалился на берегъ, говоря, что ему нужно распорядить нѣкоторыя укрѣпленія. Начальникомъ Турецкаго флота остался Гассанъ-Бей. Родясь въ Персіи, онъ былъ рабомъ въ Турціи и достигъ и богатства и почестей по праву заслугъ своихъ. Отправляясь изъ Константинополя, Гассанъ сказалъ Султану: «Флотъ нашъ многочисленнѣе Русскаго флота; чтобы истребить Русскіе корабли, мы должны съ ними сѣсться и взлетать на воздухъ.»

Съ обѣхъ сторонъ нѣсколько часовъ продолжался ужасный огонь. Подъ густыми облаками дыма, подъ тучею ядеръ и пуль, сѣппившіеся корабли представляли сухопутный бой. Русскіе и Турки сближались и разили другъ друга. Корабль Адмирала Спиридова бился съ тремя военными кораблями и одною шебекою. Не взирая на превосходство непріятельскихъ силъ, онъ сѣппился съ Капитанъ-Пашинскимъ девяностопушечнымъ кораблемъ. Отъ множества брошенныхъ гранатъ и зажигательныхъ веществъ, Капитанъ-Пашинскій корабль загорѣлся; усилившееся на немъ пламя перекинулось и на корабль Спиридова. Оба корабля взлетѣли на воздухъ. При этомъ зрѣлищѣ Графъ А. Г. содрогнулся: тамъ былъ его братъ. Но вскорѣ воспламенясь сильнѣйшимъ рвеніемъ, онъ полетѣлъ въ средину непріятельскаго флота. Турки устрашились; побѣдитель обнялъ брата своего, спасагося на шлюпкѣ вмѣстѣ съ Спиридовымъ. Разбитый Турецкій флотъ удалился въ Чесменскую пристань, древ-

ною *Клазому*. Такъ кончился достопамятный день 24 Іюня 1770 года; Русскіе рѣшились запретъ Турецкій флотъ. Турки съ своей стороны принимали всѣ мѣры къ надежной оборонѣ. Капитанъ-Паша надѣялся отразить Русскихъ; но Гассанъ-Бей былъ противнаго мнѣнія. Израбениый и опасенный порохомъ, онъ спасся со взорваннаго Капитанъ-Пашинскаго корабля съ однимъ только другомъ своимъ Ахметомъ — Агою, Морейскимъ купцомъ, который добровольно его сопровождалъ. Предвидя пагубныя послѣдствія отъ стѣсненія Турецкаго флота, Гассанъ убѣждалъ Капитанъ — Пашу выйти изъ пристани. Вождь Турецкій, полагаясь на укрѣпленія свои и на сильную батарею, отвергъ благоразумные совѣты. Между тѣмъ, Русскіе, 25 Іюня, условились напасть на Турецкій флотъ; для чего и занялись приготовленіемъ брандеровъ, или зажигательныхъ судовъ, и въ ночь на 26-е Іюня пустились къ сожженію Турецкаго флота. Назначенные же корабли для мнимаго нападенія, возвратились къ флоту своему; одни зажигательныя суда неслись къ Туркамъ. По невѣденію или по неосторожности, непріятель счелъ, что они намѣрены сдаться; но обманулся. Неустрашимый Ильинъ, приплылъ къ Турецкому кораблю, положилъ брандскугель и безъ всякой торопливости, въ виду обонхъ флотовъ, удалился. Загорѣвшіеся корабли, тѣся другъ друга, распространяли пламя и съ трескомъ и шумомъ взлетали на воздухъ. Небо, море и берегъ, запылали. Отъ взрыва Турецкихъ судовъ

земля поколебалась. Потрясеніе распространилось до Смирны. Море побагровѣло отъ крови и мертвая тишина распространилась тамъ, гдѣ недавно являлся многочисленный Турецкій флотъ, стоявшій милліоновъ и отправившійся для славы и побѣдъ! Все погибло въ нѣсколько часовъ; одинъ только корабль достался Русскимъ въ плѣнь. Великодушные побѣдители съ опасностію судовъ своихъ спѣшили спасти враговъ, пожираемыхъ пламенемъ и волнами. 26 Іюня, Графъ Орловъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ былъ Князь Юрій Долгорукій, сражавшійся на корабль Ростиславъ, поплылъ на Анатольскій берегъ, чтобы вездѣ, гдѣ только можно было, подавать руку помощи пострадавшимъ врагамъ.

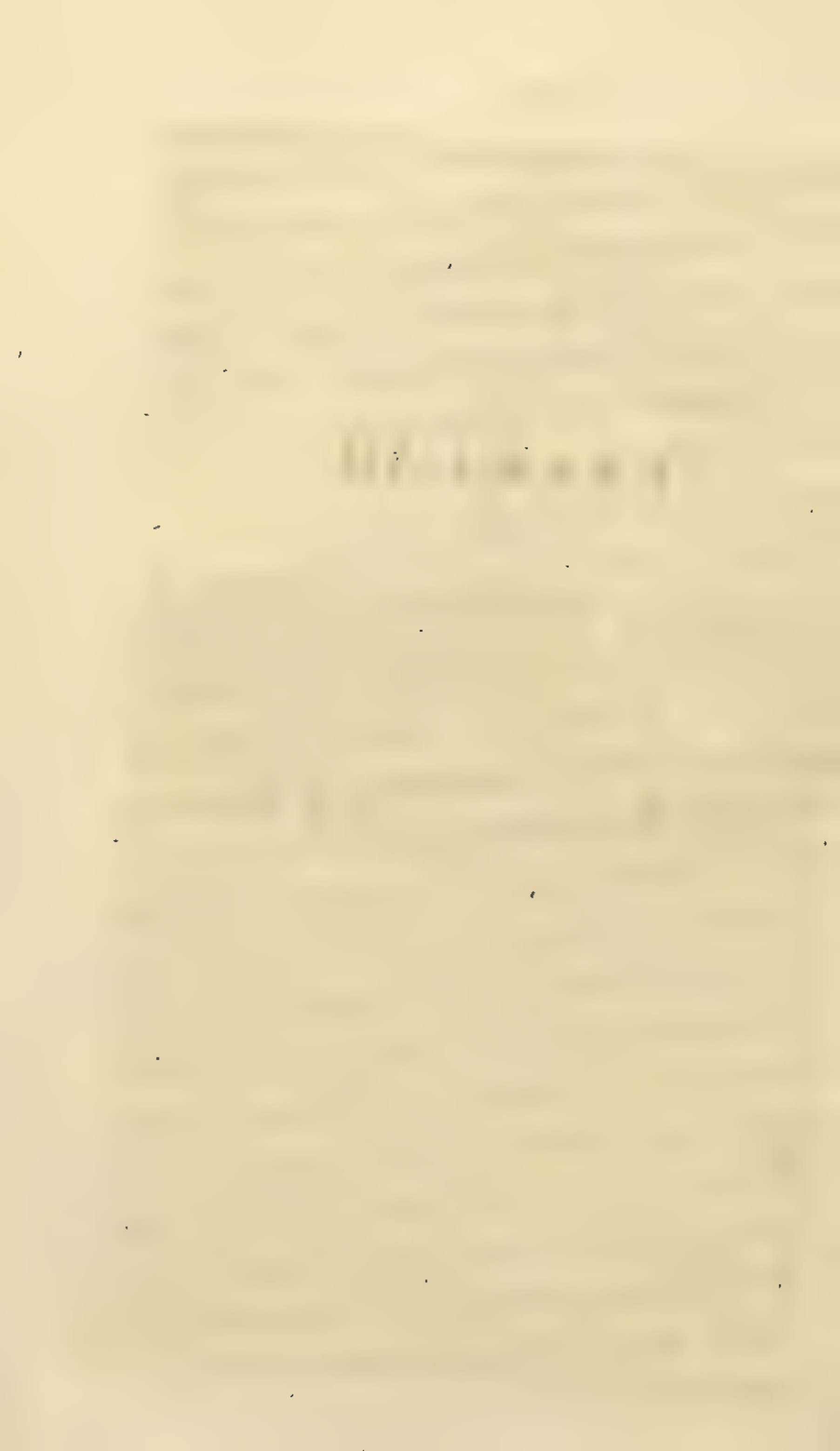
Но дорого заплатили Греки за мгновенный восторгъ, ожидая возстанія своего. Вскорѣ потомъ, отъ меча Турокъ пало около 300,000 несчастныхъ жителей Греціи. Безполезно было это мщеніе. Рано или поздно, по рука Божія всегда вступается за невинныхъ.

Въ ожиданіи лучшаго жребія для древней Эллады, для юныхъ ея питомцевъ, спасенныхъ чудеснымъ Промысломъ, Екатерина основала Греческое Училище. Два поэта воспѣли Чесменскій бой и Чесменскаго героя: Петровъ и Херасковъ; первый въ Одѣ, другой въ Поэмѣ. Къ пальмамъ своей поэзіи, Херасковъ присоединилъ и кипарисы, въ память юнаго друга своего, Князя Козловскаго, погибшаго на взорванномъ кораблѣ. 1769 года, Екатерина отправила его

съ письмомъ въ Ферней, и Вольтеръ писалъ, что «говоря съ нимъ, онъ думалъ, что бесѣдуетъ съ какимъ нибудь Членомъ Французской Академіи.» Изъ Фернея Козловскій отправился въ Ливорно къ другому своему другу Графу О. Г. Орлову, чтобы дѣлить съ нимъ опасности въ борьбѣ съ Турецкимъ флотомъ. Онъ палъ, оплаканный и музами и дружбою.

ГЛАВА XII.

Июль 1770 года. — Рѣчь Румянцева въ военномъ совѣтѣ. — Июля 7-го Сраженіе при Ларгѣ. — Июля 21-го битва Кагульская. — Приказъ Графа Румянцева моему отцу. — Два отрывка изъ писемъ Екатерины къ Вольтеру. — Взятіе Бендеръ. — 1771 года Потемкинъ поступаетъ въ войско Румянцева. — Дѣйствія второй арміи, подъ начальствомъ Князя В. М. Долгорукаго въ Крыму.

Іюнь мѣсяцъ 1770 года ознаменовался успѣхами Русскихъ на волнахъ морскихъ, а Іюль достопамятенъ былъ побѣдами на сушѣ, которыми, по собственному сознанію Екатерины, обязана Она была Румянцеву. Трудныя были обстоятельства; но не колеблясь духомъ, Румянцевъ говорилъ своимъ сподвижникамъ: «Друзья, намѣреніе Всемилостивѣйшей Государыни, чтобы мы дѣйствовали наступательно; правило Ея, чтобы мы съ меньшими силами разили враговъ многочисленныхъ; желаніе Ея, чтобы со славою Русскаго оружія пріобрѣли полезный миръ для Имперіи. Вамъ извѣстно внутреннее состояніе войска нашего. Прискорбно намъ было видѣть воиновъ, поступившихъ отъ Генерала Штофельца въ начальство Князя Репнина, въ ветхомъ и изношенномъ одѣяніи. Они понесли тяжкіе труды; ихъ нельзя было снабдить нужнымъ, по отдаленію отъ границъ и не скорому привозу потребныхъ вещей. Вамъ извѣстно также, что по недостатку продовольствія, храбрые

воины питаются сухимъ быліемъ или камышемъ. Подвергнемъ ли мы все войско изнуренію и голоду? Воины наши не ропшутъ отъ попесенныхъ трудовъ; они радостно спѣшатъ къ новымъ опасностямъ. Наградимъ ихъ рвеніе, откроемъ имъ новыя пути къ славѣ. Чѣмъ ближе будемъ къ непріятелю, тѣмъ скорѣе съ нимъ сразимся; чѣмъ сильнѣе поразимъ его, тѣмъ скорѣе достигнемъ славнаго мира. Вы, вѣрные сыны Россіи! вы одного со мною мнѣнія. Слава и достоинство воинства Россійскаго не терпятъ, чтобы видѣть непріятеля и не наступать на него.»

Военный Совѣтъ согласился съ мнѣніемъ Румянцева. Начались приготовленія къ нападенію на враговъ. Между тѣмъ, Абда-Паша сильно устремился на полки наши; но храбрость ихъ уничтожила его покушеніе.

6-го Іюля, непріятель, освѣжившій войска свои отъ пораженія, претерпѣннаго имъ наканунѣ, не тревожилъ Русскихъ, и Румянцева спокойно занялся распоряженіями своими. Генералъ-Поручикъ Пляменникову ввѣренъ былъ особенный корпусъ отъ правой стороны нашей арміи, чтобы ударить на лѣвое непріятельское крыло тогда, когда армія съ прочими корпусами нападетъ на правое. «Само по себѣ разумѣется,» говорилъ Румянцева, въ предписаніи своемъ: «сколь славно будетъ новое раченіе ваше къ службѣ, если усерднымъ и благовременнымъ содѣйствіемъ нанесете ужасъ и вредъ непріятелю, захвативъ его стаю и ударяя на противустоя-

щихъ или бѣгущихъ , что будетъ дѣломъ вашего искусства и предусмотрѣнія , и въ чемъ съ полною надеждою я на васъ полагаюсь.»

Хотя армія со всевозможною скрытностью производила приготовленія свои, но побѣгъ къ Туркамъ Прапорщика Квицкаго , ускорилъ распоряженія. Въ сумерки , Генералъ — Квартирмейстеръ Боуръ , предъ арміею перешелъ съ праваго на лѣвое крыло , оставя огни , разведенные повсюду , чтобы непріятель думалъ , что въ ту ночь Русскіе стоятъ на прежнемъ мѣстѣ.

Къ назначенному времени Боуръ и Репнинъ заняли высоты за рѣчкою Ларгою , куда и Румянцевъ двинулся двумя колоннами въ двѣнадцатомъ часу ночи съ 6-го на 7-е Іюля. Мосты и дороги , устроенныя раченіемъ Боура споспѣшествовали къ безостановочному походу. Съ утренней зари войско Русское поднялось на возвышеніе за Ларгою ; полки выстроились еще до разсвѣта. Татарская стража, согнанная движеніемъ Боуровой арміи, возвѣстила Туркамъ приближеніе Русскихъ войскъ. По обыквенію своему , подавая вѣсть о тревогѣ , Татары зажгли множество пороха , пламя и дымъ разнеслись по стану Турецкому и раздался страшный крикъ и пушечная пальба. Не давъ опомниться встревоженному непріятелю, Боуръ и Репнинъ устремились на его лагерь съ правой стороны ; въ то же время и Румянцевъ устроивъ армію кареями, поспѣшилъ къ укрѣпленію. Татары , пораженные огнемъ Русскихъ съ праваго крыла , гдѣ былъ ихъ станъ, выбѣжали и понеслись до-

щиною на лѣвое крыло, но были отбиты. Между тѣмъ, Генераль Мелиссино, заставя молчать непріятельскую батарею и меткими выстрѣлами подбивая его пушки, очистилъ путь въ укрѣпленія. Едва ряды Русскихъ войскъ начали пробиваться въ станъ непріятельскій съ правой стороны, Пляменниковъ желая оправдать довѣренность Румянцева, пушечными выстрѣлами возвѣстивъ приступъ свой на лѣвую сторону. При этой удачѣ, Румянцевъ поручилъ вести армію Генераламъ: Олицу и Брюсу, а самъ поскакалъ къ войскамъ, нападавшимъ на лагерь. Присутствіе его все оживило. Храбрые grenadiers штыками и грудью опрокинули укрѣпленія и заняли станъ непріятельскій. Тутъ были многочисленныя сокровища; но корысть не останавливала ихъ; пылая рвеніемъ къ одной славѣ, они брали пушки, а не золото. Непріятель усиливался отражать Русскихъ пушками и саблями, но не успѣлъ. Быстро неслись наши войска на крутую гору, не разстраиваясь въ рядахъ, и въ одно мгновеніе взлетѣли на высоту холмовъ. Брося станъ свой, непріятель бѣжалъ. Утренняя заря встрѣтила полки Русскіе на высотахъ рѣчки Ларги, а въ полдень все кончилось. Приказавъ остановиться войскамъ, утомленнымъ почвымъ походомъ и порывистымъ бѣгомъ на гору, Румянцевъ благодарилъ ихъ за усердіе, храбрость и безкорыстіе.

Битва Ларгская была только предвѣстіемъ побѣды подъ Кагуломъ. Непріятель не былъ уничтоженъ, отъ того, что не всѣ распоряженія Ру-

мянцева были исполнены. Но Татары, притворяясь, будто бы разсорились съ Турками, учредили особый станъ, надѣясь этою хитростію обмануть Русскихъ.

Въ половинѣ Іюля, Визирь со всѣми силами своими перешелъ отъ Исакчи въ станъ, расположенный подлѣ озера Кагула. Румянцевъ подвинулся ближе къ непріятелю. 17 Іюля главное войско соединилось съ корпусами своими, стоявшими при рѣчкѣ Кагулѣ. Татары переправясь за рѣку Салгу, напали на часть обоза подвижнаго магазейна. Покушенія ихъ были отражены. Въ слѣдующіе два дня, Турецкіе наѣзники обозрѣвали станъ Русскій. Донскіе Казаки полка Иловайскаго, за три дня предъ тѣмъ прибывшіе къ войску; первые изъ легкихъ Русскихъ полковъ, отважились въ эту войну нападать на Турецкихъ наѣзниковъ.

20 Іюля, въ станъ Турецкомъ начались новыя распоряженія. Румянцевъ съ возвышенія наблюдалъ въ зрительную трубку всѣ движенія непріятеля. Сперва казалось, что Визирь намѣренъ напасть, потомъ вдругъ остановился. Въ это время, Румянцевъ обратился къ Генераламъ, сказалъ: «Если Турки осмѣлятся тамъ раскинуть хотя одну палатку, я въ эту же ночь нападу на нихъ.» Турки потянулись къ лѣвой сторонѣ рѣки Кагула и заняли лагерь верстахъ въ семи отъ нашего стана.

Сблизясь съ Русскими, Турки полагали напасть спереди въ то время, когда Крымскій Ханъ съ многочисленными скопищами своими ударить въ тылъ. Бѣдственно было положеніе

Русскихъ. Они издерживали послѣднія крохи продовольствія ; сто пятьдесятъ тысячъ Турокъ угрожали имъ въ лице ; сто тысячъ Татаръ тѣснили тылъ. За отдѣленіемъ тринадцати тысячъ для обеспеченія подвоза запасовъ, до Кагульской битвы войска оставалось только семнадцать тысячъ. Но съ ними былъ Румянцевъ. Въ ночь на 20-е Іюля, все учреждено было къ нападенію. По какому - то предзнаменованію Турки почитали 21-е число, днемъ счастливымъ. Не видя еще рядовъ Русскихъ, они готовились къ битвѣ. Наше войско , раздѣленное на пять частей , построилось въ боевой порядокъ и приблизилось на разсвѣтъ къ дорогѣ, получившей названіе отъ Римскаго Императора Траяна ; Румянцевъ шелъ по слѣдамъ его. При переходѣ Русскихъ за Траянову дорогу, Турки явились на высотахъ, окружавшихъ ихъ станъ , и ударили копницей , занимавшею необозримое пространство. Генералъ Мелисiano вскорѣ отразилъ и разсѣялъ ихъ пушечными выстрѣлами съ батареи своей.

Тщетно возбуждалъ Визирь войска свои къ оборонѣ ; Турки не смѣя устремиться въ лице Русскимъ, восклицали : «Нѣтъ силъ нашихъ сбить съ мѣста Русскихъ ; они разятъ огнемъ, какъ молніей.»

Между тѣмъ сильныя толпы Турокъ , пользуясь лощиною , спѣшили обойти нашихъ. Сквозь дымъ и огонь наблюдая всѣ шаги непріятеля, Румянцевъ быстрымъ поворотомъ полковъ своихъ угрожалъ отрѣзать его отъ его стапа. Турки съ крикомъ и непомерною быстротою поспе-

слись туда; вся ихъ конница, нападавшая на каре Пляменикова, поколебалась. Уничтожа первый порывъ враговъ и находясь въ непрерывномъ огнѣ съ пятаго часа утра до осьми, Русскіе очистили себѣ путь и двинулись къ стану Турецкому. Пушечныя выстрѣлы со стороны непріятельской, обратились на каре, гдѣ находился Румянцевъ и на каре Пляменикова, шедшее по лѣвую сторону. Непріятель въ одну ночь сдѣлалъ укрѣпленіе, обведенное тройными рвами, наполненными Янычарами. Румянцевъ былъ подъ тучею ядеръ. Уже Турецкія батареи начинали умолкать; уже каре Пляменикова простирало руки къ овладѣнію укрѣпленіемъ, внезапно десять тысячъ Янычаръ, выскоча изъ лошашины, ударили на правую сторону каре, ворвались въ средину, смяли нѣсколько полковъ и принудили ихъ бѣжать къ каре Генерала Олицы. Въ этотъ день на вѣстяхъ у Графа былъ мой отецъ. Румянцевъ послалъ его сказать Озерову, чтобы онъ удерживалъ и держался съ полкомъ своимъ. (*) Озеровъ устоялъ, а Румянцевъ сказалъ Принцу Брауншвейгскому: «теперь настало наше дѣло,» полетѣлъ къ бѣгущимъ полкамъ и воскликнулъ: «Стой, ребята! Отцы ваши и матери смотрятъ на васъ! Стой!» и все остановилось. Каре Пляменикова сдвинуло ряды свои и устремилось впередъ. Черезъ тройные рвы Русскіе взлетѣли на укрѣпленія. Визирь, устрашен-

(*) Графъ Румянцевъ самъ разсказывалъ объ этомъ Императрицѣ, когда Она посѣтила жилище моихъ отцевъ.

ный пораженіемъ Янычаръ, составлявшихъ первую его стѣну, бѣжалъ; смерть и стыдъ преслѣдовали его. Турки, спасшіеся отъ штыковъ, толпами гибли въ волнахъ Дуная. Русскіе воины, видѣвшіе Румянцева въ непрестанномъ огнѣ, привѣтствуя его съ побѣдою, восклицали: «Ты прямой солдатъ!»

Въ исходѣ 1769 года, въ заграничныхъ вѣдомостяхъ разглашали, будто бы большая часть нашихъ войскъ погибла отъ голода и заразы. Екатерина шутя писала къ Вольтеру: «Жаль Мнѣ вашихъ вѣстовщиковъ, они напрасно тратятъ бумагу и чернила. Ложь сама себя изобличаетъ. Русскіе воины оживутъ и будутъ побѣждать!»

До битвы Кагульской не рѣшено было, могли бы Петръ I съ 30,000 отбиться отъ 270,000 Татаръ и Турокъ? Румянцевъ рѣшилъ этотъ споръ. А Екатерина, послѣ Кагульскаго сраженія, писала къ Вольтеру: «Румянцевъ произведенъ за новую побѣду Фельдмаршаломъ. Онъ уведомляетъ, что войска Русскія, подобно древнимъ Римлянамъ, не спрашиваютъ: Сколько неприятелей, но гдѣ они? Однихъ Турокъ, защищаемыхъ съ тылу Измаильскою крѣпостью, было сто пятьдесятъ тысячъ; укрѣпленія ихъ простирались на высотахъ при рѣчкѣ Кагулъ, въ двадцати пяти верстахъ отъ Дуная. Флотъ Русскій нанесъ новое пораженіе Туркамъ при Наполи де Романи. Въ знаменитый день Кагульской битвы, то есть, 21 Іюля, началась осада Бендеръ. Князь Прозоровскій тревожитъ Турокъ

между Очаковымъ и Бендерами; Азовскій флотъ въ очахъ Порты укрѣпляется въ силѣ, числѣ и надеждѣ.»

Между тѣмъ Визирь перешелъ за Дунай. Отъ 150,000 подъ знаменемъ Магомета осталось только пятнадцать; сорокъ тысячъ погибли во время битвы и въ волнахъ Дуная, прочіе разсѣялись, многіе бѣжали въ Константинополь съ вѣстію о пораженіи своемъ. Побѣдоносный Русскій флотъ вошелъ въ Дардапеллы. Султанъ Мустафа III собралъ Диванъ, и сказалъ: «Со вступленія моего на престолъ я руководствовался вашими совѣтами; вы не допустили меня лично предводительствовать войскомъ. Выборъ двухъ неспособныхъ Визирей обманулъ надежды мои и ожиданія народа. Если польза и слава Турціи требуютъ продолженія войны, я снова готовъ предводительствовать войскомъ. Еще не все средства исчезли; Франція, вѣрная и древняя наша союзница, будетъ содѣйствовать усиленіямъ нашимъ. По повелѣнію моему, уговариваются съ нею о покупке кораблей въ замѣну сожженнаго флота. Христіанскія области изъявляютъ намъ благосклонность, нужную въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Австрія и Пруссія предлагаютъ намъ посредничество. Они вызываются исходатайствовать намъ миръ, не унижающій ни славы, ни достоинства Порты, ни закона великаго нашего Пророка.»

Такъ говорилъ Султанъ, а въ половинѣ Сентября 1770 года, Русскіе покорили Бендеры. «Всѣ рѣшились,» сказано въ извѣстіяхъ того

времени : «или взять городъ или умереть на стѣнахъ его.» Остальные полки, подоспѣвшіе на помощь товарищамъ, порывались вслѣдъ за ними. Войско любило Графа Петра Ивановича Панина; онъ увѣщался побѣдою и она перешла въ народную пѣсню. (*) Солдаты называли его отцемъ, а начальники одушевлялись его примѣромъ. Предъ приступомъ, Графъ Каменскій 'добровольно вызвался въ опаснѣйшія мѣста. Генералъ Лебелъ, смертельно раненый при отраженіи сильной непріятельской вылазки, умирая, сказалъ : «Не жалью о жизни, я жертвовалъ ею Государынѣ и Отечеству.» Генералъ — Маіоръ Олсуфьевъ, не смотря на болѣзнь свою, поспѣшилъ въ ряды полковъ, говоря, что когда предстоитъ дѣло, тогда не до болѣзни и не до себя. Полковникъ Миллеръ, давъ слово Графу Панину взойти прежде всѣхъ на стѣну, оставилъ ему письмо, въ которомъ препоручалъ Екатеринѣ жену свою и четырехъ дѣтей. Онъ сдержалъ свое слово; Екатерина приняла семейство его подъ Свое покровительство, а поэты воспѣли его подвигъ.

Французскій сочинитель новой Оттоманской Исторіи, увѣрлетъ, будто бы при взятіи Бендеръ, Русскіе потеряли двадцать тысячъ; по свидѣтельству Графа Панина, Русскихъ на приступъ было одиннадцать, а Турокъ въ городъ пятнадцать тысячъ. Большая часть Турецкаго войска состояла изъ Арабовъ, ревностныхъ защитниковъ Алкорана. Графъ Панинъ, уважая

(*) См. Пѣснишникъ, издаваемый П. П. Пошковымъ.

ихъ мужество , говорилъ , что они удивляли отважностью своей.

1770 года , Порта потерпѣла повсемѣстные удары. Оружіе Русское гремѣло въ горахъ Кавказскихъ ; нѣсколько Татарскихъ ордъ отдались подъ покровительство Россіи. Флотъ Русскій угрожалъ Крыму и Константинополю ; Палестина отклонилась отъ Султана ; изъ Египта изгнанъ былъ Турецкій Паша ; Али — Бей, одинъ изъ начальниковъ Мамелюковъ , домогался возстановить древнее могущество владыкъ Египетскихъ.

А въ Турціи продолжались военныя дѣйствія. Непріятель, наученный опытомъ, не разсѣявался толпами , но старался охранять себя и вредить Русскимъ; наши войска также дѣйствовали отрядами. Въ продолженіе 1771 года, Потемкинъ, бывшій тогда Генераль-Маіоромъ , принялъ корпусъ отъ Генерала Кречетникова. Генераль Вейсманъ отличался искусствомъ и храбростью; при взятіи Тулчи , подавая собою примѣръ , онъ первый вскочилъ въ ровъ и чрезъ амбразуру , взойде съ гренадерами на батарею. Озеровъ , герой Кагульскій поддерживалъ славу свою. Генераль-Маіоръ Милорадовичъ , въ исходѣ 1771 года , съ небольшимъ отрядомъ перешелъ за Дунай , поразилъ 8,000 Турокъ и овладѣлъ Мачинемъ. Генераль — Маіоры Гудовичъ, Текели, Игельстромъ, также отличались.

Того же 1771 года, вторая армія , подъ предводительствомъ Князя В. М. Долгорукаго, 9 Іюня отъ Днѣпра двинулась въ Крымъ, и при нападѣн на Череконскія укрѣпленія, возобновила

подвигъ Миниха и войскъ его. Отъ подошвы
рва, до поверхности вала было тринадцать са-
женъ вышины, лѣстницы и до половины не до-
ставали; спустясь въ ровъ и воцая въ валъ
штыки, Русскіе взошли на него. Одна егерская
колонна, поспѣшая за прочими войсками на
валъ, быстро втащила туда на канатахъ два
единорога. Съ высоты неприступныхъ укрѣпле-
ній, Русскіе видѣли страхъ и бѣгство непріате-
ля. Въ половинѣ Іюня занята была Кафа.

ГЛАВА XIII.

Перемирие.—Злоумышленія Французскаго Министерства.—Осторожность Графа Орлова.—Письмо Бибикова къ Фонъ-Визину.—Приготовленія къ переправѣ Русскихъ войскъ за Дунай.—Переписка Румлицева съ Екатериною.—Назначеніе Бибикова противъ Пугачева.—Событія до заключенія мира съ Портою Оттоманскою.

1772 года, Россія приступила къ перемирію съ тѣмъ, чтобы Порта уступила ей приморскія мѣста, открывающія входъ въ Черное море; Турція, подкрѣпляемая Франціей, упорствовала и порывалась къ новымъ неудачамъ.

Общія отношенія Россіи къ другимъ Державамъ 1772 года остроумно изображены Бибиковымъ въ письмѣ къ Фонъ — Визину, который служилъ въ Иностранной Коллегіи, пользовался особенною довѣренностію Графа И. И. Панина. «Пока Турковъ крѣпко не побьемъ,» говорилъ Бибиковъ: «мы добраго мира не сдѣлаемъ. Въ войну нашу, мы кажется, Вѣнскій Дворъ не мѣшаемъ. Шведы, если мы не зачнемъ, не задерутъ насъ нынче. Польскія дѣла вамъ самимъ подробно извѣстны, и я истинно боюсь, чтобы мы сами трое не подрались. Данія намъ совершенно предана, Англія рада быть на нашей сторонѣ. Франція до тѣхъ поръ будетъ дѣлать пакости, пока мочь ея будетъ.»

Бибиковъ былъ правъ. Французское Мни-

стерство, не заботясь о внутренности своего отечества, продолжало козни свои противъ Россіи и подстрекало Порту, вопреки перемирію, жжечь Русскій флотъ и не допустить эскадры съ Балтійскаго моря къ соединенію съ нашими кораблями въ Архипелагъ. Вотъ чѣмъ угрожала Порта Русскимъ, но осторожность Графа Орлова и отважность Графа Войновича, все предупредили.

Тогда же и Суворовъ явился въ предѣлахъ Турціи. Обозрѣвъ, по препорученію Екатерины, крѣпости, смежныя съ Швеціей, и не терпя бездѣйствія, онъ выпросился въ войско Румянцева. Первый шагъ его въ Турціи былъ шагомъ къ побѣдѣ. Графъ Салтыковъ, въ корпусъ котораго онъ находился, отрядилъ его къ Туртукаю, что нужно было для того, чтобы дѣйствовать не только на Дунай, но и на другомъ берегу. Въ одну ночь Суворовъ проскакалъ по почтѣ въ Иегоешть; въ три дня осмотрѣлъ все тамошнее положеніе, собралъ множество подводъ, перевезъ въ Аргисъ двадцать три лодки изъ *Домбровицы*, и получа отъ Графа Салтыкова копию, распорядился къ осадѣ Туртукаи. Съ Суворовымъ былъ одинъ только пѣхотный Астраханскій полкъ и конный того же имени; сверхъ того полкъ Донскихъ казаковъ и семь орудій. Малочисленность своего отряда Суворовъ подкрѣплялъ *внезапностью, быстротою и тайною*. Ударъ уже былъ готовъ, а Турки и не подозрѣвали, что Туртукаи въ опасности. Поразя ихъ печально на берегу Дуная, Суворовъ въ тотъ же вечеръ 10-го Мая 1773 года переправился за Дунай,

выступилъ и ударилъ на батарею, поставленную на крутой высотѣ, обведенной валомъ. Полковникъ Батурицъ велъ первую колонну и въ глазахъ Суворова, стоявшаго на возвышеніи, напалъ на первый лагерь, учрежденный позади батареи. Вскорѣ два другіе лагеря были очищены. Ни одинъ солдатъ во время боя не прикасался къ добычѣ. Суворовъ отдалъ имъ Туртукай въ награду повиновенія. Солдаты, служа за него молебны, сыпали золото. Туртукай былъ сожженъ.

Удачный поискъ противъ Туртукай, далъ возможность Графу Салтыкову устроить сообщеніе Дунаемъ между Силистріею и Рущукомъ и посылать отряды на ту сторону отъ устья Аргуса. Все это совершалось дѣятельнымъ Суворовымъ.

23 Мая Вейсманъ переправился чрезъ Дунай и предпринялъ обойти заливъ Карасу, гдѣ при деревнѣ того же имени непріятель стоялъ на высотахъ. 27 подвигъ его увѣнчался успѣхомъ. Станъ Турецкій достался побѣдителямъ.

Приготовляясь къ переправѣ за Дунай, Румянцева, 1 Іюня, въ легкой Запорожской лодкѣ перѣхалъ рѣку и тамошніе заливы. Не найдя тамъ удобной переправы, онъ вознамѣрился произвести ее противъ прохода Гуробальскаго, охраняемаго нѣсколькими тысячами Турокъ, подъ начальствомъ трехъ двухбунчужныхъ Пашей, Али, Джіафара и Абдула. На этотъ подвигъ отряжены были Вейсманъ и Потемкинъ. Первый пошелъ отъ Карасу въ тылъ непріятелю; другой приготовился отъ Ликарешта высадить съ судовъ

войско въ лице непріятелю; самъ же Румянцевъ 5 числа перешелъ чрезъ рѣку Ялмичу, слѣдовалъ безъ роздыха, ведя рядомъ съ собою по Дунаю отъ Гарсова, суда приведенныя для переправы къ высотъ Гуробальской. Въ назначенный день, то есть 7 Іюня, Вейсманъ и Потемкинъ поразили Турокъ съ тылу и спереди. По очищеніи противуположнаго берега, Румянцевъ велѣлъ поспѣшно перевозить за Дунай войска, и 11 Іюня самъ туда переправился, обозрѣлъ тѣсный проходъ къ Силистріи; осмотрѣлъ двѣ дороги, сдѣланныя Генералъ-Маіоромъ Муромцовымъ въ горахъ и по берегу; наконецъ освидѣтельствовалъ самолично мосты, наведенные чрезъ рѣку Галицу, вытекающую изъ озера. Генералъ-Поручикъ Ступишинъ и присоединенныя къ нему отдѣленія Вейсмана и Потемкина, другъ за другомъ перешли ущелія, и миновавъ мосты, заняли лагерь. Непріятель въ пяти верстахъ отъ Силистріи облегалъ высоты. Станъ его былъ окопанъ и защищенъ пушками. По сигналу Турокъ съ высоты Гуробальской, Османъ Паша перешелъ въ тѣ укрѣпленія отъ Силистріи. Казалось, что непріятель для того только избиралъ возвышенія, чтобы пораженіе его было виднѣе. Мужественный Вейсманъ самъ выпросился впередъ съ первымъ гренадерскимъ полкомъ, Графъ Воронцовъ послѣдовалъ его примѣру, что и увнѣтожило мгновенный успѣхъ Турокъ. Къ гренадерскому полку присоединенъ былъ егерскій баталіонъ Подполковника Мекноба. Едва первый корпусъ Ступишина перешелъ рѣчку Галицу и рас-

полагался занять лагерь, Османъ Паша, съ десятию тысячами конницы, ударилъ на наши легкія войска и на пѣхоту. Отраженный скоропоспѣшною пальбою, Османъ устремился на Арнаутовъ, опрокинулъ ихъ, обскакалъ съ лѣваго крыла первый гренадерскій полкъ и егерскій баталіонъ, стоявшій на правой сторонѣ. Окружа со всехъ сторонъ нашъ отрядъ, торжествующій непріятель въѣхалъ уже между пороховыхъ нашихъ ящиковъ и покушался отбить огнестрѣльные орудія. Первый гренадерскій полкъ устоялъ. Быстро поворочена была въ задъ часть пушекъ и третья шеренга гренадеръ. Хотя отбитый непріятель устремился на каре Ступишина, но Потемкинъ, Князь Голицынъ и Вейсманъ, подкрѣпясь новыми силами, довершили пораженіе. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличился Князь Василій Долгорукій, дежурный Генералъ Румянцева. При первыхъ выстрѣлахъ, возвѣстившихъ начало битвы, онъ посланъ былъ къ войску, и зная волю вождя своего, содѣйствовалъ совѣтамъ, поспѣвалъ вездѣ впередъ по движеніямъ непріятеля, и не смотря на болѣзнь, тогда постигшую его, объѣхалъ до шестидесяти верстъ. Дежурные Чиповники, бывшіе при Генералъ-Поручикѣ Ступишинѣ, такую же оказали неустрашимость. Вятскаго карабинернаго полка Секундъ - Маіоръ Веселовскій, Староскольскаго полка Глянка, и Адъютантъ Карповъ, посылаемые въ передовые отряды, поспѣшно доставляли повелѣнія въ опасныя мѣста. Отъ единодушнаго усердія Русскихъ подѣ

Силистріей, непріятель былъ разсѣянъ и весь станъ его достался побѣдителямъ.

18 Іюня при новомъ успѣхѣ, одержанномъ Русскими подъ Силистріей, отличился гвардіи Измайловскаго полка Подпоручикъ Щербининъ, сынъ Генералъ-Поручика Евдокима Алексѣевича Щербинина. Смертельная его рана повергла его прежде времени въ могилу, а Румянцевъ въ лѣтописяхъ военныхъ увѣковѣчилъ его имя слѣдующимъ письмомъ къ его отцу: «Имѣвъ удовольствіе принять вашего сына Сергѣя Евдокимовича, при самой переправѣ за Дунай, позналъ я въ немъ хорошія дарованія и видѣлъ подвиги его, являющіе усердіе и способность духа возвысить въ себѣ военныя дарованія. Въ сихъ похвальныхъ расположеніяхъ, къ которымъ я имѣлъ должную признательность, выпросился онъ у меня въ отдѣленной быть части въ сраженіи, происходившемъ 18 Іюня при городѣ Силистріи, и бывъ въ огнѣ съ непріятелемъ, получилъ тутъ картечью смертную рану, отъ которой около полуночи тогожъ дня скончался съ великою твердостью.

«Посѣщая его въ семъ состояніи и въ послѣднихъ минутахъ жизни, видѣлъ я въ немъ ту же неизмѣняемую бодрость духа, какую оказывалъ онъ и въ самомъ сраженіи. По истинѣ великое сожалѣніе чувствуетъ все общество, лишившись Офицера отменныхъ достоинствъ; но скорбное чувство болѣе всехъ угнетаетъ мою душу, когда я долженъ, обвѣщая сію потерю, вообразать, какой ударъ нанесу тѣмъ отцу чадолюбивому.

«Но когда отцовская жалость исполнить въ васъ свою мѣру, представьте Ваше Превосходительство, въ себѣ гражданина, который вѣчно долженъ славиться сею жертвою Отечеству : а сіе одно и въ первыхъ минутахъ горести должно облегчить чувства природы.»

Не взирая на неоднократные успѣхи Русскихъ, подвигнувшихся къ Силистріи и къ высотамъ непріятельскимъ, Турки часъ отъ часу успливались. По прекращеніи мирныхъ переговоровъ въ Фокшанахъ, Османъ Эфенди сказалъ : «Шведы научили побѣждать Русскихъ, а Русскіе научатъ побѣждать Турокъ.» Хотя Турки и 1773 года не могли похвалиться побѣдами, но разсѣиваясь, укрываясь въ крѣпостяхъ и выходя сражаться по частямъ, они уклонялись отъ главной битвы, которой не способствовало и мѣстное положеніе. Такимъ образомъ, сберегая силы, они угрожали и тогда, когда Русское оружіе разило и разсѣивало ихъ. Отъ начальника полка, охранявшаго мосты чрезъ рѣку Галицу, переправу чрезъ Дунай и пространныя спереди и сзади ущелины, Румянцевъ получилъ 20 Іюня извѣстіе, что съ лѣвой стороны Русскихъ показался непріятельскій лагерь между дѣревнями Буюкъ и Кучукъ — Кайнарджи. Опасаясь, чтобы непріятель не отрѣзалъ насъ отъ Гуробальской переправы и отъ сообщенія съ другимъ берегомъ, къ сохраненію малочисленныхъ нашихъ Задупайскихъ войскъ и къ отраженію новыхъ Турецкихъ силъ, посланъ былъ 21 Іюня Вейсманъ. На другой день герой палъ въ тотъ са-

мый часть, когда, выехавъ въ ряды солдатъ, личнымъ примѣромъ обратилъ на сторону Русскихъ побѣду, похищаемую Турками.

Объ этомъ обстоятельстве, Генералъ — Квартирмейстеръ Матвій Васильевичъ Муромцовъ, въ письмѣ своемъ къ Бибикову, говоритъ: «Вейсманъ палъ на полѣ битвы. Турки спѣшили къ Гуробазу, то есть, въ спину намъ. Намъ надлежало проходить долину Дервентуль, гдѣ не только такая орава, какую мы разбили, но малое число могло насъ удержать. 23, 24, 25 и 26 мы выступили изъ той переправы, а корпусъ покойнаго Вейсмана взялъ вправо къ Изманлу. Появившійся Турецкій флотъ противъ устья Дунай, грозилъ намъ нападеніемъ.

«Вотъ каковъ былъ нашъ переходъ чрезъ Дунай, и можно ли посылать съ такими малыми силами? Мы пришли въ незнакомую землю, гдѣ должно ходить ощупью и по нѣскольку разъ осматривать лѣса и ущелья, которыя почти всю землю покрываютъ. Правду сказать, надобно быть Румянцевымъ, чтобъ держать себя въ такомъ уваженіи и вездѣ успѣвать. Но еслибъ въ тотъ день не успѣлъ Вейсманъ, то насъ бы никого не осталось. Богъ сохранилъ насъ; Онъ даетъ всегда время одуматься. Нѣкоторые сказываютъ, что послѣ смерти Вейсмана, у него въ карманѣ нашли списокъ объ отличившихся.»

Державинъ на гробъ Вейсмана положилъ вѣнокъ. Подвигъ его соединилъ онъ съ воспоминаніемъ о Князѣ Таврическомъ.

При переходѣ за Дунай, у Румянцева было

только тринадцать тысяч войска, утомленнаго трудами и непрерывными сраженіями; по его укоряли за переправу на другой берегъ. Завистники старались даже уничтожить и славу Кагульской битвы. Румлицевъ подробно писалъ объ этомъ Екатеринѣ отъ 30 Іюня 1773 года изъ лагеря при деревнѣ Шигалевъ. Екатерина собственноручнымъ письмомъ увѣряла, что не знаетъ его непріятелей; что Она не любитъ вѣстовщиковъ и переносчиковъ, которые подлостью своей разрушаютъ согласіе: «Я привыкла,» говорила она: «судить о людяхъ по дѣламъ и по усердію.» Потомъ прибавила: «Признаюсь, что армія ваша не многочисленна, но никогда изъ памяти Моей исчезнуть не можетъ подпись моего обелиска, по случаю побѣды при Кагулѣ на немъ начеканенная, что вы, вмѣвъ не болѣе 17,000 человекъ въ строю, однако славно побѣдили многочисленную толпу, предводимую тогда Визиремъ Ганиль-Беемъ, съ которымъ считалось до полутора тысячъ человекъ, что весьма во Мнѣ утвердило правило, до Меня Римлянами выдуманное, в самыхъ опытахъ доказанное, что не число побѣждаетъ, но доброе руководство вождя, совокупленное съ храбростію, порядкомъ и послушаніемъ войскъ. Спротивный Дунайскій берегъ у Силистріи вы Мнѣ описываете столь неспособнымъ къ продолженію на ономъ военныхъ дѣйствій, что не токмо удвоить, но утроить надлежало бы армію, для полученія твердой поги. Я описанію сему вашему совершенно подаю вѣру; но сколько ни желаю окончанія войны,

нанесеніемъ навѣщающаго вреда непріятелю въ нѣдрахъ его, не могли получить переговорами мира, сноснаго чести и пользы Моей Имперіи, послѣ толикихъ побѣдъ, со всѣмъ тѣмъ удвоить, и еще менѣе утратить армію, я не въ состояніи, и сіе сверхъ того и за полезное не почитаю по вышеписаннымъ Мною, постоянно принятымъ и слѣдуемымъ правиламъ. Все, что сдѣлать нынѣ могу, есть, что Я изъ Польскаго корпуса приказала къ вашей арміи послать нѣсколько еще полковъ для усиленія оной, и надѣюсь, что они ко времени къ вамъ приспѣютъ; ибо полагаю по нынѣшнимъ вашимъ увѣдомленіямъ, что большая часть лѣтняго времени исчезнетъ, и слѣдовательно обыкновенное время кампаніи сей прежде, нежели вы въ состояніи будете паки принудить вашими дѣйствіями непріятеля къ ускоренію мирныхъ договоровъ. Въ семъ и прочемъ Я вамъ руки не связываю; какъ теперь, такъ и прежде въ совершенной вашей волѣ состоитъ наносить непріятелю всѣ тѣ удары, которые по мѣрѣ силъ вашихъ вамъ Богъ на сердце положить.»

Въ то же самое время, когда Екатерина переписывалась съ Румянцевымъ, перемѣнились и обстоятельства Бибикова. Его назначали изъ Польши просто съ отрядомъ въ войско Румянцева и онъ въ недоумѣніи своемъ писалъ къ Панину: «Сколь ни разстроилось состояніе мое по службѣ; но я не безпокою болѣе просьбою о моемъ отзывѣ. Пусть я тамъ буду, гдѣ судьбѣ угодно. Не утруждаю также ни о какомъ награжденіи, слѣдуя моему

всегдашнему правилу съ начала моей службы, чтобъ ни на какое дѣло не напрашиваться и ни отъ какого не отговариваться. Выпрошенное пагражденіе теряетъ цѣну.»

Бибиковъ ошибался. Фридрихъ II лично зналъ и уважалъ его. Но Прусское и Австрійское Министерства, увлекаясь духомъ тогдашней подозрительной политики, встревожены были сильнымъ его вліяніемъ въ Польшу, гдѣ поведеніемъ своимъ онъ пріобрѣлъ довѣренность даже и Конфедератовъ. Екатерина это знала и подъ предлогомъ уничтоженія опасной вѣтвей политики, Она удалила Бибикова изъ Польши, готовя его къ дѣлу важнѣйшему. Бунтъ Пугачева сильно разгорался, за границею печатали о немъ множество повѣстей и рассказовъ. Между прочимъ, Вольней, который впоследствии путешествовалъ на Востокъ и разительно описалъ развалины великолѣпной *Пальмиры*, въ романѣ своемъ представлялъ Пугачева лицомъ таинственнымъ, поддерживаемымъ и Францією и Турцією и рожденнымъ для какихъ-то необычайныхъ происшествій.

Екатерина въ письмѣ Своемъ къ Вольтеру, шутя называла Пугачева *Маркизомъ*. Но пришлось не до шутокъ. Къ отраженію мятежа нуженъ былъ человекъ, на сторонѣ котораго было бы общее мнѣніе; оно тогда принадлежало Бибикову. По распушеніи Палаты въ исходѣ 1769 года, Члены ея, разтѣхавшись по всѣмъ концамъ Россіи, славилъ вездѣ умъ и способности своего Предсѣдателя. Екатерина Сама была убѣждена въ достоинствахъ Бибикова. По пріѣздѣ

его въ Петербургъ, казалось, будто бы онъ подвергся какой то опалѣ, но вскорѣ къ удивленію Двора и столицы, онъ торжественно былъ приглашенъ Екатериною на новое поприще службы Ей и Отечеству. Вотъ какъ это было.

Подошедъ къ нему на придворномъ балѣ, Екатерина объявила, что избираетъ его къ потушенію пожара, опаснаго для Россіи. Бибиковъ отвѣчалъ, что жизнь его принадлежитъ Отечеству и желая намекнуть о проискахъ его недоброжелателей, прибавилъ: *Сарафанъ ли мой, сарафанъ дорогой; вездѣ сарафанъ пригожается; а не надо, сарафанъ и подъ лавкою лежить.* Екатерина улыбнулась, и сказала: «Я слышала, что вы безпокоитесь о послѣднихъ крохахъ вашего семейства; вы объ этомъ писали къ другу вашему Графу Панину. За что же вы Меня исключаете изъ числа вашихъ доброжелателей. Я увѣрена, что гдѣ вы будете, тамъ все пойдетъ къ благу Отечества. Впрочемъ, все зависитъ отъ Бога. А семейство ваше, въ отсутствіи вашемъ, будетъ подъ Моею опекою. Я не забуду и престарѣлаго вашего отца.» Въ восторгѣ душевномъ, Бибиковъ поцѣловалъ руку Екатерины. Когда онъ отошелъ отъ Нее, многіе изъ придворныхъ, которые за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, смотрѣли на него изъ подлѣбья, бросились къ нему съ привѣтствіями и поклонами. Остроумный Бибиковъ, раскланиваясь во всѣ стороны, говорилъ: «Боже мой, сколько у меня вдругъ явилось друзей.» (*)

(*) Это я слышала отъ Княгини Дашковой.

Получа отъ Екатерины полномочіе и въ послѣдній разъ простясь съ семействомъ, Бибиковъ выѣхалъ изъ Петербурга 9 Декабря 1773 года. По прибытіи въ Казань, узналъ онъ, что у Пугачева уже болѣе двадцати тысячъ сволочи, несущей повсюду страхъ и опустошеніе.

При грозной тучѣ, приближавшейся къ Казани, Бибиковъ, не упадая духомъ, веселымъ и надежнымъ видомъ ободрялъ жителей, пришедшихъ въ уныніе и отчаяніе. Въ первый день 1774 года прочтенъ былъ Манфестъ, и потомъ произнесъ разительное Слово Преосвященный Казанскій Веніаминъ.

Едва предложилъ Бибиковъ Казанскимъ Дворянамъ, чтобы содѣйствовать общими силами противъ злодѣя, Дворяне воскликнули: «Готовы за Всемилостивѣйшую Государыню и за Отечество жертвовать и имѣніемъ и жизнью! Мы не измѣнимъ предкамъ; мы будемъ непоколебимы въ вѣрности къ Государю и Отечеству.» Симбирскъ, Свіяжскъ и Пенза, соревнуя Казани, принесли всевозможныя пожертвованія. Екатерина, изъявляя благодарность Казанскому Дворянству, наименовала Себя *Казанскою помѣщицею*. Бибиковъ возвѣстилъ о томъ Дворянамъ 30 Января 1774 года. Мгновенно раздался единодушный кликъ: «Да здравствуетъ Великая наша Самодержица! Да царствуетъ надъ нами щедрая наша Мать! Готовы мы за Нее пролить кровь нашу и жертвовать всѣмъ, что имѣемъ!» По этому случаю произнесена была Рѣчь, сочиненная Державинымъ, который служилъ тогда въ Преображенскомъ

полку Подпоручикомъ и находясь при Биби-ковѣ. Въ пей, между прочимъ, сказано : «Прахъ предковъ нашихъ вопіетъ къ намъ и зоветъ насъ на пораженіе самозванца. Кровь братій нашихъ, еще дымящаяся, стремится насъ на истребленіе изверга. Чтожъ мы медлимъ? Чего давно не доставало совокупно поставить намъ грудь свою злодѣю своему? Ежели душа есть у Дворянина, то все у него есть къ ополченію. Чего же не доставало? Не усердія ли нашего? Нѣтъ! мы давно горѣли имъ, мы давно собирались и хотѣли пренебречь жизнь свою. А теперь, по милости Самодержавцы нашей, есть у насъ и согласитель мыслей нашихъ. Руководствомъ его составилось у насъ новое войско. Избранный по немъ Начальникъ трудится; товарищи его усердствуютъ. Все въ порядкѣ. Имѣніе наше готово на пожертвованіе; кровь наша на изліяніе, души наши на положеніе. Умремъ! кто не имѣетъ мыслей сихъ, не Дворянинъ тотъ.»

Благоразуміемъ, искусствомъ и неутомимымъ раченіемъ Бибикова, злодѣй вездѣ былъ поражаемъ и преслѣдуемъ. Князь Петръ Голицынъ, Мансуровъ, Михельсонъ и другіе достойные Чиновники отличались мужествомъ и усердіемъ. Для ускоренія военныхъ дѣйствій, Бибиковъ выѣхалъ изъ Казани и 15 Марта былъ уже въ Кучуевской крѣпости, откуда писалъ къ супругѣ своей : «Дѣла мои, Богу благодареніе, идутъ часъ отъ часу лучше; войска подвигаются къ гнѣзду злодѣевъ. — Что мною довольны, я то изъ всѣхъ писемъ вижу; только бъ спросили :

каково мнѣ? Одинъ Всевышній да будетъ помощникъ! Однако работаю и буду работать до положенія ризъ, Твори Богъ волю свою.»

Въ Бугульмѣ, небольшомъ Татарскомъ селеніи, Бибиковъ получилъ отъ Голицына увѣдомленіе о пораженіи Пугачева подъ Татищевскою крѣпостью. Силы самозванца простирались до 25 тысячъ и при немъ находилась 35 орудій. Оренбургъ былъ освобожденъ. Быстро преслѣдуя злодѣя, Голицынъ снова поразилъ его при городѣ Сакмарскѣ.

Бибикову за ревностные труды назначены были знаки Андрея Первозваннаго; но онъ не дожидъ до нихъ. Непрестанная дѣятельность, сильныя душевныя волненія, пренебреженіе собственной жизни для общей безопасности, повергли его въ неизлѣчиму ю болѣзнь. На смертномъ одрѣ, слыша отъ приближенныхъ своихъ напоминанія о бѣдномъ состояніи его семейства, онъ сказалъ: «Милосердая Государыня конечно ихъ призритъ; но болѣе жалю и стражду, оставляя въ бѣдствіи Отечество.» Бибиковъ скончался въ Бугульмѣ 9 Апрѣля 1774 года на 44 году. Екатерина пролила о немъ слезы и сдѣлалась благодѣтельницею и матерью его семейства.

По смерти Бибикова въ войскѣ произошли несогласія, Екатерина поручила главное начальство Графу П. И. Панину, достойному преемнику Бибикова. Вскорѣ изъ-подъ знаменъ Румянцева подоспѣлъ Суворовъ, захватилъ самозванца въ степи, и привезъ его въ Симбирскъ. Пугачева казнили въ Москвѣ 10 Января 1775 года.

Въ продолженіи 1774 года, возобновя военныя дѣйствія за Дунаемъ, Румянцевъ принудилъ Визиря къ миру. Извѣстіе о томъ препроводилъ онъ къ Екатеринѣ изъ лагеря въ Болгаріи при Кучукъ-Кайнарджи.

«Въ 10-й день сего мѣсяца,» писалъ Румянцевъ: «договоръ вѣчнаго мира между Имперіею Россійскою и Портою Оттоманскою подъ моими очами и взаимными полномочными заключенъ и подписанъ въ здѣшнемъ лагерѣ, а въ существѣ оного одержаны слѣдующія условія: 1) Всѣмъ Татарамъ быть вольными, и ни отъ кого, кромѣ Бога, независимыми въ своихъ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, а въ духовныхъ соображаться имъ правиламъ Магометанскаго закона, безъ наималѣйшаго однакожъ предосужденія вольности и независимости; имъ утверждены всѣ земли и всѣ крѣпости, въ ихъ владѣніи прежде бывшія; имъ отдаются отъ меня Еникуль и Керчь, которыя Порта Россіи съ ихъ гаванями и уѣздами симъ договоромъ уступила. 2) Также Россіи замокъ Кинбурнъ съ его округомъ и всею степью между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ; Порта оставленъ Очаковъ съ его древнимъ уѣздомъ. 3) Молдавія, Валлахія и Архипелагскіе острова возвращены на выгодныхъ для жителей условіяхъ; торговля и мореплаваніе купеческимъ кораблямъ, взаимнымъ образомъ позволены, равно какъ плаваніе онымъ изъ Черпаго моря въ Бѣлое, а изъ Бѣлаго моря въ Черное, и присвоены въ семъ случаѣ Россійскому кораблеплаванію и торговлѣ тѣ же выгоды и преимущества, какія

Англія и Франція отъ Порты вѣють. 4) Заплатить обязалась Порта за убытки Россіи 4,500,000 рублей. Прочія десять статей, подписанныя на Бухарестскомъ Конгрессѣ, утверждены; и другіе тамъ же предположенные, почти приняты въ ихъ силѣ. Пріимите, Всемилостивѣйшая Государыня, дѣло сіе и возвыщеніе объ ономъ, яко плодъ силы оружія Вашего, яко доводъ Божія благоволенія въ такихъ, Вашихъ предпріятіяхъ и яко пользу тѣхъ наставленій и руководствъ, которыми Ваше Императорское Величество, Всемилостивѣйше учреждали къ тому мой подвигъ.»

Вскорѣ потомъ, Екатерина посѣтила Москву, гдѣ встрѣтили Ее празднества и общій восторгъ жителей. Въ древней нашей столицѣ Румянцевъ получилъ наименованіе Задунайскаго, Князь Василій Михайловичъ Долгорукій Крымскаго, а Графъ Орловъ Чесменскаго.

Въ Іюль мѣсяцъ 1774 года, желая облегчить народъ, отменила сборы, наложенные во время войны, и многія затруднительныя подати; убавила цѣну на соль; предала забвенію слѣдствія и взысканія, происшедшія отъ мятежа; уничтожила разныя недоимки; постановила десятилѣтній срокъ на всѣ безгласныя дѣла, облегчила жребій преступниковъ, освободила купечество отъ подушнаго сбора и учредила подать съ капиталовъ; убавила пошлины съ продаваемыхъ имѣній, дозволила вольноотпущеннымъ, по способности и по склонности, избирать состояніе и упражненіе, полезное обществу.

Екатерина, предвидя, что заключенный миръ не избѣгнетъ стрѣлъ зависти и пересудовъ, при самомъ началѣ извѣстила о томъ Штакельберга, Русскаго Посланника въ Варшавѣ. «Заключенный миръ зажимаетъ ротъ многимъ людямъ, которые усиливались сдѣлать небылицы — истиной. Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ молодато Графа Румянцева съ нимъ извѣстіемъ, Я видѣла въ Ораніенбаумѣ всѣхъ ипостранныхъ Министровъ. Искреннюю радость замѣтила въ Англійскомъ Посланникѣ и Датскомъ; въ Австрійскомъ и Прусскомъ менѣе. Вашъ другъ Браницкій, смотритъ Сентяремъ. Испанія ужасалась; Франція въ уныніи и безмолвіи ходила одна, поджавши руки; Швеція не ѣстъ и не спитъ. Впрочемъ, мы были скромны; о мирѣ не молвили ни слова: да и какая въ томъ нужда? Онъ самъ за себя говоритъ.»

Миръ Портою Оттоманской колебался. Съ обѣихъ сторонъ принимали мѣры осторожности и военныя дѣйствія не прекращались. Русскія войска подвигались къ Крыму; въ Константинополѣ отливала новыя пушки, въ замѣнъ потерянныхъ. Побѣдоносный нашъ флотъ возвратился въ Кронштадтъ; Екатерина посѣтила его и собственноручнымъ Указомъ, вѣнчала его подвиги.

Между тѣмъ, 1777 года, въ Крыму вспыхнуло междоусобіе. Прежній Ханъ Девлетъ-Гирей, въ надеждѣ на Порту, поспѣшилъ въ Константинополь, гдѣ однако принять былъ, какъ презрѣнный бѣглець, бесполезный для себя и для Порты. Новый Ханъ Шагимъ-Гирей отправилъ

торжественное посольство въ Сѣверную столицу, а Екатерина по этому случаю сложила съ народа многіе затруднительные сборы. Такъ и всегда Она дѣйствовала. 1780 года, Она предприняла путешествіе въ Бѣлорусскій край; въ отсутствіе Ея, Дворянство возобновило просьбу о принятіи наименованія Великой и Матери Отечества. Въ то же время, по приглашенію тогдашняго Дворянскаго Предводителя Князя А. Б. Куракина, собрапы были деньги съ Дворянства и купечества, для сооруженія торжественныхъ воротъ и приготовленія для великопной встрѣчи Императрицы. Екатерина не согласилась ни на то, ни на другое. «Не пріобрѣтеніе пустыхъ названій,» писала Она, «есть предметъ Моего царствованія, по доставленіе блага и спокойствія Отечеству и вознесеніе славы и величія его.»

ГЛАВА XIV.

О ПЕРЕПИСКѢ ЕКАТЕРИНЫ СЪ РУМЯНЦЕВЫМЪ И ВОЗРАЖЕНІЕ НА СЪЖДЕНІЕ ЛОЙДА О ДѢЙСТВІЯХЪ РУМЯНЦЕВА.

Нѣкоторые полагаютъ, что въ перепискѣ Екатерины съ Румянцевымъ, Она вездѣ первенствуетъ. Я этого не нахожу. Екатерина защищала только *Свои правила* ; а Румянцевъ объяснялъ затруднительныя обстоятельства, встрѣтившія его 1774 года. Въ первой рѣчи 1770 года, Румянцевъ отчетливо предложилъ мысли Екатерины ; во-первыхъ , чтобы дѣйствовать наступательно ; во-вторыхъ, чтобы съ меньшимъ числомъ поражать превосходнѣйшія силы и чтобы успѣхами оружія достигнуть желаемого мира. Такъ и дѣйствовалъ онъ въ побѣдахъ своихъ при Ларгѣ и при Кагулѣ. Но онъ перешелъ за Дунай съ 13,000 войска , изнуреннаго почти пятилѣтними переходами и битвами. При томъ же и Турки отъ неудачъ своихъ сдѣлались осторожнѣе и перемѣнили образъ войны. Румянцевъ отдалялся отъ предѣловъ Россіи ; а у нихъ все было подъ руками , и какъ мы видѣли выше , Порта Оттоманская и внутри и внѣ предѣловъ своихъ, имѣла еще большія пособія ; слѣд-

ственно Румянцевъ объяснялся сообразно новымъ военнымъ обстоятельствамъ, но Екатерина не перемѣняла Своихъ правилъ. Она говорила, что важнѣйшее Ея дѣло продовольствіе народа, что до окончанія полевыхъ работъ, Она не можетъ дѣлать новаго набора и что войско Русское устоитъ въ прежней славѣ. Все это сбылось. Замѣтимъ еще, что едва ли когда была такая переписка между вѣнчанною главою и полководцемъ. А потому и Румянцевъ, не находя въ ней ничего для себя предосудительнаго, препроводилъ ее вполнѣ къ историкъ Князю Щербатову, чтобы онъ передалъ потомству письменныя его сношенія съ Екатериною.

Князь Щербатовъ представилъ бумаги Императрицѣ. Она отвѣчала: «печатайте; Я и сама отдаю правленіе Мое на судъ потомства.»

Въ наше время часъ отъ часу болѣе умножаются лавры Суворова, оспаривая ихъ у Румянцева. На это скажу, что 1811 года, тогдашній Военный Министръ Барклай де-Толли, сдѣлавъ мнѣ запросъ чрезъ Полковника Рахманова, (*) издателя военнаго журнала: «я ли сочинитель письма о дѣйствіяхъ Румянцева, помѣщеннаго въ Русскомъ Вѣстникѣ.» Я отвѣчалъ, что оно сообщено мнѣ за подписью Филостратова. Оно было перепечатано въ военномъ журналѣ, и я, вмѣсто всѣхъ умствованій, предлагаю его здѣсь подлинникомъ:

«Читая вашъ Русскій Вѣстникъ, я замѣтилъ, что вы посвятили его Отечеству, и что между

(*) Онъ былъ убитъ подъ Лейпцигомъ 1813 года.

прочимъ стараетесь возражать на клеветы, со-
плетаемыя на Русскихъ многими иноплемениными
писателями, которые, особливо съ тѣхъ поръ,
какъ Россія появилась съ такимъ блескомъ на
политическомъ поприщѣ, какъ будто объ закладъ
ударилась, кто болѣе опорочитъ дѣянія нашихъ
героевъ. Они все перепланиваютъ у насъ вообра-
женіемъ своимъ: и земля наша и летописи, все,
по ихъ мнѣнію, помрачено у насъ варварствомъ
и нечеловѣчествомъ; они забавляются выдумками
сихъ небылицъ. Вы тотчасъ увидите справедлив-
ность сихъ словъ.

Я некогда находился въ военной службѣ. Служба въ ней, не мудрено, что я старался учиться
моему ремеслу. Учась ему, читалъ военныя книги,
и часто замѣчаніями списывалъ поля моихъ
книгъ. Нынѣ, въ старости и дряхлости, удален-
ный отъ любимаго поприща, я иногда занима-
юсь воспоминаніемъ службы, войны, тѣхъ мѣстъ,
которыя видалъ, тѣхъ дѣлъ, которыхъ былъ
свидѣтелемъ. Сіе напоминаніе заводитъ меня въ
размышленіе, размышленіе въ библіотеку, а тамъ
часто принимаюсь за оставшіяся у меня воен-
ныя книги, читаю ихъ снова, какъ будто имѣю
еще въ томъ нужду, и нахожу въ чтеніи ихъ
удовольствіе. Никогда не охладѣешь къ ремеслу,
которое некогда всѣ способности ума и всѣ по-
рывы сердца занимало. Встрѣчая прежнія замѣ-
чанія, мысленно переношусь въ то время, о ко-
торомъ они мнѣ напоминаютъ: новый жаръ ожив-
ляетъ сердце; я молодѣю, и одна только обез-
силенная старость останавливаетъ желаніе мое де-

тѣтъ на поля, Россійскими побѣдами ознаменованныя. Иногда я нахожу въ моихъ примѣчаніяхъ причины къ негодованію. Все сіе побудило меня взяться за перо. Позвольте здѣсь съ одной стороны представить ложь, которою нагло уничижаютъ нашихъ великихъ мужей и Отечество; а съ другой, военный подвигъ Россіянъ, какой едва ли найдемъ въ другихъ исторіяхъ.

«Недавно попалась мнѣ въ руки изъ библіотеки моей книга, подъ заглавіемъ: Военныя и политическія записки Генерала Лойда. Не говоря о томъ, что въ книгѣ сей нѣтъ ни одной собственной мысли г. Лойда (исключая той, чтобъ хвалить себя, въ которую вѣрно никто вклепываться не будетъ), и не упоминая, что всѣ военныя разсужденія выбраны изъ Французскихъ тактиковъ, писавшихъ о глубокомъ строѣ и о длинномъ оружіи; ограбя тактиковъ, Лойдъ выщепилъ также изъ политиковъ и философовъ; но дѣло не о кражѣ; я приступаю къ моимъ примѣчаніямъ.

«На страницахъ 169 и 127 книги своей, издавшой въ четвертку, Лойдъ между прочимъ говоритъ :

«Противъ многочисленныхъ Азіятскихъ войскъ должно дѣйствовать отрядами, въ минуту только ихъ робости послѣ пораженія, но и то всегда опасно, а частію и бесполезно; ибо множество пунктовъ, на которые устремляемся въ маломъ числѣ, препятствуютъ общему и рѣшительному усилю.»

«Правило сіе прекрасно, но требуетъ, какъ и

всякое другое, образованія и принаровки. Неоспоримо, что противъ Турокъ преимущественно должно дѣйствовать на главное ихъ ополченіе; но и то неоспоримо, вопреки Лойду, что армія никогда безъ отрядовъ дѣйствовать не можетъ. Впрочемъ и сія мысль Лойду не принадлежитъ: онъ писалъ въ 1774 году, или в послѣ; а въ 1770 году Фельдмаршалъ Графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ доказалъ, что сіе правило не только было ему извѣстно, но онъ и *принаровилъ* оное къ обстоятельствамъ, какъ истинно великій полководецъ. Вступя въ Молдавію, онъ не преминулъ учредить нужные по времени отряды, и совокупя остальные силы свои, которыя едва ли простирались до двадцати тысячъ воиновъ, къ удивленію вселенной, разбилъ и уничтожилъ при Ларгѣ и при Кагулѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, исполнское ополченіе Турокъ и Татаръ, состоявшее слишкомъ въ двухъ стахъ тысячахъ человекъ. Пользуясь ихъ ужасомъ, сей полководецъ отдѣлялъ еще новые отряды, и въ ту кампанію покорилъ Килію, Измаилъ, Браиловъ, Галацъ и проч.; словомъ, очистилъ весь лѣвый берегъ Дуная. Онъ, можно сказать, первый показалъ Европѣ сей изящный способъ дѣйствія противъ Турокъ, которымъ въ послѣдствіи такъ худо пользовались Цесарцы: они претерпѣвали неудачи, ведя войну только отрядами и кордсами.

«Румянцевъ захотѣлъ слѣдовать иному плану, и растерялъ многіе отряды.» (Лойдъ).

«Сколько словъ, столько вздору. Мы уже ви-

дѣлп, что Румянцевъ дѣйствовалъ по тому самому плану, который Лойдъ, занявъ у него, присвоиваетъ себѣ и одобряетъ. Во всю войну Фельдмаршалъ потерялъ только два самые малые отряда. Но какой герой никогда не имѣлъ неудачи, особенно же въ отдѣльныхъ частяхъ? Впрочемъ потеряніе Журжи произошло отъ извѣстной трусости Коменданта (*). Храбрый Андрей, погибшій въ лѣсу при Команѣ монастырѣ съ егерскимъ баталіономъ, загладилъ неосторожность свою безпримѣрнымъ мужествомъ. Бывъ окруженъ почти пятнадцатю тысячами Турокъ, онъ умеръ со всѣми егерями своими съ оружіемъ

(*) Я сохраняю нѣкоторые ордера Фельдмаршала Графа Румянцева, какъ священный памятникъ великаго мужа, о коемъ воспоминаю съ благоговѣніемъ, и какъ образцы распоряженій великаго полководца, полезные всѣмъ военнымъ людямъ. Въ доказательство сказаннаго о Журжѣ прилагаю выписку изъ сихъ ордеровъ отъ 3-го Іюня 1771 года. Румянцевъ говоритъ между прочимъ: «Тутъ явно вѣсть, что сіе безславіе оружія произошло отъ малодушія «тамошняго Коменданта, когда не продолжалъ онъ оборонны до вашего прибытія. Для чего, если онъ съ гарнизономъ отпущенъ будетъ отъ Турокъ, везите его и всѣхъ «Офицеровъ арестовать до будущей моей объ нихъ резолюціи. Впрочемъ, какъ я считаю изъ вашего увѣдомленія, повсюду призвави съ корпусомъ П., во удержаніе «своего съ вами безпечнаго сообщенія, и какъ его, такъ «и своею позиціею за鎖пили сторону отъ рѣки Аргиса, «то распространите свое вниманіе и на лѣвое свое крыло, «дабы не подвергнуть опасности на сей сторонѣ, посредствомъ конхъ утверждается ваше сообщеніе съ Браило-«вымъ; для чего пужно вамъ сдѣлать подкрѣпленіе по-«сту своему въ Обилештахъ; а между тѣмъ и я съ арміею «въ лучшее обезпеченіе сего вѣря, сдѣлаю движеніе къ «рѣчкѣ Яломницѣ.»

въ рукахъ, и никто изъ нихъ не отдался въ плѣнь.

Греція ! ты воздвигла памятникъ Спартакцамъ, погибшимъ при Термопилахъ; исторія предала подвигъ сей удивленію потомства. Но Команскій подвигъ Россіянъ многими ли извѣстенъ?

Лойдъ продолжаетъ : «Сей безразсудный способъ продлилъ войну и совершенно истощилъ Россію. Всѣ ея силы противъ Турокъ въ 1774 году не простирались до 50 тысячъ, хотя и собрано было до трехъ сотъ тысячъ рекрутъ. При заключеніи мира войска не имѣли и на шесть недѣль провіанта.»

Опять — что слово, то ложь. Армія противъ Турокъ для того не была многочисленнѣе, что не было въ томъ нужды. Рекрутскій наборъ и со ста душъ, по тогдашней ревизіи, а паче принимая во уваженіе зачетныя квитанціи, далеко не доставлялъ и ста тысячъ человѣкъ. Въ разсужденіи же недостатка въ провіантѣ, Лойдъ обмолвился, и хотѣлъ, видно, это сказать о Туркахъ. И подлинно, Визирь отъ голода заключилъ миръ. Наша же армія имѣла сверхъ всего и на всякій случай въ тылу Молдавію и Валлахію, гдѣ все находилось для продовольствія.

«Я былъ тогда Генераломъ въ Россійской службѣ.» (Лойдъ).

Для чего жъ не сказать, какимъ Генераломъ? Но сіе нужно было, какъ послѣ увидятъ, дабы похвастаться выдуманною великою побѣдою.

«Въ теченіе зимы, предъ послѣднею кампаніею, я представилъ Императрицѣ планъ на бу-

душій годъ, въ коемъ объяснялъ необходимость перехода за Дунай, и доказывалъ, что одна или двѣ битвы доставятъ честный и полезный миръ.»

Лойдъ предлагаетъ плавъ Екатерины! Лойдъ наставляетъ въ войнѣ ту Монархиню, которая имѣла тогда Румянцевыхъ, Чернышевыхъ, Паниныхъ.

«Планъ мой былъ принятъ, имѣлъ совершенный успѣхъ. Двѣ великія побѣды, одна выигранная Генералъ — Поручикомъ Каменскимъ, а другая мною»

Тутъ, видно, я очень разсердился, и въ примѣчаніи своемъ помѣстилъ сіи слова: Одинъ только наглый лжецъ лжетъ такимъ образомъ предъ лицомъ Вселенной; ибо книга напечатана. Я служилъ въ сію послѣднюю войну, и такъ былъ самовидцемъ. Лойдъ во все время начальствовалъ только небольшимъ корпусомъ на островѣ противъ Силистріи. Какъ можно было Генералъ Маіору, съ отрядомъ, по большей мѣрѣ изъ трехъ полковъ состоявшимъ, одержать великую побѣду? Но посмотрите, въ чемъ состояла одержанная Лойдомъ побѣда. Распоряженія его на островѣ, гдѣ имѣлъ нѣсколько баталіоновъ, и гдѣ находилась баттарей, стрѣлявшая по городу, были столь премудры, что однимъ утромъ онъ не примѣтилъ, какъ Турки слѣлали на островъ высадку, нечаянностію привели въ безпорядокъ Лойдовъ отрядъ и вскочили на баттарею. Уже Лойдъ бѣжалъ на другую сторону острова, чтобъ спастись въ лодкѣ, въ то самое время Маіоръ Вельяновъ, стоявшій на той сторонѣ острова съ

гренадерскимъ баталіономъ , ударилъ на Турокъ въ штыки, опрокинулъ ихъ, столкнулъ въ воду, отнялъ опять батарею , и кончилъ дѣло, очистивъ островъ отъ непріятелей (*). На другой день случился я у развода въ главной квартирѣ. Тутъ было нѣсколько Англіійскихъ волонтеровъ; Фельдмаршалъ зная , что Лойдъ покушался осуждать его, взявъ Вельянова за руку, представилъ его Англичанамъ и сказалъ слѣдующія слова , которыя въ самой точности остались въ моей памяти : «Господа ! вотъ г. Маіоръ Вельяновъ , который вчера съ однимъ баталіономъ сдѣлалъ то , чего г. Лойдъ не могъ сдѣлать со всѣмъ своимъ корпусомъ.» Англичане, потупя глаза, отвѣчали, что Вельяновъ достоинъ отличнаго награжденія. Вельяновъ пожалованъ Подполковникомъ , отвѣчалъ Фельдмаршалъ, и обратясь, поздравилъ его съ симъ чиномъ. Не оспариваю, что побѣда при Козлоджи привела Турокъ въ уныніе; но истинныя причины , принудившія Визиря къ миру, суть искусныя движенія Фельдмаршала, заслуживающія удивленіе всякаго безпристрастнаго воина, Румянцевъ , посредствомъ остроумно-соображаемыхъ движеній, заперъ Турецкую армію въ Шумъ , отрѣзалъ совершенно подвозъ съѣстныхъ припасовъ, и принудилъ Визиря, истомленнаго голодомъ, подписать миръ истинно славный.

(*) Въ войну съ Турками, 1770 года , Вельяновъ во многихъ случаяхъ отличился, особенно у Рябой могилы, гдѣ съ отрядомъ своимъ сильное сдѣлалъ сопротивленіе переправѣ непріятеля чрезъ рѣку Прутъ.

Теперь видно, какое участіе имѣлъ въ томъ Лойдъ. Желательно только знать, что удивительное: дерзость ли какого нибудь Лойда, который покушается уничтожить Румянцева, приписывая себѣ миръ: или снисхожденіе Русскихъ къ поносителямъ имени Русскаго?....

«Принудили Визиря къ миру чрезъ мѣсяцъ по открытіи кампаніи, и еслибъ не помѣшали нѣкоторыя политическія обстоятельства и замѣшательство Пугачевское, то Русская армія въ нѣсколько недель могла бы быть въ Константинополь.»

Лойдъ.

Последняя сія мысль Лойдова совершенно доказываетъ его невѣжество. Мы уже видали, что причиною мира была не Козлоджійская удача, а голодъ Турецкой арміи, движеніями Фельдмаршала ей нанесенный. Теперь рассмотримъ, какимъ бы образомъ могла Козлоджійская побѣда произвестъ диковинный Лойдовъ походъ въ Царьградъ? И Суворовъ говорилъ: *Идѣ впередъ, знай какъ воротиться*. Основываясь на семъ правилѣ, подтвержденномъ опытами всѣхъ вѣковъ, смѣло сказать можно, что нельзя дѣлать покушенія на Константинополь, не утвердись за Дунаемъ; ибо въ случаѣ промедленія надобно имѣть вѣрный подвозъ припасовъ, въ случаѣ же неудачи возможность къ безопасному отступленію, а для сего и необходимъ на той сторонѣ Дуная пунктъ, обезпечивающій тылъ арміи. Я не распространюсь о причинахъ могущей случиться неудачи: жребій войны всегда въ рукъ Провидѣнія; но скажу нѣчто о томъ, что можетъ причинить за-

медленіе. Кратчайшій путь къ Константинополю лежитъ чрезъ горы, называемыя Балканами (*). Оный возможенъ искусному полководцу; но надобно, чтобъ онъ воспользовался хорошою погодою; ибо дефиле, продолжающіяся сами горами слишкомъ на двѣсти верстъ, затрудняютъ въ дурное время переѣздъ и самыхъ курьеровъ; почему, и при всѣхъ удачныхъ мѣрахъ противъ непріятеля, одна неблагопріятность стихій можетъ затруднить движеніе войскъ и потребуетъ пособій, которыя только при обеспеченномъ тылѣ доставляться могутъ. Другой путь, пониженіе къ морю тѣхъ же горъ, дѣлаетъ удобнымъ тѣмъ болѣе, что походъ берегомъ можетъ облегчиться подвозомъ потребностей на судахъ, при свободномъ отъ непріятеля Черпомъ морѣ; но для сего нужно взять Варну. И въ этомъ случаѣ многочисленныя припасы при осадѣ необходимы, что еще болѣе проуждаетъ имѣть *твердую ногу* на правомъ берегу Дуная. Третій путь, взявъ гораздо вправо, длиннѣе всѣхъ прочихъ, и по сему самому дѣлаетъ подвозы необходимыми. Все сіе доказываетъ, что переходъ за Дунай для дальнихъ завоеваній долженъ имѣть главною цѣлію покореніе Силістріи. Сія крепость будетъ запаснымъ мѣстомъ, средоточіемъ безопаснаго сообщенія арміи съ лѣвымъ берегомъ, и посредствомъ оной обезпечатся во всѣхъ случаяхъ наступательныя и возвратныя движенія войскъ. По обстоятельствамъ, Начальникъ

(*) Древле Гемусъ.

армія можетъ, для утвержденія себя на правомъ берегу , избрать также Рушукъ , или Никополь. Но я полагаю Силистрію обѣихъ сихъ выгоднѣйшею; ибо Рушукъ въ рукахъ нашихъ будетъ имѣть по сторонамъ своимъ непріятельскія крѣпости Силистрію и Никополь , а сія послѣдняя отдалять армію нашу слишкомъ вправо. Силистрія же, напротивъ того, составитъ средину нашего расположенія по Дунаю : лѣвое крыло , примкнутое къ морю , совершенно останется безопаснымъ , а нужно будетъ только обезпечить правое отъ Рушукъ. Можно даже и всю армію , если число ея позволитъ , уместить между моря и Силистріи , тѣмъ крѣпче будетъ положеніе ея и безопаснѣе *фланги*, обезпеченныя моремъ и важною крѣпостью. Изъ сей-то *операционной линіи* удобно располагать вождю впредь дѣйствія свои по произволу безъ всякой опасности , и тогда , въ случаѣ продолженія войны , зимовать за Дунаемъ.

«Возразятъ , что можно идти впередъ , не занимаясь Силистріею , а оставя при ней наблюдательный корпусъ ; но , не говоря о томъ , что для сего потребна многочисленная армія , все нужно будетъ сдѣлать важное полевое укрѣпленіе передъ мостомъ или и нѣсколько при различныхъ мостахъ , для удобнѣйшаго по обстоятельствамъ возвращенія войскъ : безъ важной на томъ берегѣ крѣпости , тамъ зимовать не можно. Сообразя все сіе, какъ могъ Лойдъ сказать, что войско , имѣвшее противъ себя цѣлую армію , защищавшую въ Шумлѣ дефилеи , войско , не

занявшее никакого важнаго мѣста на правомъ берегу, войско, по его словамъ, не снабженное провіантомъ и на шесть недѣль, послѣ малой Козлоджійской выгоды могло бы въ нѣсколько недѣль быть въ Константинополѣ? Не ясно ли сіе доказываетъ невѣжество его въ военномъ дѣлѣ? И вотъ, какіе судьи насъ судятъ!

Другой примѣръ:

«Архенгольцъ въ своей исторіи о семилѣтней войнѣ, на 93-й страницѣ, описывая Цорндорфское сраженіе, помѣщаетъ слѣдующія непонятныя слова:

«Россійскую пѣхоту атаковали во флангъ, съ тылу и въ лицо; отъ чего воспослѣдовало страшное въ ономъ убійство. (*) Между тѣмъ воины сіи представили Пруссакамъ еще дотолеъ невиданное зрѣлище. Разстрѣлявъ свои патроны, они стояли какъ вкопанные. Однакожъ сіе произошло не отъ того мужества, которое рождаетъ истинная любовь къ отечеству или славѣ, и не отъ чести, заставляющей воина защищать мѣсто свое до послѣдняго издыханія, ибо они почти не защищались: сіе было только глупая нечувствительность, ведущая къ тому, чтобъ отдать себя въ жертву на томъ мѣстѣ, гдѣ они поставлены. Когда первые ряды были истреблены, являлись

(*) Въ нѣкоторомъ иностранномъ городѣ выставлена была изображающая одно извѣстное сраженіе картина, на коей всѣ убитые представлены были въ нашихъ мундирахъ. Нѣкто изъ тамошнихъ гражданъ, усмотря сіе, сказалъ: Видно что наши на тотъ разъ были безсмертны: я не вижу ни одного убитаго изъ нашихъ воиновъ.

повыя войска, желающія, какъ казалось, того же жребія. *Ихъ легче было перебить, нежели прогнать.*»

Что отвѣчать на сіи слова? Я нахожу въ моемъ замѣчаніи:—О, какъ безразсудна зависть! Не могли отрицать непоколебимой твердости Россіянъ, ее называютъ глупою нечувствительностію, какъ будто глупость можетъ сдѣлать человека нечувствительнымъ къ ранамъ и смерти! Я повторяю: не могли отрицать нашего мужества, хотятъ очернить его клеветою. — Гдѣ стыдъ у сего писателя? особливо, когда на слѣдующей страницѣ онъ же говоритъ:

«Но полки, могшіе довершить величайшую и неслыханную побѣду, не явили тутъ обыкновенной своей храбрости. Они забыли славу имени Пруссакаго, они не познали силъ своихъ, и въ глазахъ Короля своего побѣжали отъ ослабленнаго и почти побѣжденнаго непріятеля.

«Изъ сего кажется, будто бы Русскіе не почти не защищались. Тутъ я нахожу слѣдующее замѣчаніе о бѣгствѣ Пруссаконъ: — Ихъ нельзя поклепать въ *глупой нечувствительности*. Поступокъ ихъ показываетъ иное. — Но оставимъ изступленіе зависти, и покажемъ свѣту примѣръ истиннаго и отличнаго мужества Россіянъ.

«Въ 1777 году, во время возмущенія въ Крыму, извѣстнаго подъ именемъ *калабанды*, бунтъ былъ такъ худо предусмотрѣнъ, что раздѣленные войска вдругъ стали окружены мятежными толпами Татаръ, и сообщеніе между отрядами хотя не надолго, но пресѣклось. Четыре роты, подъ начальствомъ Тульскаго полка Маіора Тун-

цельмана, двѣ второ-Московскія, предводимыя Капитаномъ Графомъ Федоромъ Петровичемъ Апраксинымъ, въ Шведскую войну произведеннымъ Подполковникомъ, и Поручикомъ Миною Ивановичемъ Ласунскимъ; а двѣ Тульскія, близъ Бахчисарая, очутились посреди десятитысячной толпы бунтовщиковъ. Туицельманъ едва успѣлъ построить войска свои кареемъ; однако, не взирая на ярость непріятеля, цѣлый день столь храбро сопротивлялся, и нанесъ ему столько вреда, что къ вечеру получилъ свободу, спокойно забралъ раненыхъ, оружіе и убитыхъ, и съ остальными людьми отступилъ къ своему обозу. По недостатку лошадей не могли идти впередъ, укрѣпился въ обозѣ, и принужденъ былъ стоять подъ ружейными выстрѣлами Татаръ, заставшихъ въ магазинахъ. Офицеры изъ вырытой въ срединѣ вагенбурга ямы, а солдаты изъ — за повозокъ не могли безопасно появляться. Однажды Графъ Апраксинъ, услыша о приходѣ мнимой помощи, едва выглянулъ, тотчасъ былъ раненъ пулею въ грудь. Сія горсть Русскихъ воиновъ пробыла въ семъ положеніи восемь или десять дней, (*) точно не помню. Татары ежедневно нападали на вагенбургъ съ такою яростію, что въ одномъ нападеніи нѣсколько изъ нихъ добрались до пушки и готовились ее увезть. Артиллерійскій сержантъ схватился за пушку, и держался за нее, пока не отрубили ему обѣихъ рукъ; между

(*) Великое число изъ нихъ убитыхъ и раненыхъ послужило спасеніемъ остальнымъ; ибо чрезъ сіе только не случилось недостатка въ патронахъ и провіантѣ.

тѣмъ подоспѣли Русскіе и выручали орудіе. Наконецъ, безмѣрное число побитыхъ и недостаткъ въ пропитаніи разсѣяли многочисленную толпу Татаръ; осталось только тысячи полторы; но и они, видя, что не могутъ одолѣть нашихъ героевъ, набрали *мажаръ*, навьючили ихъ соломою и начали подвозить съ тѣмъ, чтобъ ими зажечь вагенбургъ. Усмотря сіе, Тунцельманъ рѣшился съ остальными 80 человѣками, способными носить оружіе, учинить вылазку, ударилъ въ штыки, опрокинулъ непріятеля, разсѣялъ его, отбилъ повозки съ соломою и съ оставшимися отъ сраженія тридцатью человѣками побѣдоносно возвратился въ вагенбургъ. Едва кончилось дѣло, какъ увидѣли плущій на помощь Ростовскаго полка баталіонъ съ Подполковникомъ Ласціемъ, (*) который уже совершенно окончилъ освобожденіе сего отряда. Изъ числа Офицеровъ уцѣлѣлъ только одинъ.

Не ясно ли сіе знаменуетъ природный духъ Россіянъ? Не ясно ли доказываетъ, что они не только умирать, но и побѣждать умѣютъ; что и при необычайныхъ опасностяхъ у нихъ не кружится голова; что они защищаются до самой крайности, и твердостью духа преодолеваютъ самаго многочисленнаго непріятеля? Сей подвигъ можетъ быть не назоветъ Архенголецъ дѣйствіемъ *глупой нечувствительности*.

Викторъ Фелостратовъ.

Село Старослужбино.

1810 года. Марта 23.

(*) Бывшимъ послѣ Генераломъ отъ Инфантеріи.

ГЛАВА XV.

**Князь Г. А. Потемкинъ—Таврическій и Суворовъ.—
Взятіе Очакова.**

Изъ всѣхъ полководцевъ , известныхъ въ Исторіи Всемірной, Потемкинъ передалъ ей нмя свое, не силою оружія , но мирнымъ пріобрѣтеніемъ Тавриды. Въ великихъ битвахъ , гремѣвшихъ отъ исхода XVIII столѣтія, до 1815 года, какъ будто затерялись побѣды Румянцева и Суворова; а современники и потомство повторяютъ, что присоединеніемъ Крыма къ Россіи, Потемкинъ принесъ ей даръ безкровный. Но несправедливо думаютъ, будто бы, по заключеніи мира при Кучукъ-Кайнарджи, завидуя славѣ Румянцева, онъ старался удалить его. Въ опроверженіе этого представляю простое, но разительное доказательство. Петровъ былъ его другомъ , и Потемкинъ, не только не препятствовалъ ему славить побѣды при Ларгѣ и Кагулѣ , но какъ извѣстно , Петровъ , находясь въ Англіи , къ нему прежде всѣхъ переслалъ громкое посланіе свое къ Румянцеву на переходъ его за Дунай. И на людей

сильныхъ часто взводятъ ложь и клеветы; и объ нихъ не рѣдко пожалѣешь. Когда Князь Меншиковъ, любимецъ и сподвижникъ Петра I, внезапно палъ съ чреды своей и въ крестьянской одеждѣ проѣзжалъ чрезъ Иркутскъ, нѣкоторые изъ ссылочныхъ бросали грязью въ него и его дѣтей, Меншиковъ говорилъ: «Друзья мои! брадите и бросайте въ меня грязью сколько вамъ угодно, но пощадите моихъ дѣтей. Видитъ Богъ, что я даже и не зналъ, что вы здѣсь, грѣхъ тѣмъ, кто сослалъ васъ моимъ именемъ.» Потемкину изъ современниковъ нѣкому было завидовать. За то, такъ сказать, онъ былъ между двухъ огней. Одни — ему завидовали; другіе — и у насъ и за границей на него клеветали. Утверждали, что онъ врагъ и гонитель Румянцева. Это неправда. Онъ добровольно поступилъ подъ его знамена; никого не вытѣснялъ и принялъ корпусъ отъ Кречетникова, который пужень былъ для другаго мѣста, гдѣ онъ былъ видѣе, нежели въ военной службѣ; Кречетниковъ поступилъ въ управленіе Бѣлорусскаго Края, а Потемкинъ вездѣ дѣйствовалъ съ храбрымъ Вейсманомъ и до перехода за Дунай и за Дунаемъ. Не избѣжалъ клеветъ и Румянцевъ; полагали, будто бы онъ изъ зависти отрядилъ Вейсмана туда, гдѣ онъ долженъ былъ погибнуть, и онъ былъ убитъ. Нѣкоторые ссылаются на какое-то письмо Потемкина, въ которомъ, будто бы онъ жаловался Екатеринѣ, что онъ не можетъ служить вмѣстѣ съ Румянцевымъ. У меня много было собственноручныхъ писемъ Потемкина; но я не встрѣчалъ

въ нихъ никакой жалобы ни на кого; ему не нужно было унижать себя ни жалобами, ни доносами. А что Румянцевъ былъ не по немъ и что онъ изъ-подъ знаменъ вышелъ его соперникомъ: это не удивительно. Во всѣхъ путяхъ ихъ жизни, въ воспитаніи, въ обстоятельствахъ, въ образѣ мыслей, словомъ, во всемъ, они были различны. Мы знаемъ, что Румянцевъ воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ, что онъ служилъ некоторое время въ полкахъ Фридриха II и что сподвижниками его были товарищи юности его, Графъ Панинъ, Князь Репнинъ, Князь Прозоровскій, Графъ Каменскій, Меллсисно и другіе. Мы можемъ предположить, что они понимали другъ друга и единодушіемъ своимъ содѣйствовали къ успѣхамъ оружія прежняго своего сотоварища. Но съ той поры, когда Потемкинъ выбылъ недоученымъ студентомъ, мы не знаемъ, гдѣ онъ учился и гдѣ пріобрѣлъ тѣ чудныя свѣдѣнія, которыми изумлялъ и просвѣщеннѣйшихъ иностранцевъ. Есть темное преданіе, что разставшись съ Румянцевымъ, онъ уклонился въ тихую келью монастыря, откуда вышелъ одинъ съ своимъ гениемъ и съ того времени жилъ, какъ будто въ отдаленіи отъ существующаго общества. Главное дѣло въ томъ, что нѣтъ нигдѣ слѣдовъ ненависти его къ Румянцеву. А что Суворовъ по чему-то не любилъ Задунайскаго, въ томъ есть собственное его сознаніе. Не знаю, какое вліяніе имѣлъ Румянцевъ въ переселеніи Христіанъ изъ Крыма, въѣренномъ Суворову, но по этому случаю, онъ писалъ къ Турчаньнову,

служившему при Потемкинѣ и бывшему докладчикомъ у Императрицы, что онъ сочиняетъ *Иліаду* и хочетъ изъ помѣстья своего *Вишенокъ* забросать костями. (*)

Какъ бы то ни было, но ни Потемкинъ, ни Суворовъ никогда уже болѣе не служили съ Румянцевымъ. Потемкинъ новое свое поприще проходилъ по предначертанію и мысли Екатерины; а Суворовъ, кромѣ сраженія при Рымникѣ, былъ исполнителемъ распоряженій Князя Таврическаго. Екатерина ознакомила съ нимъ Суворова.

Отъ исхода 1769 года, до заключенія мира съ Портою Оттоманскою, Россія испытала и выдержала три бѣдствія: войну, моровое повѣтріе и бунтъ Пугачева.

Во время войны за Баварское наследство кончившейся 1778 года, Тешинскимъ миромъ, Потемкинъ на устьѣ Днѣпра основалъ пристань Херсонскую. Нужны были для того милліоны и они нашлись безъ новыхъ налоговъ и займа. Сокровища Россіи въ ней самой. Не отдѣляя земледѣльцевъ отъ сохи, Потемкинъ, по примѣру древнихъ Римлянъ, назначавшихъ войско въ мирное время на общественныя работы, употребилъ нѣсколько полковъ къ построенію новаго города и пристани. Вскорѣ труды и издержки вознаградились. Изъ пристани Херсонской поплыли корабли въ Черное и Средиземное море.

О сношеніяхъ Потемкина съ Булгаковымъ по Крымскимъ дѣламъ, было уже подробно предло-

(*) См. 1-ю Часть Русскаго Чтенія, стр. 126.

жепо въ I-й Ч. Русскаго Чтенія, а потому и не повторяю здѣсь о томъ. Сказано также было, что пріобрѣтеніемъ Крыма, Потемкинъ уничтожилъ послѣднее гнѣздо, откуда хищныя орды наносили разореніе Русскимъ областямъ. Путешествуя по Тавриду 1787 года и собственнымъ наблюденіемъ удостовѣрясь въ цвѣтущемъ ея состояніи, Она писала къ Московскому Градоначальнику Еропкину: «Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣмъ, которые безславили пріобрѣтеніе Таврической области. Съ пріобрѣтеніемъ оной исчезаетъ страхъ, наносимый Татарами Бахмуту, Украинѣ и Елизаветграду. Съ сими мыслями и съ немалымъ утѣшеніемъ написавъ сіе къ вамъ, я спокойно ложусь спать сегодня, видя своими глазами, что я не причинила вреда, но принесла величайшую пользу своей Имперіи.»

Такъ писала Екатерина, а вотъ, что говоритъ Принцъ Делинъ: «Зная, что нынче не въ модѣ вѣрить ни путешественникамъ, ни придворнымъ, ни хорошимъ вѣстямъ о Россіи; нѣкоторые распустили небылицу, будто бы обманывая Екатерину на пути Ея вездѣ разставляли бумажныя села и деревни, и что вся конница была безъ лошадей.»

Манифестъ о второй войнѣ съ Турками обнародованъ 9 Сентября 1787 года. Предводителями войскъ назначены были Румянцевъ-Задунайскій и Потемкинъ-Таврическій. Первому ввѣрена была Украинская армія; а послѣднему Екатеринославская.

Французскій сочинитель Исторіи Оттоманской

Порты признается, что Екатерина не желала ни первой, ни второй войны; Турки подвинуты были къ войнѣ внушеніями тогдашней подозрительной Европейской политики. 9 Сентября объявлена была война, а 1 Октября начались дѣйствія Суворова. Турки, подѣ начальствомъ Французскихъ офицеровъ сдѣлали нападеніе на Кинбурнскую косу, гдѣ тогда находился Суворовъ. Три раза нападали они и три раза были отражены. Въ первый разъ Русскіе отступили. Суворовъ не щадя жизни своей остановилъ бѣгущихъ. Турки выбиты были изъ пятнадцати оковъ. Суворовъ получилъ двѣ раны. Потемкинъ писалъ къ нему; «Я поставлю себѣ достоинствомъ отдавать вамъ справедливость.»

Тутъ же на Кинбурнской косѣ была какая-то размолвка у Суворова съ де-Рибасомъ. Они еще тогда не ознакомились другъ съ другомъ и де-Рибасъ писалъ къ В. С. Попову: «Суворовъ съ такимъ ухищреніемъ обходятся на Кинбурнской косѣ, что отъ него житья нѣтъ его подчиненнымъ.» Это относилось къ тому, что Суворовъ не соглашался поставить батарею по назначенію иностраннаго чиновника. Но вскорѣ послѣ этой временной ссоры, Суворовъ писалъ къ де-Рибасу:

«Si vous ne m'écrivez rien, je ne vous écrirais rien. Soyons indifferents pour la cause commune, c'est la pure vertu d'un homme du monde. Mendiez la sagesse chez les disciples de J. J. Rousseau, ils vous noyeront dans une bouteille de lait d'amande, et

vous érigeront un tombeau au prômontoire du néant. Si vous vivez encor, suivez le démon de Socrate; si vous êtes mort, votre ombre m'apparaîtra.»

«Если вы мнѣ ничего не пишете, то и я ничего не буду вамъ писать. Будемъ равнодушны къ общему дѣлу, это подлинная добродѣтель свѣтскаго человѣка. Вымаливайте премудрость у учениковъ Жанъ — Жака — Руссо, они утопятъ васъ въ бутылкѣ оржада и воздвигнутъ вамъ гробницу на мысѣ ничтожества. Если вы еще въ живыхъ, то послѣдуйте демону Сократа; а если васъ нѣтъ на свѣтѣ, то ваша тѣнь мнѣ явится.»

Въ Февралѣ 1788 года начался военныя дѣйствія Австрійцевъ. Увѣдомля о томъ Суворова, Потемкинъ писалъ: «Сейчасъ получилъ я изъ Вѣны извѣстіе, что Цесарскія войска дѣлали покушеніе на Бѣлградъ; имъ хотѣлось его схватить, но не удалось. Война открылась; въ Манѣфестѣ будутъ поставлены требованія на Боснію, Бѣлградъ и на область близъ Турецкой Далмаціи лежащую.» Не говоря о другихъ подробностяхъ дѣйствиі Австрійцевъ, упомянемъ только, что Императоръ Іосифъ отправился къ войску своему въ концѣ Феврала, а въ Апрель, подъ личнымъ начальствомъ, овладѣлъ Сабачемъ на Савѣ.

Въ Іюнь мѣсяцѣ, Турецкій флотъ поражаемъ былъ въ продолженіи трехъ дней, на Лиманѣ подъ Очаковымъ. 28 того же мѣсяца, Русское войско заняло станъ свой паже устья Буга, при Днѣпровскомъ устьѣ, въ виду Очакова. 3 Іюля

1788 года, Контръ-Адмиралъ Графъ Войновичъ , отличившійся въ Архипелагъ 1770 года, сразился съ Турками близъ Оеодосіи. Мужество и расторопность восторжествовали. 7 Іюля Турецкій флотъ удалился къ Румельскимъ берегамъ.

Войско , бывшее подъ начальствомъ Румянцева осаждало Хотинъ. Непріятель, защищаясь упорно , сдѣлалъ вылазку , но былъ отраженъ егерями и ротою гренадерскаго С.-Петербургскаго полка. 1788 года Румянцевъ былъ уже второстепеннымъ начальникомъ войскъ , а Потемкинъ главнымъ.

25 Іюля , для вытѣсненія Турокъ изъ садовъ и для открытія траншей подъ Очаковымъ , сдѣланъ былъ редутъ на берегу Чернаго моря на пушечный выстрѣлъ отъ города. Наканунъ , Принцъ Деллинъ , бывшій въ Русскомъ войскѣ подъ Очаковымъ , разговаривая съ Потемкинымъ , о взятіи Сабача , сказалъ , что Императоръ Іосифъ самъ велъ на приступъ войско , подвергался сильнымъ пушечнымъ выстрѣламъ. Въ день 25 Іюля , Потемкинъ обозрѣвалъ устроиваемый редутъ. Ядра со всехъ сторонъ сыпались изъ крѣпости ; близъ Князя убили Козака и двухъ лошадей ; Генералъ — Маіоръ Синельниковъ былъ смертельно раненъ. Потемкинъ обратился къ Графу Браицкому , и сказалъ : «Спросите у Принца Деллина , не устрашимъе ли меня былъ Императоръ при взятіи Сабача?» Принцъ Деллинъ отвѣчалъ : «Князь , васъ одни только пушечные ядра могутъ развеселять.»

27 Іюля , Суворовъ самовольно напалъ на не-

пріятеля. Любя быстроту и внезапность, онъ просилъ позволенія у Потемкина еще въ Апрѣлѣ 1787 года, взять Очаковъ. Князь отвѣчалъ: «Я на всякую пользу руки тебѣ развязываю, но касательно Очакова, попытка неудачная тѣмъ болѣе можетъ быть вредна, что теперь начинается уже дѣйствіе общихъ силъ. Я не желалъ бы до времени и флотиліи показываться, чтобы Турки не приглядѣлись. Очаковъ непременно должно взять; я все употреблю, надѣясь на Бога, чтобы достался дешево.» Но, вопреки Потемкину, Суворовъ отважился на попытку противъ Очакова, но былъ раненъ и не успѣлъ; внезапное его нападеніе не было подкрѣплено.

Когда разсѣянные ряды бѣжали, Суворовъ бросился на землю и закричалъ: «Чудо-богатыри, вась не *отбили*, а меня *убили*, задавите, стойте!» Всѣ остановились; ближайшіе снѣшили приподнять Суворова, но онъ самъ вскочилъ, и вскрикнулъ: «*оживили, оживили.*»

Такъ рассказывалъ мнѣ самовидецъ, а Потемкинъ въ досадѣ писалъ къ Суворову: «Солдаты не такъ дешевы, чтобы ими жертвовать по пустякамъ. Къ тому же мнѣ страшно, что вы въ присутствіи моемъ дѣлаете движеніе безъ моего приказанія пѣхотою и конницею. Ни за что потеряно безцѣнныхъ людей столько, что ихъ бы довольно было и для всего Очакова. Извольте меня уведомлять, что у васъ происходитъ будетъ, а не такъ, что даже не прислали мнѣ сказать о движеніи впередъ.» Отвѣчая Потемкину, Суворовъ просился за ранами и *отъ продол-*

жизельной осады, къ водамъ. «Цѣленіе мое ближе.» прибавилъ онъ: «оно въ обновленіи вашей милости. Свѣтлѣйшій Князь! защитите простоправіе мое отъ ухищреній ближняго. Противъ государственныхъ непріятелей готовъ.»

Суворовъ на время удалился въ Кинбурнъ, гдѣ едва не умеръ отъ воспаленія раны, а потомъ едва не погибъ отъ загорѣвшагося пороховаго магазейна.

Суворовъ былъ нуженъ Потемкину для другаго важнѣйшаго случая—для Измаила, и онъ лаская его, писалъ къ нему: «Другъ мой сердечный, Александръ Васильевичъ! Лодки быють корабли; пушки теченіе рѣкъ заграждаютъ. Христосъ посреди насъ! Боже, дай тебѣ найти въ Очаковѣ. Попытайся съ ними переговорить; обѣщай имъ моимъ именемъ цѣлость имѣнія и безопасность ихъ женъ и дѣтей.»

Между тѣмъ, когда Потемкинъ въ мысляхъ своихъ соображалъ общія дѣйствія новой войны, на берегахъ Невы, вышла книга, подъ заглавіемъ: «Путешествіе изъ С.-Петербурга въ Москву.» Сочинитель, увлекаясь посторонними внушеніями, представилъ въ ней полководца, усыпленнаго нѣгою и роскошью и который бездѣйствіемъ своимъ подвергалъ войско гибельному истомленію. Екатерина препроводила это сочиненіе къ Потемкину, а онъ отвѣчалъ: «Рушеніемъ Очаковскихъ стѣнъ буду возражать сочинителю»

Въ Августѣ 1788-го года, Талызинъ дѣйствовалъ за Кубанью, и писалъ къ Потемкину:

«Если бы всѣмъ охотникамъ позволено было идти на непріятеля, то едва ли бы кто остался въ лагерь.»

Принцъ Делинь, не зная еще о сраженіяхъ и побѣдахъ, которыя происходили далѣе Очаковскихъ стѣнъ и на ряду съ другими полагая, что Потемкинъ тратитъ время въ бездѣйствіи, сказалъ ему: «Князь, я жалуюсь вамъ на ваше бездѣйствіе.» Не отвѣчая ни слова, Потемкинъ послалъ за курьеромъ, прибывшемъ изъ-за Кубани. Показывая Принцу Делиню извѣстіе о новыхъ побѣдахъ, Князь Таврической сказалъ: «Смотрите, дѣлаю ли я что нибудь? Я положилъ на мѣсть десять тысячъ Черкесъ, Абазинцевъ, Грузинъ и уже пять тысячъ Турокъ истреблены въ Кипбурнѣ.»

Въ то же время, отрядами морскихъ силъ, Потемкинъ тревожилъ Порту до стѣнъ Царьграда и развлекая вниманіе непріятеля, беспокоилъ берега Анатолиі. Въ этихъ поискахъ отличился Генералъ-Адъютантъ Сивявинъ; распространяя страхъ по берегамъ Анатолиі, онъ вездѣ поражалъ непріятеля, истребилъ многія суда, препятствовалъ переправѣ войскъ, и съ плѣнными и съ значительною добычею возвратился 6 го Ноября въ Севастопольскую крѣпость. 4 го Ноября, Капитанъ-Паша отплылъ съ флотомъ своимъ къ Константинополю. Въ бытность свою у Очаковского берега, устроивъ стражу изъ мелкихъ судовъ у острова Березани, привелъ Березанскую крѣпость въ оборонительное положеніе и стараясь сдѣлать ее неприступною, учредилъ батарею на томъ мѣстѣ, гдѣ удобнѣе было при-

стать. Тщетны были его предосторожности ; 7-го поутру, Черноморскіе Козаки, подъ начальствомъ войсковаго своего Судьи Подполковника Головатаго , въ виду всего войска поплыли къ острову. Выстрѣля изъ ружей , они бросались въ воду, вползли на берегъ, устремлялись на непріятеля и преслѣдовали его къ крѣпости, гдѣ встрѣчены были картечью. Козаки немедленно поворотили пушки съ набережной захваченной баттарей и орудія, взятыя съ лодокъ. Движеніе нѣсколькихъ фрегатовъ и отправленіе капонерскихъ лодокъ , подъ начальствомъ де-Рибаса , заставили непріятеля умолкнуть и просить пощады. Турки сдались. Взятіе Березани предвѣстило паденіе Очакова.

Между тѣмъ, движеніе, сдѣланное однимъ корпусомъ арміи Румянцева, обратило въ бѣгство Турокъ и Татаръ , столпившихся у Рябой Моги-лы, гдѣ они собрались, надѣясь на крѣпость этого мѣста. Въ быстромъ бѣгствѣ не могли преслѣдовать ихъ даже и легкія войска. Принцъ Деллинъ, находившійся тогда при войскахъ Румянцева, говоритъ, что «если бы его послушались , то непріятель не ушелъ бы; но прибавляетъ онъ, голосъ мой раздавался по пустынь.»

Внезапно наступила необычайная въ томъ краю стужа съ снѣгами; Румянцевъ расположилъ войско свое на зимній постой въ Яссахъ и въ другихъ мѣстахъ по обѣимъ берегамъ рѣки Прута ; въ продолженіе Ноября, Австрійцы прекратили дальнѣйшія дѣйствія и въ исходѣ 1788 года, на поприщѣ воеиномъ остался дѣйствующимъ ли-

цемъ—одинъ Потемкинъ. Противоборствуя зимнимъ бурямъ и непріятелю, Русскіе взяли Очаковъ приступомъ въ пять четвертей часа. Приицъ Делашъ описывая взятіе Очакова, говоритъ, что «солдаты пѣли подъ свистомъ Турецкихъ пулъ и старались изъ глазъ начальниковъ угадывать волю и желаніе ихъ.» Главная потеря состояла въ офицерахъ, которые, подавая собою примѣръ, первые спѣшили туда, гдѣ было болѣе опасности. Генералъ-Маіоръ Князь Волконскій первый взшелъ на укрѣпленіе и былъ убитъ. Бригадиръ Зоричъ взшелъ на бастіонъ *вмѣстѣ съ смертію своею.* (*) Въ донесеніи Князя Таврическаго сказано: «Генералъ-Фельдмаршалъ отдастъ справедливость служащимъ подъ нимъ Генераламъ: Князю Репнину и Меллеру, изъ коихъ первый не мало несъ трудовъ во время пребыванія его при арміи, во время же атаки ревностно распоряжалъ по данному предписанію; а послѣдній, при неустомимыхъ трудахъ не щадилъ себя, употребляя съ песказанною охотою все, что могло служить къ успѣху.»

«Рекомендуетъ также Генералъ-Поручиковъ, командовавшихъ колоннами, первою и второю, Приица Ангальтъ-Берибургскаго, третьею и четвертою Князя Долгорукова, пятою и шестою Самойлова. Начальниковъ колоннъ: Генералъ-Маіора Барона Палена; Бригадировъ: Мейендорфа, Львова и Хрущова; Подполковниковъ: Байкова и Платова, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, кои

(*) Такъ сказано въ тогдашнихъ военныхъ извѣстіяхъ.

выше упомянуты въ описаніи о произведеніи штурма.»

«Сверхъ того повергаетъ Монаршему благоволенію дежурнаго Генералъ-Маіора Рахманова, который, находясь при Главнокомандующемъ, былъ во время дѣлъ посыланъ неоднократно съ его приказаціями; равнымъ образомъ Бригадира Цонова, который, сверхъ многихъ трудовъ, понесенныхъ имъ по правленію Канцеляріею, находился изъ охоты *вездѣ при послѣдней атакѣ*; дежурнаго Подполковника Боура, пожалованнаго потомъ въ Полковники, яко исправнаго и расторопнаго Офицера, который всегда оказывалъ отмынное усердіе къ службѣ и охотно подвергался опасностямъ; а наконецъ, Адъютанта Генерала Суворова, Князя Горчакова, который находился въ сильномъ огнѣ, взялъ знамя и принесъ къ Главнокомандующему.»

Покореніемъ Очакова окончилась военная дѣйствія 1788 года.

Наканунѣ приступа, Князь Волковскій вручилъ Потемкину два запечатанные письма, и сказалъ: «Я обрекаю жизнь мою Государынь и Отечеству. Если останусь живъ, возвратите мнѣ мой пакетъ, а если буду убитъ, распечатайте его, и по чувствительности своего сердца къ просьбѣ моей присовокупите свою просьбу.»

Вотъ въ чемъ было дѣло. Сестра Князя была замужемъ за чело́вѣкомъ чрезвычайно умнымъ и извѣстнымъ въ тогдашнемъ большомъ свѣтѣ своею любезностію. Но пагубное желаніе блистать, завлекло его въ преступленіе. Онъ заказалъ въ

Лондонъ карету, сдѣланную такъ, что можно было и въ кузовѣ и въ колесахъ и вездѣ скрыть ассигнаціи. Въ таможи все изобличилось и преступникъ былъ посланъ въ Сибирь. Князь Волконскій былъ убитъ на стѣнахъ Очакова. Потемкинъ, при своемъ прошеніи, препроводилъ къ Государынѣ порученное ему письмо. Главная его сущность была слѣдующая :

«Всемилоостивѣйшая Государыня! когда письмо мое дойдетъ въ Ваши руки, меня не будетъ на свѣтѣ. Пожертвованіемъ жизни, я желалъ доказать Вамъ усердіе мое и спасти мою несчастную сестру. Вамъ извѣстно, за какое дѣло сосланъ ея мужъ въ Сибирь. Не отважусь оправдывать его, но Богомъ и совѣстью свидѣтельствуюсь, что не гнусная корысть, а обольстительныя примѣры роскоши и тщеславія, вовлекли его въ преступленіе, а горестную мою сестру и семейство ея, при живомъ мужѣ и отцѣ, сдѣлали сиротами. Душа Ваша живетъ милосердіемъ, оживите страдальцевъ.»

Екатерина отвѣчала Потемкину :

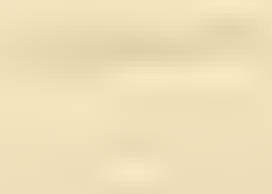
«Я плакала, читая письмо Князя Волконскаго, и если бы Богъ велѣлъ Мнѣ родиться въ обыкновенной участи и жить въ семьѣ родныхъ, Я желала бы имѣть такого брата, а зятя его возвратить не могу. Вѣрю, что онъ увлеченъ былъ заразительными примѣрами; но, подрывая довѣренность общественную онъ виноватъ не предо Мною, а предъ Отечествомъ. Впрочемъ, Я сдѣлаю все, что можно и для его семейства и къ облегченію его участи.»

ГЛАВА XVI.

Князь Потемкинъ-Таврический главный начальникъ войскъ. — Румянцевъ въ деревнѣ. — Сраженіе при Фокшанахъ и наставленія Суворова сыну Полковника Карачея. — Суворовъ — Рымникскій. — Взятіе Измаила.

THE STATE

OF THE
REPUBLIC OF THE UNITED STATES
OF AMERICA

У Румянцева были свои понятія о мужествѣ и геройствѣ. Однажды на поискъ противъ непріятеля, нужно было отправить Офицера умнаго, расторопнаго и осторожнаго. Румянцевъ зналъ лично такого Капитана и дѣлалъ ему изустно свои препорученія. «Ваше Сіятельство,» отвѣчалъ Капитанъ; «я готовъ умереть въ рядахъ моего полка, но на особенный поискъ не гожусь. Я отъ природы трусъ и робостью моею погублю солдатъ.» Румянцевъ, обратясь къ Генераламъ, сказалъ: «вотъ истинный герой!» И тогда же представилъ его въ отставку Маіоромъ и доставилъ ему приличное мѣсто по гражданской службѣ.

Румянцевъ недоступенъ былъ трусости, но то очевидно, что во вторую Турецкую войну въ немъ не было того жара, какимъ пылалъ онъ 1770 года. Въ это время онъ просилъ совѣтовъ у Князя Потемкина и по свидѣтельству Принца Дельвига, медленностію своею давалъ Туркамъ оправляться. И героев на ряду съ обыкновенны-

ми людьми подвержены превратностямъ. Тотъ Принцъ Конде , котораго называли великимъ , послѣ своихъ блестящихъ побѣдъ до такой степени упалъ духомъ , что современники и историки всю славу его подвиговъ относили только къ отважности его солдатъ. Оспаривали и у Румянцева даже и Кагульскую битву. Это несправедливо. Ларга и Кагуль — его лавры. Трудный переходъ за Дупай , когда , по словамъ Генералъ — Квартирмейстера Муромцова , надлежало дѣйствовать *ощупью* , принадлежить Румянцеву. Наконецъ онъ доставилъ Россіи пальмы мира , заключеннаго въ Болгаріи. Какъ бы то ни было , во въ продолженіе пяти лѣтъ Румянецъ былъ полководцемъ , героемъ , миротворцемъ и въ исходѣ 1788 сошелъ добровольно съ престола военнаго , безъ всякаго замѣчанія со стороны Екатерины и безъ притязаній со стороны Князя Потемкина.

По взятіи Очакова , Потемкинъ отправился въ Петербургъ. Столица и Дворъ приняли его съ торжествомъ. Среди шума пировъ великодушныхъ , Потемкинъ хотя и казался празднымъ , но былъ безпрестанно занятъ ; изъ чертоговъ Екатерины переносился онъ мыслію въ Константинополь и пользуясь переменною правленія , дѣйствовалъ на умы Членовъ Дивана. Въ Апрель 1789 года , скончался Султанъ Абдулъ — Гамидъ , обремененный лѣтами и скорбію. Онъ желалъ блага подданныхъ , онъ любилъ славу отечества своего ; но проски Европейскихъ Дворовъ недоброжелательствовавшихъ Россіи и ма-

лодушіе его Визирей уничижали полезныя его намѣренія. Сокрушаясь о бѣдствіяхъ Турціи, онъ называлъ себя *Печальнымъ*. Юный племянникъ его Селимъ III вступилъ на престолъ. Сильнымъ воззваніемъ домогался онъ возбудить мужество подданныхъ своихъ и подвигнуть ихъ къ отмыщенію за удары, нанесенныя Турціи. Наблюдая неусыпно всѣ шаги непріятеля и расточая золото, чтобы шадить людей, Потемкинъ богатыми подарками подкупалъ Визирей и Султаншу Валиду, управлявшую тогда Дворомъ Оттоманскимъ.

Получа извѣстіе объ успѣхахъ Русскаго оружія при Берладѣ и о побѣдѣ при Газацѣ, слава которой принадлежитъ Дерфельдену, Потемкинъ поспѣшилъ выѣхать изъ Петербурга и прибывъ къ войску, увѣдомилъ отъ 10 Іюня, что для развлеченія вниманія непріятеля, приказалъ онъ отправить къ Бендерамъ Козачьи полки. Вскорѣ потомъ открылись главныя дѣйствія. Держась правая Задунайскаго, Потемкинъ предписалъ Князю Репнину, начальствовавшему войскамъ въ Молдавіи и Бессарабіи, чтобы онъ не терпѣлъ непріятеля предъ нимъ скоплявшагося и вездѣ нападалъ на него, гдѣ только будетъ собираться. То же самое и Румянцевъ предписывалъ 1770 года Генералу Штофельну.

Военныя правила Румянцева остались въ войскѣ Потемкина, а онъ самъ удался подъ сельскій кровъ. Екатерина это знала и не препятствовала отдыху его. Румянцевъ былъ и полководцемъ и домовитымъ хозяиномъ; еще среди

славныхъ побѣдъ своихъ, онъ писалъ къ управителямъ своихъ помѣстій: «Избавьте меня отъ ссоръ и тяжбъ черезполосныхъ. Не жалуйте на это денегъ. Приводите все въ особнякъ, чтобы я и поселяне мои были спокойны; ихъ выгоды — моя польза; ихъ изобиліе — мое богатство. Повторяйте имъ, что я забочусь объ нихъ и въ станѣ военномъ.» Пріѣздъ Румянцева въ его помѣстья, былъ общимъ праздникомъ для его поселянъ. Онъ присутствовалъ на всѣхъ мірскихъ сходкахъ; во всѣхъ случаяхъ совѣтывался съ старшинами вотчинъ своихъ; установилъ сельскіе праздники и самъ угощалъ крестьянъ; а по воскреснымъ днямъ, такимъ же твердымъ голосомъ, какъ и Петръ I читалъ Апостолъ въ церкви. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему сосѣди и богатые и бѣдные; нѣкоторые изъ нихъ въ привѣтствіяхъ своихъ начали величать его *Высокографскимъ Сіятельствомъ*. «Полно, полно!» сказалъ Румянцевъ: «такого чина нѣтъ у насъ въ Россіи. Въ чужой свѣтъ не могу ходить съ своимъ уставомъ; а здѣсь, въ моемъ уголкѣ, я просто, вашъ сосѣдъ *Петръ Александровичъ*. Говорятъ, что я особенно люблю Малороссіянъ, это не бѣда; а кому изъ нашихъ могу чѣмъ служить—готовъ.»

Румянцевъ страстно любилъ чтеніе, занимался имъ и въ станѣ и въ сельскомъ уединеніи и указывая на книги, говорилъ: «*вотъ мои учителя.*» Не рѣдко, въ простой одеждѣ и сядя на пень, удилъ онъ рыбу. Однажды, любопытные посѣтители, пріѣхавшіе взглянуть на Задунай-

скаго, искали его. «Вотъ онъ,» сказалъ Румянцевъ; «наше дѣло города брать да рыбу ловить.»

Въ некоторыхъ великолѣпныхъ его комнатахъ были простые дубовые стулья и когда его спрашивали, отъ чего онъ ихъ не перемѣняетъ, онъ отвѣчалъ: «если великолѣпныя комнаты заставятъ меня подумать, что я выше кого нибудь изъ приближенныхъ моихъ, то пусть эти простые стулья напомнятъ мнѣ, что и я такой же человекъ, какъ они.» Часто Румянцевъ увлекался мыслию въ Москву, гдѣ жили его старшныя сослуживцы, цѣнители его славы. «Теперь,» писалъ онъ къ Еропкину, «первое мое желаніе, чтобы подвориться въ матери городовъ, гдѣ всѣ, мнѣ подобные по многимъ страстіямъ ихъ — покой обрѣтаютъ.» (*)

Сообразуясь съ распоряженіями Потемкина, Князь Репнинъ немедленно далъ знать Суворову, чтобы онъ вмѣстѣ съ Цесарцами, сдѣлалъ поискъ на непріятеля, собравшагося въ тридцати тысячахъ при Фокшанахъ. Быстро подступили Союзныя войска подъ пушки; убавили шагъ подъ выстрѣлами; напали, разсѣяли и истребили Турокъ. Суворовъ въ донесеніи своемъ сказалъ: «Союзники способствовали другъ другу, какъ истинные братья и друзья; Цесарскій Полковникъ Карачей, начальникъ значительнаго отряда, споспѣшествовалъ къ побѣдѣ. Полюбя Карачея за любовь его къ славѣ, Суворовъ кре-

(*) Все это рассказывалъ мнѣ Полковникъ Чекалевскій, бывшій письмоводителемъ у Румянцева.

стиль у него впоследствии сына, названнаго въ честь ему Александромъ, для котораго написалъ слѣдующія наставленія :

«Любезный мой сынъ Александръ! Ты будешь воиномъ, по званію военнаго человека внимай прилжно въ сочиненія Вобана, Когорна, Кюрасса, Гюбнера; учись отчасти Богословію, Физики и Нравственности. Внимательно читай Евгенія, Тюрениа, Записки Юлія Кесаря, Фридриха Втораго, первыя части Ролленевой Исторіи и Мечтанія Графа де Сакса; языки полезны для Словесности. Упражняйся въ верховой ѣздѣ и въ фехтованіи.

«Военныя добродѣтели суть: отважность для солдата, храбрость для Офицера, мужество для Генерала. Военачальникъ, руководствуясь порядкомъ и устройствомъ, властвуетъ съ помощію неусыпности и предусмотрѣнія.

«Будь откровененъ съ друзьями, умеренъ въ нужномъ и безкорыстенъ въ поведеніи. Пламенный усердіемъ къ службѣ своего Государя.

«Люби истинную славу; отличай честолюбіе отъ надмѣнности и гордости.

«Привыкай заранѣе прощать погрѣшности другихъ, и не прощай ихъ никогда себѣ.

«Обучай ревностно подчиненныхъ и подавай имъ примѣръ собою.

«Непрестанное упражненіе въ томъ, какъ все обвѣять однимъ взглядомъ, сдѣлаетъ тебя великимъ полководцемъ. Умѣй пользоваться мѣстоположеніемъ.

«Будь терпѣливъ въ военныхъ трудахъ; не

унывай отъ неудачъ. Умѣй предупреждать обстоятельства ложныя и сомнительныя; не предавайся безвременной запальчивости.

«Храни въ памяти своей имена великихъ людей и руководствуйся ими въ походахъ и дѣйствіяхъ своихъ съ благоразуміемъ; не презирай никогда непріятеля своего, каковъ бы онъ ни былъ; старайся узнать его оружіе и способъ, какъ онъ дѣйствуетъ и сражается; изслѣдуй силы и слабость его.

«Привыкай къ дѣятельности неутомимой.

«Управляй счастіемъ; одинъ мигъ доставляетъ побѣду. Покоряй себѣ счастье быстротою Кесаря, который умѣлъ уловлять непріятеля своего даже днемъ, окружать его и нападать на него въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хотѣлъ, и въ то время, когда желалъ; отрѣзывай у него всякаго рода запасы и пріобрѣти искусство, чтобы войско твое никогда не нуждалось въ продовольствіи.

«Да возвыситъ тебя Богъ до мужественныхъ подвиговъ знаменитаго Карачея!»

Послѣ пораженія Турокъ при Фокшанахъ, Суворовъ возвратился въ Берладъ, а Потемкинъ отправился къ Бендерамъ. Козаки схватили гонца, посланнаго Нашею Бендерскимъ къ Визирю съ извѣстіемъ о неудачахъ ихъ въ различныхъ мѣстахъ. Захваченный гонецъ увѣдомилъ, что число Бендерскихъ войскъ простирается до шестидцати тысячъ, что начальникъ ими любимъ и, что не смотря на бѣдственную участь Очаковской крѣпости, они рѣшились защищаться. Потемкинъ приказалъ Козакамъ подъѣхать къ стѣ-

намъ : и въ то самое время , когда копныя подки строились , легкія войска сражались подъ стѣнами городскими. Князь сталъ не далеко отъ мѣста сраженія. Турки узнали его по величавой осанкѣ и по блестящей одеждѣ ; ядра сыпались около него , а онъ — объѣхавъ половицу рядовъ , сошелъ съ лошади , взялъ зрительную трубку и смотрѣлъ въ нее на производимыя работы. Турки усилили пушечную пальбу. Большое ядро упало въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Потемкина , и засыпало его землею ; спокойно обратясь къ Генераламъ , онъ сѣказалъ : « Турки въ меня метили , но Богъ отвратилъ ударъ. » Тутъ сѣлъ онъ на лошадь и продолжалъ свои наблюденія.

6-го Сентября, Принцъ Кобургскій призывалъ Суворова на помощь ; но онъ медлилъ ; 8-го его извѣстили , что непріятель приближается ; онъ выступилъ и 9-го соединился съ Союзниками. Принцъ просилъ съ нимъ свиданія ; при первой посылкѣ ему отвѣчали : *Суворовъ Богу молится* ; при второй , *Суворовъ ужинаетъ* ; при третьей , *Суворовъ спитъ*. А онъ , съ вершины дерева обзорѣвалъ и непріятельскій станъ , и укрѣпленія и лѣсъ. Размѣря и сообразя все , Суворовъ свидѣлся съ Принцемъ Кобургскимъ и распорядился къ нападенію. « Если бы я прежде пошелъ къ Принцу Кобургскому , сѣказалъ онъ : мы провели бы всю ночь въ тактическихъ толкованіяхъ и упустили бы время. » По правиламъ Суворова , время не было потеряно. Въ десять часовъ вечера , Союзники двинулись въ походъ. Суворовъ повелъ правую колонну , а Принцъ Кобургскій лѣвую. Въ

глубокой тишинѣ приближались они къ берегамъ Рымника; все уже было готово къ переправѣ и по переходѣ чрезъ рѣку, они попали на непріятеля. Въ началѣ сраженія, непріятель, обманутый ложнымъ извѣстіемъ, полагалъ, что Суворовъ нѣтъ въ живыхъ; но по быстрымъ движеніямъ и сильному натиску Союзниковъ, убѣдился, что Суворовъ живъ. Визирь усилилъ бой; но тщетно. Ни укрѣпленія, ни лѣсъ, ничто не спасло его; онъ бѣжалъ. Суворовъ подарилъ Австрійцевъ побѣдою и къ имени его присоединилось названіе Графа Рымникскаго.

Суворовъ любилъ почести; въ письмахъ къ своей дочери, онъ называлъ ее *Графиней двухъ Имперій*; но онъ не думалъ и не могъ тогда думать, что попріще его славы будетъ могущею его сына. И слава Богу, что будущее не всегда проявляется въ настоящемъ. Много горя и безъ того.

Въ войну съ Турками 1809 года, молодой Суворовъ ѣхалъ на званый пиръ за Рымникъ. Это было лѣтомъ; отъ сильныхъ жаровъ рѣка пересохла. Приблизясь къ берегу, онъ сказалъ: «такъ отъ этой-то рѣки мой отецъ получилъ названіе Рымникскаго!» Коляска перелетѣла на другой берегъ. Ночью была гроза, шелъ проливной дождь и отъ нагорныхъ потоковъ рѣка наводнилась. На другой день, молодой Суворовъ, поздно вечеромъ, тою же дорогою возвращался къ себѣ. Ему говорили, что чрезъ рѣку переехать нельзя. Онъ упорствовалъ. Ударилъ по лошадямъ, коляска поспеслась съ берега и опрокинулась, онъ

упалъ изъ нее и погибъ. Товарищи и войско оплакали его смерть. Его любили.

Въ началъ Ноября, Потемкинъ приказавъ войскамъ дѣйствовать наступательно, съ нѣсколькими баталіонами пѣхоты и частію конницы отъ главнаго корпуса, расположился между Акерманомъ и Бендерами; 11-го Ноября Бендеры сдались.

Занятіемъ этой крѣпости кончились военныя дѣйствія 1789; а въ Маѣ 1790 года, они возобновились. Слѣдуя правилу своему, чтобы тревожить непріятеля повсемѣстно и раздѣлять силы его, Потемкинъ предписалъ Контръ-Адмиралу Ушакову отправиться съ эскадрою къ Анатольскимъ берегамъ. Послѣ различныхъ поисковъ противъ непріятеля, Ушаковъ прибылъ 5 Іюня въ Севастополь, принявъ начальство надъ флотомъ и снова преслѣдовалъ непріятеля, показавшагося у Таврическихъ береговъ. 8 Іюня была сильная битва недалеко отъ Янкопольскаго пролива. Она продолжалась болѣе шести часовъ. Русскіе побѣдили и Ушаковъ отплылъ къ Севастополю, гдѣ пробылъ болѣе двухъ мѣсяцевъ для починки поврежденныхъ судовъ. 28 и 29 Августа онъ сражался съ Турками въ открытомъ морѣ въ сорока верстахъ отъ берега, овладѣлъ двумя главными Турецкими кораблями и взялъ въ плѣнъ Адмирала Савдъ-Бей. Одинъ поврежденный непріятельскій корабль и множество мелкихъ судовъ потонули; остальные спаслись бѣгствомъ. Ушаковъ во второй разъ защитилъ Тавриду.

Еще въ 1788 году, Потемкинъ писалъ къ Суворову: «За тайну скажу: въ будущую кампанію, если Богъ дастъ помощь Свою, все что съ веслами подчиню сухопутному начальству, а парусные суда оставлю морскимъ.» Въ началъ того же года, онъ обнадеживалъ, что Очаковъ непременно будетъ взятъ и что потомъ Суворовъ отправится къ Измаилу съ отборнымъ отрядомъ войска. Все это свершилось 1790-го года.

Генералъ-Маіоръ Рибасъ вышелъ въ Дунай съ гребною Черноморскою флотиліею, соединившеюся при устьяхъ Днѣпровскихъ съ казачьими лодками. Первый успѣхъ воспослѣдовалъ при устьѣ Сунискаго пролива. Для овладѣнія баттареями, прикрывавшими Турецкіе суда, отправленъ былъ Полковникъ Рибасъ съ тысячнымъ отрядомъ гренадеръ Днѣпровскаго Приморскаго полка. Усилившійся вѣтеръ не остановилъ Русскихъ. Не щадя жизни и сохранивъ одно оружіе, гренадеры, бросаясь съ судовъ, вплавь достигли берега и побѣдили. Изъ устья Сунискаго, флотилія выступила въ Дунай. Вскорѣ потомъ занята была Тулча. Въ тоже время отправленъ былъ отрядъ судовъ къ мысу Чаталъ, для пресѣченія сообщеній между крѣпостями Исакчи и Измаиломъ. Исакчи была покорена двумя отдѣленіями гребныхъ судовъ. Въ тогдашнихъ военныхъ извѣстіяхъ сказано: «При столь важномъ происшествіи милость къ намъ Господня тѣмъ паче видна, что у насъ не было ни одного убитаго ни раненаго.» Въ Исакчи досталось побѣдителямъ

множество припасовъ, ибо она была главнымъ мѣстомъ продовольствія Турокъ.

Такъ очищались пути къ покоренію Измаила. Пространныя укрѣпленія этого города начались послѣ первой войны Порты Оттоманской съ Россіею и производились подъ надзоромъ искуснѣйшихъ Европейскихъ инженеровъ. Укрѣпленія по излучинамъ простирались до десяти верстъ, для того, чтобы въ случаѣ неудачи, Измаилъ служилъ оплотомъ для Турецкой арміи, которая подъ закрытіемъ его могла бы спокойно переправиться чрезъ мостъ, устроенный внутри крѣпости. Турки называли Измаилъ *Орду-Калеси*, т. е. *армейская крѣпость*.

Наступила глубокая осень; двукратное намѣреніе Русскихъ взять Измаилъ не состоялось; Русскіе отступали; Князь Таврическій поручилъ Графу Римникскому покореніе крѣпости, почитаемой неприступною и Турціею и Россіею. Пославъ взъ Галаца предписаніе войскамъ, чтобы они держались непоколебимо, Суворовъ съ небольшимъ отрядомъ пошелъ къ Измаилу. Полковникъ Князь Лобановъ-Ростовскій вызвался сопровождать его со ста пятьюдесятью мушкетерами Апшеронскаго полка. Принявъ 6 Декабря начальство надъ войскомъ подъ Измаиломъ, Суворовъ немедленно предпринялъ все нужное для приступа. Работа кончилась 5 Декабря, а 6, войско, умножившееся прибытіемъ Фанагорійскаго полка, Апшеронскихъ мушкетеръ, и нѣсколькихъ отрядовъ Донцевъ и Арнаутъ, расположилось вокругъ города. 7 Декабря отправленъ былъ къ Се-

раскиру нарочный съ письмомъ отъ Потемкина, требовавшаго сдачи крѣпости. Сераскиръ отвѣчалъ: «скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи и небо соединится съ землею, нежели Измаилъ сдастся.» Суворовъ ускорилъ свои распоряженія. Говорятъ, что въ это время онъ получилъ отъ Потемкина позволеніе удалиться, если онъ не увѣренъ въ удачномъ приступѣ. Суворовъ отвѣчалъ: «Два уже раза Русскіе были у стѣнъ Измаила; стыдно будетъ, если въ третій не копчимъ своего дѣла.» 9 Декабря, на высокомерный отвѣтъ Сераскира данъ ему словесный отзывъ, что никому уже не будетъ пощады. Немедленно собранъ былъ военный совѣтъ. Извѣстно, что младшіе подаютъ первые голоса; Графъ Платовъ, бывшій тогда Бригадиромъ, первый написалъ: *штурмовать*. Всѣ то же подтверждали. Суворовъ вбѣжалъ въ 'ставку, и сказалъ: «Одинъ день Богу молиться; другой учиться; третій день славная смерть или побѣда!» 9 Декабря окончена была работа четырехъ баттарей, устроиваемыхъ подъ надзоромъ Принца Далия, который потомъ перешелъ на суда.

Приступъ былъ назначенъ 11 Декабря. (*) Правое крыло въ трехъ колоннахъ поручено было Генералъ-Поручику Потемкину. Первою колонною начальствовалъ Генералъ - Маіоръ Львовъ; при ней находился Полковникъ Лобановъ-Ростов.

(*) О приступѣ и взятіи Измаила, кромѣ военныхъ извѣстій, см. жизнь Платова, Кутузова и очеркъ жизни Неклюдова.

скій; второю предводительствовалъ Генералъ-Маіоръ Ласси; а третьею Генералъ Мекнобъ. Лѣвое крыло, также изъ трехъ колоннъ состоявшее, ввѣрено было Генералъ-Поручику Самойлову. Четвертая или первая колонна, находилась подъ начальствомъ Бригадира Орлова; пятою или второю на лѣвомъ крылѣ предводительствовалъ Бригадиръ Платовъ. Начальство надъ этими двумя колоннами, поручено было Графу Безбородкѣ; шестую или третью колонну лѣваго крыла велъ Голицышевъ-Кутузовъ.

На гребномъ флотѣ умножившееся число войскъ расположено было на три колонны. Начальниками были: Генералъ — Маіоръ Арсеньевъ, Бригадиръ Чепега и Секундъ-Маіоръ гвардіи Марковъ.

Для развлеченія вниманія Турокъ и для приведенія ихъ въ оплошность, предписано было по всѣмъ частямъ войскъ Русскихъ пускать ракеты предъ разсвѣтомъ.

Къ предупрежденію неустройства, производимаго взорваніемъ пороховыхъ запасовъ, Суворовъ учредилъ караулы на бастіонныхъ батареяхъ и воротахъ и назначилъ особенный караулъ при Красной мечети, гдѣ находился пороховой магазинъ. Предъ приступомъ обозрѣвъ всѣ подробности нападенія и внутреннихъ дѣйствій въ крѣпости, Суворовъ запретилъ лишать жизни Христіанъ и обезоруженныхъ Турокъ. Приступъ назначенъ былъ въ пять часовъ утра. «Начальники,» говорилъ Суворовъ: «должны сами съ присутствіемъ духа обозрѣвать назначен-

пыя имъ мѣста. Колонны должны лежать тихо въ трехъ стахъ саженьяхъ. Карманные часы завести равнообразно, чтобы единовременно напасть на крѣпость по данному знаку. Бодрствуя во всю ночь, начальники обязаны одушевлять войска несомнѣнною надеждою на успѣхъ. Приступая въ тишинѣ къ назначенной чертѣ, согласуйтесь съ общимъ движеніемъ частей войскъ. Наконецъ не удручайте воиновъ медленіемъ къ пріобрѣтенію славы.»

Лѣстницы и фашины розданы были заблаговременно для пріученія солдатъ. 10 числа, по восхожденіи солнца, пачалась пальба съ гребнаго флота и съ четырехъ баттарей, устроенныхъ на обѣихъ крылахъ. Турки отвѣчали сперва изъ крѣпости непрерывною пальбою; къ полудню пальба утихала, а къ ночи совсѣмъ умолкла. Глубокая тишина воцарилась въ стѣнахъ Измаила; слышны были только оклики осторожной стражи.

Съ 10 на 11 число, въ три часа ночи сухопутное войско и гребная флотилія подвинулись къ Измаилу; въ пять часовъ двинулись на приступъ. Густой туманъ скрывалъ начальное движеніе. Вторая колонна къ назначеннымъ пяти часамъ приблизилась къ валу. Отъ тумана, или отъ чего другаго, не видно было ракеты, пущенной на острову въ знакъ общаго нападенія. Секундъ - Маіоръ Неклюдовъ, вызываясь съ егерями въ охотники, сказалъ Генералу Лассію: «Уже намъ время; позвольте дѣйствовать.»—Съ Богомъ!» отвѣчалъ Ласси. Привнявъ вѣреный

ему отрядъ, Неклюдовъ первый бросился въ ровъ и спустился на земляной глыбъ. Охотники полетѣли въ слѣдъ за нимъ. Встревоженный непріятель открылъ пушечную картечную пальбу; ружейный огонь вокругъ вала загорѣлся; туманъ разсѣялся. Изъ глубины рва, безъ лѣстницъ, съ помощію только копій и штыковъ, Неклюдовъ взобрался на валъ подъ пушки непріятельскія и приказалъ выстрѣлить егерямъ, стоявшимъ у рва въ промежутки Турецкой батареи. Вскорѣ потомъ вскочилъ онъ на бастіонъ, гдѣ былъ тяжело раненъ.

Генералъ-Маіоръ Львовъ съ первой колонной приблизился ко рву и палисаду, преграждавшему путь отъ казематной батареи къ Дунаю. Приказавъ бросить фашины, онъ первый перескочилъ палисадъ. Толпы Турокъ бросились на сабляхъ; штыки Русскіе отразили ихъ. Апшеронскіе стрѣлки и Фанагорійскіе гранатеры дрались какъ львы. Нѣсколько сотъ Турокъ, засѣвшіе въ казематной батарее, пускали гранаты. Не смотря на сильный огонь, Русскіе обошли батарею и вездѣ поражали непріятеля, овладѣли первыми батареями и устремились къ Броскимъ воротамъ, названнымъ отъ Броскаго протока. При входѣ въ нихъ, отличился Полковникъ Графъ Мелницъ, отважно напавшій и разсѣявшій толпы Турокъ. Князь Лобановъ-Ростовскій, перешелъ палисадъ и овладѣлъ набережнымъ укрѣпленіемъ. Тяжелая рана остановила подвиги его. За отсутствіемъ раненаго Генерала Львова, Фанагорійскаго полка Полковникъ Золотухинъ

принялъ начальство надъ первою колонною. Между тѣмъ Генералъ Ласси, начальникъ второй колонны праваго крыла, подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ, преодолевая всѣ трудности и жестокій отпоръ непріятеля, въ виду подчиненныхъ своихъ, быстро взлетѣлъ на крѣпостной валъ и овладѣлъ бастіономъ. Раздался единодушный кликъ воиновъ его : «Ура ! съ нами Богъ ! да здравствуетъ Екатерина !» Кіевскаго карабинернаго полка Полковникъ Гудовичъ, изъ одного усердія отпросившійся къ Измаилу , при первомъ взводѣ взошелъ на бастіонъ. При восклицаніяхъ Лассіевой колонны, Золотухинъ опрокинулъ толпы непріятельскія , соединился съ Лассіемъ , взошелъ на валъ. Ласси не уступалъ ни одного шагу, гналъ, истреблялъ непріятеля и захватилъ нѣсколько баттарей за Хотинскими воротами, былъ раненъ въ лѣвую руку ; но не переставалъ дѣйствовать.

Лѣвое крыло не уступало въ мужествѣ правому. Шестая колонна , предводимая Генералъ-Маіоромъ Голенищевымъ-Кутузовымъ , одновременно съ первою и второю колоннами , преодолевъ сильный картечный и ружейный огонь , спустилась въ ровъ и приставила лѣстницы; Кутузовъ первый взлетѣлъ на валъ; овладѣвъ бастіономъ, онъ удержанъ былъ многочисленными толпами непріятелей. Суворовъ, наблюдшій каждый шагъ Кутузова , послалъ поздравить его Комендантомъ Измаила и прибавилъ , что онъ уже отправилъ нарочнаго съ вѣстію о покореніи крѣпости. Оставя на внут-

реиней стѣнѣ крѣпостнаго рва двѣсти человекъ при пушкахъ, Кутузовъ призывалъ Херсонскій полкъ, остававшійся въ запасныхъ войскахъ. Непріятель былъ отбитъ и пораженъ. Русскіе твердою ногою стали на той сторонѣ и простирали побѣду далѣе. Первая, вторая и шестая колонны возвѣстили побѣду.

Гребной флотъ въ то же время приближался къ крѣпости. Генералъ — Маіоръ де Рибасъ, первый съ острова нанесъ неприятелю ударъ. Лейбъ-Гвардіи Секундъ-Маіоръ Марковъ съ самаго устройства батарей начальствовалъ ими, самъ наводилъ пушки, разилъ враговъ въ городъ и топилъ ихъ суда. Тутъ же были Принцъ Делинь и Герцогъ де Фронзакъ, Австрійскій Полковникъ. Принцъ Делинь сынъ Маршала Делиния, бывшаго въ перепискѣ съ Екатериною, изъ усердія споспѣшествовалъ къ устройству батарей на сухомъ пути подъ пушечными неприяТЕЛЬскими выстрѣлами и потомъ перешелъ на суда. Юный Принцъ Карлъ Делинь за Измаилъ получилъ Георгія 3-й степени. Восхищенный его отецъ воздвигъ столбъ съ надписью: *Мужество его, моя слава; дружба его, мое счастье.* Де Фронзакъ былъ неразлучнымъ спутникомъ Принца Делиния. Хотя въ день 11 Декабря туманъ препятствовалъ большимъ судамъ, но Рибасъ и сподвижники его, поощряя подчиненныхъ примѣромъ своимъ, отразили враговъ. Полковникъ приморскаго Николаевского полка Митусовъ, выступая на берегъ и соблюдая устройство гналъ неприяТЕЛЯ и содѣйствовалъ къ занятію батарей.

Въ это время третья колонна, предводимая Генералъ-Маіоромъ Мекнобомъ, встрѣчена была картечью и пулями. Солдаты въ слѣдъ за начальникомъ спустились въ ровъ. Тутъ предстояла новая преграда. Глубина рва и высота бастіона превосходили все другіе рвы и бастіоны. Лѣстницы, имѣвшія пять сажень съ половиною, ставили одну на другую подъ жестокимъ огнемъ непріятельскимъ. Одни воины гибли, другіе спѣшили на валъ. Вся колонна устремилась туда, отразила Турокъ, овладѣла главнымъ бастіономъ. Генералъ Мекнобъ, тяжело раненый въ ногу, сдалъ начальство Троицкаго пѣхотнаго полка Полковнику Хвостову, который занялъ батарею, вредившую картечными выстрѣлами, и въ продолженіе четырехъ часовъ отражалъ непріятеля.

Четвертая и пятая колонны вступили въ дѣло подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Графа Безбородки. Четвертая колонна предводимая Бригадиромъ Орловымъ, подъ жаркимъ непріятельскимъ огнемъ достигла рва и приставила лѣстницы. Часть ея вошла на валъ и овладѣла бастіономъ. Непріятель сдѣлавъ вылазку съ правой стороны Бендерскихъ воротъ, спустился въ ровъ, и бросаясь вдоль по немъ, усиливался разрывать колонну. Солдаты остановились; Бригадиръ Орловъ, Полковникъ Грековъ, Преміеръ-Маіоръ Иванъ Иловайскій, отразили вылазку. Одна часть непріятеля погибла, другая прогнана въ крѣпость. Вся колонна, взошедъ на валъ отъ взятаго бастіона, далѣе распространила усиль-

хи. Ее подкрѣпили запасные отряды обѣихъ крылъ.

Пятую колонну велъ Бригадиръ Платовъ; при ней былъ Графъ Безбородко. Колонна эта, поражаемая съ боковъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, не разстроясь, дошла до рва, наполненнаго водою. Солдаты остановились. Платовъ воскликнулъ : «Съ нами Богъ и Екатерина! Донцы братья Русскимъ, впередъ!» и не измѣряя глубины, Платовъ бросился въ ровъ и первый взлетѣлъ на валъ, раздѣливъ колонну на три части, поразилъ непріятеля и овладѣлъ куртиною и пушками. Графъ Безбородко, тяжело раненый, удалился отъ боя. Платовъ, справа овладѣлъ бастіономъ, вѣво прогналъ непріятеля, тѣснилъ, разилъ на каждомъ шагу и съ своею колонною подкрѣпилъ колонну Генерала Арсеньева. Полковникъ Мартыновъ, начальствовавшій на лѣвомъ крылѣ запасными казачьими отрядами, способствовалъ дѣйствию пятой колонны нападеніемъ на ближайшую часть вала и занятіемъ его. Колонны, сдѣлавшія высадку съ Дуная, вступили въ дѣло. Первая изъ нихъ, подъ начальствомъ Арсеньева, достигнувъ назначеннаго мѣста, раздѣлилась на четыре части. Важнѣйшая часть, предводимая Флигель-Адъютантомъ Зубовымъ, отражена была напастъ на кавальеръ. Ни безмѣрная крутизна, ни непрерывная пальба, ни упорство непріятеля, ничто не удержало Зубова. Онъ взлѣзъ на валъ и опрокинулъ враговъ штыками. Вторая часть колонны, подъ начальствомъ Подполковника Скарабеллы, и тре-

тія, ввѣрившая Полковнику Митусову, заняла укрѣпленія, имъ назначенныя. Съ четвертою частию спѣшилъ въ бой Графъ Дамасъ, отличившійся уже при взятіи Очакова. Быстро напалъ онъ на батарею, стрѣлявшую вдоль берега и ударилъ на штыкахъ.

Черноморскій войсковый судья Полковникъ Головатый, личнымъ примѣромъ ободрялъ свой полкъ.

На разсвѣтъ всѣ наши войска были уже внутри крѣпости. Здѣсь начался новый бой, безпримѣрный дотола въ лѣтописяхъ военныхъ. Турки поклялись или умереть, или отразить Русскихъ; Русскіе поклялись или умереть, или побѣдить. Непріятель, отбитый отъ крѣпостнаго вала, защищался упорно. Къ открытію Броскихъ воротъ усиленъ былъ отрядъ Графа Мелпа, а Фанагорійскій Полковникъ Золотухинъ, прогнавъ Турокъ до Хотяцкихъ воротъ и отбилъ ихъ. Неподалеку въ каменномъ строеніи засѣлъ Сераскиръ Мехметъ Паша. Золотухинъ требовалъ сдачи. Сераскиръ отвѣчалъ: «Не сдадимся!» Золотухинъ ворвался во внутренность строенія. Сераскиръ и воины его умерли со славой; ни одинъ изъ нихъ не просилъ пощады и ни одинъ не обратился въ бѣгство. Вмѣстѣ съ Золотухинымъ дѣйствовалъ Маіоръ Островскій, со ста тридцатью гренадерами и съ тремя орудіями. Полковникъ Волковъ съ тремя эскадронами Воронежскаго гусарскаго полка, открылъ заваленныя Бендерскія ворота, исправилъ испорченный мостъ,

папалъ на непріятеля и взялъ въ плѣнъ восемь сотъ Турокъ:

Четыре тысячи непріятелей, укрывавшихся въ мечетахъ, въ двухъ каменныхъ *ханахъ* и въ казематной батарее, просили пощады и получили ее.

Измаилъ почитавшійся непобедимымъ, взятъ мужественною грудью и штыками. Ими опрокинуты обширныя и огромныя укрѣпленія; ими поражены болѣе тридцати тысячъ Турокъ, умершихъ достойными защитниками вѣрноподданной имъ крѣпости. Русскихъ пало до 1,800 человекъ. Тысячу раненыхъ Турокъ были снабжены всемъ нужнымъ.

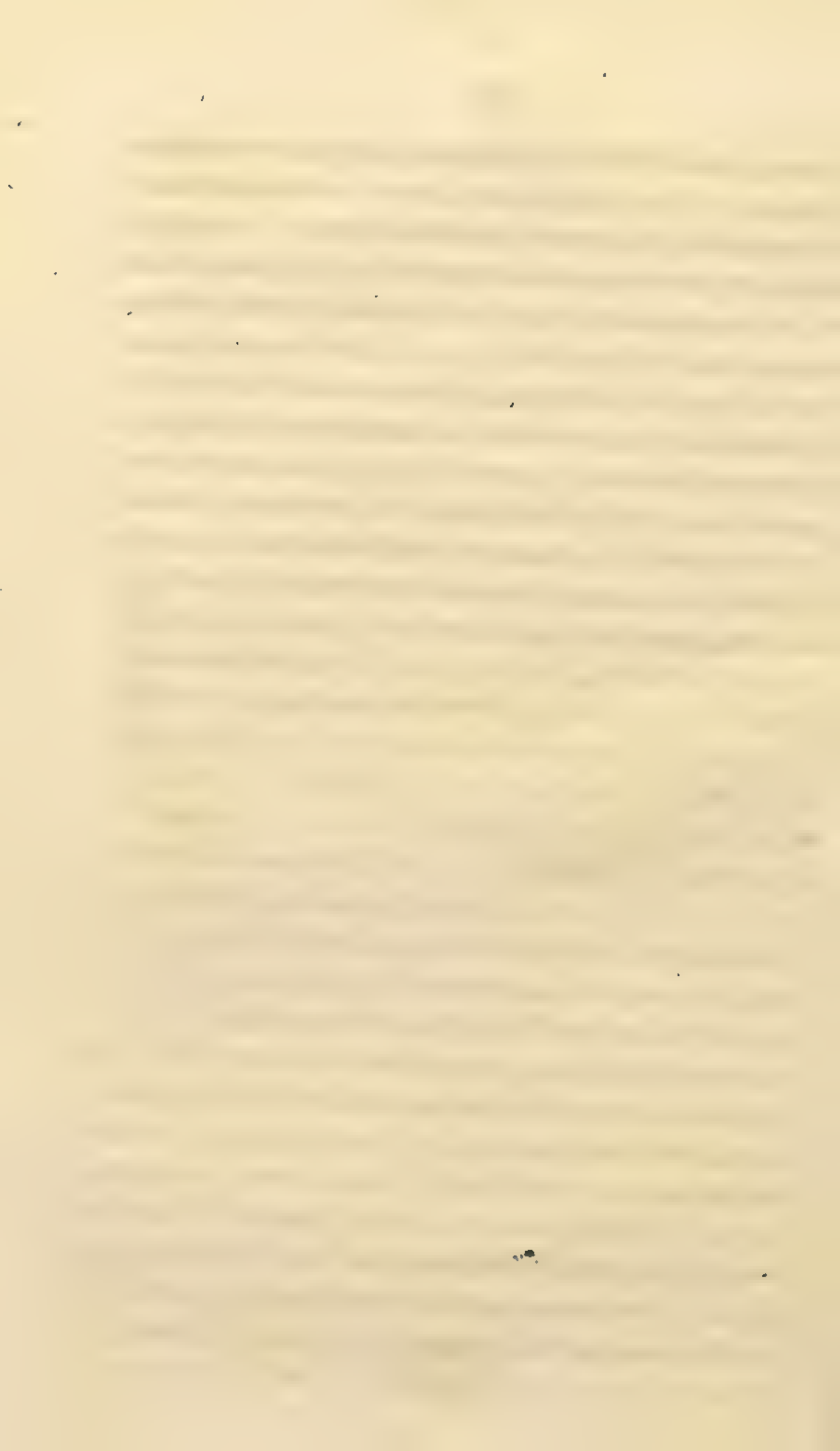
Кромѣ иностранцевъ, о которыхъ уже упомянуто было, отличились Полковники Тизенгаузенъ и Графъ Ланжеронъ. Тизенгаузенъ, пренебрегая опасности, снималъ мѣстоположеніе и замѣчалъ дѣйствіе колоннъ. Графъ Ланжеронъ шелъ въ слѣдъ за Русскими.

Къ числу Измаильскихъ героевъ, принадлежатъ также Графъ Чернышевъ и Князь Волконскій. Служа при Дворѣ Екатерины Дѣйствительными Камергерами, они охотно вызвались на приступъ. Графъ Чернышевъ замѣчалъ движеніе войскъ, бросался во всю опасность и исполнялъ важныя порученія. Князь Волконскій не отставалъ отъ него.

Упомянуто уже было, что Суворовъ поздравилъ Кутузова Комендантомъ крѣпости въ то самое мгновеніе, когда многочисленный непріятель от-

разилъ его. Послѣ молебствія, Кутузовъ сказалъ Суворову: «Вы поздравили меня Комендантомъ Измаила въ то самое время, когда я долженъ былъ уступить многочисленному и упорному врагу.» Суворовъ отвѣчалъ: «Я знаю Кутузова, а Кутузовъ знаетъ Суворова. Еслибъ Измаилъ не былъ взятъ, мы бы оба умерли подъ его стѣлами.»

Извѣщая Екатерину о покореніи Измаила, Суворовъ писалъ: «Гордый Измаилъ палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.» Князь Потемкина увѣдомилъ оиъ въ слѣдующихъ словахъ: «Знамена Русскія развѣваются на стѣнахъ Измаила.»

ГЛАВА XVII.

РУССКІЕ И ГУСТАВЪ III.—МИРЪ СЪ ШВЕЦІЕЮ. — НОВАЯ МОЛВА О ВОЙНѢ СО ШВЕЦІЕЮ 1791 ГОДА. — СУВОВЪ ИЪ ФИНЛЯНДІИ. — ПРАЗДНЕСТВО ВЪ ТАВРИЧЕСКОМЪ ДВОРЦѢ, ДАННОЕ КНЯЗЕМЪ ПОТЕМКИНЫМЪ 1791 ГОДА 28 АПРѢЛЯ. — КУТУЗОВЪ И КНЯЗЬ РЕШНЕНЪ ВЪ ТУРЦІИ. — МИРЪ СЪ ПОРТОЮ ОТТОМАНСКОЮ. — СМЕРТЬ КНЯЗЯ Г. А. ПОТЕМКИНА И ВОСПОМИНАНИЕ О НЕМЪ.

Густавъ III былъ уменъ, но увлекаясь само-
надъяніемъ, былъ опрометчивъ. Французское
Министерство, возбуждавшее Порту къ войнѣ съ
Россіею, еще 1772 года внушило ему мысль из-
провергнуть правленіе, установленное въ Шве-
ціи по смерти Карла XII, что и произвело къ
нему недовѣріе почти всѣхъ сословіи народа, яв-
но оказавшееся въ войну его съ Россіею. 1788
года снова поощряемый Европейскими Минис-
терствами, Густавъ внезапно напалъ на Россію на
сухомъ пути и на морѣ, полагая, что война
ей съ Портою, доставитъ ему несомнѣнный ус-
пѣхъ. «Одна война возвеличиваетъ правитель-
ства,» говорилъ онъ. Екатерина отвѣчала, что
«и родство Ея съ Королемъ Шведскимъ и об-
щая польза двухъ государствъ, побуждаетъ Ее
сохранять миръ и тишину.» Густавъ жаловался,
будто бы этимъ желаніемъ Екатерина отдѣ-
ляетъ его отъ народа, а Она возразила: «Ни
одинъ Государь не поставилъ бы себѣ въ оскор-
бленіе, если его подданныхъ почитаютъ равно
съ нимъ благомыслящими.»

На гравницахъ Россіи вовсе не было войскъ , что и доказывало миролюбіе Екатерины. Первое нападеніе Шведовъ было на замокъ Нейшлотскій, гдѣ съ отрядомъ отставныхъ солдатъ находился безрукій Комендантъ Барановъ. Осажденные, окруженные со всѣхъ сторонъ водою, терпѣли крайній голодъ. По крѣпости пальба Шведовъ была неудачною. Повѣсть въ Стокгольмѣ , что скоро дастъ пиръ въ Петербургѣ , Густавъ забылъ осадныя орудія. Онъ надѣялся однако , что превосходство его силъ , и голодъ принудятъ осажденныхъ къ сдачѣ , послалъ нарочнаго къ Русскому Коменданту. Барановъ отвѣчалъ : «Доложите Королю , что хотя я лишенъ одной руки, но у меня осталась другая для защиты моей чести , и онъ тогда овладѣетъ замкомъ, когда я и посѣдѣвшіе въ битвахъ товарищи мои, падемъ подъ развалинами его.»

Нейшлотъ устоялъ; а Финскіе и Шведскіе полки говорили, что война съ Россіею начата безъ Чяновъ государственныхъ. Густавъ , обманутый надеждою , удалился сперва въ Ловизу, потомъ въ Свеаборгъ , а оттуда въ столицу свою.

Въ это время Екатерина писала къ Циммерману: «Въ посредники со Мною о миръ , Король Шведскій избираетъ Францію , Испанію , Пруссію, Англію, Голландію и Данію, словомъ, онъ приглашаетъ всю Европу. Частные люди сочли бы насмѣшкою, если бы кто шести лицамъ сказалъ: Каждый изъ васъ одинъ уполномоченъ распоряжать дѣла мои.»

Шведы укрывались въ неприступныхъ мѣс-

тахъ. Графъ Муссингъ-Пушкинъ, начальникъ Русскихъ войскъ, вмѣстѣ съ Сыномъ Екатерины обозрѣвалъ Шведскій станъ, расположенный на горахъ Гекфорскихъ. Шведскіе корабли, нуждаясь въ продовольствіи, закупали припасы у проѣзжавшихъ купеческихъ судовъ. Русскіе корабли свободно плавали въ шхерахъ и при суровой погодѣ держались при Гангутѣ, гдѣ некогда Пётръ I одержалъ побѣду. Тщетными остались всѣ предпріятія Густава III, а Екатерина приготавливала новыя силы къ нанесенію ему новаго удара. Въ это время умеръ Адмиралъ Грейгъ, бывшій съ Графомъ Орловымъ при сожженіи Турецкаго флота подъ Чесмою. (*)

Въ Февралѣ 1789, Густавъ снова увлекался внушеніями Европейскихъ Кабинетовъ, и золотомъ Порты Оттоманской. возобновилъ войну съ Россіей, съ тою же легкомысленною опрометчивостію. Небольшіе Шведскіе отряды дѣйствовали наступательно, и первая встрѣча съ Русскими была при киркѣ Сухоловской.

Война съ Швеціей усиливалась. Екатерина въ Маѣ мѣсяцѣ 1789 года, писала къ Циммерману: «Фридрихъ II; смѣялся надъ правилами Французскаго Министра Шуазёля, а теперь онъ разили всѣ умы. Ненавидя и завидуя Россіи, онъ увѣрялъ, что она страшна для Европы. Подъ личиною хитрости и двоедушія, онъ и Мы хотѣлъ вредить; но вмѣсто того обнаружилъ

(*) См. въ 1-й части Русскаго Читенія Записки Князя Долгорукова.

слабость свою и подвергъ Турцію разоренію. Онъ непрестанно проповѣдывалъ о *вѣсахъ Европы*; Государства, обольщенные его словами, теряли равновѣсіе свое. Онъ забывалъ, что тотъ, кто посеяетъ раздоръ между сосѣдями своими, лишается довѣренности. Двоедушіе заграждаетъ путь къ славѣ. Стыдно тѣмъ, которые думаютъ, что вся политика состоитъ только въ томъ, чтобы *лить на огонь масло и ловить рыбу въ мутной водѣ*. Вотъ, что во всѣхъ вѣкахъ было причиною кровавыхъ зрѣлищъ, называемыхъ войною.»

Война съ Швеціею продолжалась. Принцъ Нассау-Зигенъ, перешелъ съ Чернаго моря на Балтійское. Нужны были офицеры и Екатерина препоручила Графу Ангальту, начальнику Кадетскаго Корпуса, спросить: «Кто изъ старшаго возраста желаетъ поступить на службу на флотилію.» На этотъ вызовъ откликнулись, что всѣ желаютъ; и 20 человекъ немедленно были отправлены въ походъ. Въ частныхъ моихъ запискахъ предложу подробности о Графѣ Ангальтѣ, а здѣсь скажу о немъ только нѣсколько словъ. II онъ былъ человекомъ вѣка Екатерины II и обладалъ искусствомъ соединять сердечную чувствительность съ мужествомъ. Въ увеселительной залѣ кадетъ, стояла статуя Марса, изъ мрамора. По одну сторону въ рамкахъ и за стекломъ, было изрѣченіе изъ тактики Фридриха II: *Малѣйшихъ вашихъ солдатъ почитайте дѣтьми вашими.* (*) На другой сторонѣ также въ рамкахъ

(*) Dans vos moindres soldats, croyez voir vos enfans.

и за стекломъ , изображено было : Да удалятся отъ насъ герои безчеловѣчные! Они могутъ удивлять какъ и всѣ необычайные предметы; но никогда не привлекутъ сердца.» (*) Не далеко отъ Марса былъ бюстъ Юлія Цесаря, съ слѣдующею выпискою за стекломъ: «Однажды Юлій Цесарь съ приближенными своими , въ числѣ которыхъ былъ большой Опій, шелъ пѣшкомъ. Наступила ночь съ сильною грозою , на пути попалась имъ одна только тѣсная хижина. Цесарь сказалъ : «Уступимъ хижину больному другу нашему Опію. Мы здоровы , мы можемъ переночевать подъ открытымъ небомъ.» Тутъ же была собственноручная приписка Графа : «Любезные друзья и дѣти (такъ называлъ онъ кадетъ), эту черту чувствительности предпочитаю я всѣмъ побѣдамъ Юлія Цесаря, дружба сочетаніе души, а съ нею спокойствіе и счастье.» Близъ бюста Юлія Цесаря стоялъ бюстъ Александра Македонскаго и при немъ былъ выписанъ тотъ случай, когда семейство Дарія, взятое въ плѣнъ, вошедъ въ шатеръ Александра, гдѣ находился и другъ его Эфистіонъ , поверглось къ ногамъ послѣдняго, и потомъ узнавъ ошибку свою, стало извиняться. Александръ возразилъ: «Нѣтъ! вы не ошиблись; вы въ другъ моемъ видите меня.»

И тутъ приписка: чувствительность и дружба умножаютъ бытіе человека.

Вскорѣ послѣ отправленія новыхъ офицеровъ на флотилію , было у насъ главное ученіе со зна-

(*) Loin de nous les heroes sans humanité.... etc.

менами и пушками. (Я былъ тогда еще въ Корпусѣ). Въ половинѣ смотра пошелъ проливной дождь. Кадеты въ нарядныхъ своихъ курточкахъ гренадерскихъ и егерскихъ, повернули было къ палаткамъ, гдѣ они лѣтомъ стояли лагерь. Графъ громкимъ голосомъ воскликнулъ: «Стойте!» и потомъ прибавилъ по-Французски: «У знаменъ умирають, а не бѣгутъ отъ нихъ. Вы забыли уроки исторіи; Александръ Македонскій переходилъ чрезъ рѣку Граникъ, при блескѣ молній и раскатахъ грома. А вы бѣжите отъ дождя. Да и куда бѣжать, стыдъ гонится по слѣдамъ малодушныхъ.» Сказалъ и вмѣстѣ съ нами въ мундирѣ, голубой лентѣ и безъ плаща, выдержалъ проливной дождь.

Отъ Графа Ангальта обратимся къ Принцу Ангальту.

Того же 1790 года, Густавъ ждалъ пособія отъ Англіи и Пруссіи, но снова обманулся. Апрѣля 18 того же года, при мызѣ Пардакокскъ и Кершикокскъ, когда Русскіе отступали. Принцъ Ангальтъ, извѣстный уже подвигами своими въ Турціи, остановилъ наше войско, былъ смертельно раненъ въ ногу и на плащахъ гренадеровъ препровожденъ въ Савайтополь. Чувствуя приближеніе смерти, онъ отдалъ золотую шпагу своему Адъютанту, и сказалъ: «Этою одною собственностію могу теперь располагать, дарю вамъ ее, она всегда будетъ съ честію въ рукахъ вашихъ.» И этотъ Адъютантъ былъ Барклай-де-Толли. Врачи рѣшились отнять Принцу ногу. Принцъ Ангальтъ сказалъ: «Я знаю, что умру;

но у меня есть жена и сынъ; рѣжьте погу; для нихъ только это дѣлаю.»

Принцъ Ангальтъ умеръ; но онъ какъ будто бы ожилъ, въ успѣхъ подъ Пардакоксомъ, гдѣ былъ убитъ Гвардіи Сѣкундъ-Маіоръ Байковъ. Въ томъ же дѣлѣ отличился и Барклай де-Толли съ завѣщанною ему шпагою.

21 Апрѣля Густавъ обозрѣвалъ Русское войско. Мгновенный успѣхъ польстилъ ему въ деревнѣ Тайкалы, откуда онъ вытѣспалъ Козачью стражу; а 24 онъ пораженъ былъ Генераломъ Денисовымъ при мызѣ Ороловой и преслѣдуемый имъ, остановился при мостѣ Матюловскомъ, гдѣ покушался отразить Русскихъ. Бросаясь стремительно чрезъ мостъ и спасаясь бѣгствомъ, онъ сжегъ его. Русскіе шли отъ успѣха къ успѣху; переправились за Кюмень, и овладѣли батареями. Густавъ на сушѣ и на морѣ, мечтая о побѣдахъ, былъ бѣглецомъ. 30 Апрѣля, В. Я. Чичаговъ, съ небольшимъ числомъ кораблей своихъ, нанесъ рѣшительный ударъ превосходному его флоту на *Ревельской рейдѣ*. До этого блистательнаго случая, нашъ престарѣлый Адмиралъ жилъ въ бѣдности и не имѣя средствъ разсыпать золота для постороннихъ наставниковъ, самъ занимался ученіемъ и воспитаніемъ сыновей своихъ. Вызванный Екатериною на новый подвигъ, онъ сказалъ Ей: «Готовъ Матушка служить Вамъ и услужить Отечеству, если Богъ поможетъ.»

Въ день пораженія Густава при *Ревельской рейдѣ*, взятъ былъ въ плѣнъ Шведскій Маіоръ

Салстедъ, начальствовавшій шестидесяти-четырехъ-пушечнымъ кораблемъ. Уважая личное его мужество, Чичаговъ позвратилъ ему шпагу и сказалъ: «Мужество ваше достойно уваженія, и я вполнѣ цѣню его.» То же самое сказалъ и Петръ I, вручая шпагу Рейпшильду; доставшемуся въ плѣнъ при Гангутѣ. Радужный Чичаговъ плѣнникъ своего пригласилъ на ужинъ. «А я думалъ,» сказалъ Салстедъ, «что вы будете у меня ужинать.» Чичаговъ возразилъ: «что дѣлать, Небесный Хозяинъ, который располагаетъ судьбою нашею, иначе рѣшилъ.» Говорятъ, что когда Екатерина въ награду Чичагову назначила Андреевскую ленту, Канцлеръ Безбородко примолвилъ: «Ваше Величество, позвольте ему отрѣзать и запасную ленту, ему неачто будетъ купить новой.» Награда достойнаго по достоинству, Екатерина и придачею имѣнія успокоила старость Чичагова.

Между тѣмъ, подкрѣпляясь самонадѣяніемъ своимъ и посторонними внушеніями, Густавъ все еще мечталъ, что добьется въ Сѣверную нашу столицу. Пользуясь раннимъ очищеніемъ шхеръ отъ льда, онъ со всѣмъ своимъ флотомъ поспѣшилъ къ Фридрихсгаму, гдѣ была горсть Русскихъ. Флота Капитанъ Селезневъ, съ нѣсколькими нашими судами, сразился съ Густавомъ, и сильный бой кипѣлъ нѣсколько часовъ. Непріятель окружилъ Русскихъ; а наши, издержавъ всѣ снаряды, принуждены были отступить. Пересадя въ лодки людей, начальники зажгли суда свои. Нѣведамъ удалось погасить огонь. И

Густавъ въ восторгъ отъ этой удачи, послалъ требовать сдачи Фридрихсгама. Командантъ отвѣчалъ : *Русскіе не сдаются.*

Накопецъ , надежды Густава исчезли. Онъ принялъ миръ , данный Екатериною. Анна Державина, безмолствовавшая въ войну со Швеціей, откликнулась при заключеніи мира. Обращаясь къ Екатеринѣ, поэтъ говоритъ :

«Ты шествуешь въ Петрополь съ миромъ,
И лавры на главѣ несешь;
Ты провождаешься вефромъ,
И Россіамъ пальмы раздаешь.
Ты шествуешь!—вѣзери, Царица,
На радостныя всюду лица,
На сонмы вокругъ Тебя людей :
Не такъ ли на Тебя взираютъ
Какъ нѣжную весну встрѣчаютъ
Въ одеждѣ розовыхъ зарей?»

Миръ былъ заключенъ; но и 1791 года, носилась еще молва о новыхъ непріязненныхъ замыслахъ Густава. Тогдашняя заграничная политика, не замѣчая бури, скоплавшейся часъ отъ часу болѣе на Западѣ , и готовой разразиться надъ Европой, все еще помогала тревожить нашъ Северъ. Что видѣли тогда мудрые политики? Рѣшительно ничего.

Въ то время, по взятіи грознаго Измаила, Суворовъ прибылъ на берега Невы гостемъ мирнымъ и скромнымъ; Потемкинъ, какъ будто забылъ его. Но Екатерина , воздавъ ему новыя почести, сдѣлала для него еще болѣе: Она положила новый путь неутомимой его дѣятельности. «Вы будете Мнѣ пужны въ Финляндіи,»

сказала Она. Суворовъ посѣщилъ въ Выборгъ , и писалъ оттуда Императрицѣ : « Ожидаю Высочайшихъ Вашихъ повелѣній , что прикажете . » Соблюдая осторожность , Екатерина поручила Суворову укрѣпленіе Финляндскихъ крѣпостей , и начальство надъ тамошнимъ флотомъ .

Удивительное было это время и у насъ и вездѣ ! Австрія , напуганная блистательными успѣхами Русскаго оружія , отклонилась отъ союза съ нами . Англія и Пруссія продолжали управлять волею Густава . Года за два до революціи Французской и за нѣсколько минутъ до смерти своей , Фридрихъ II сказалъ : « Слава Богу , гора съ плечъ спала . » (*) Не предполагалъ онъ тогда , что вскорѣ послѣ него эта гора обрушится на его отечество . Есть однако въ сочиненіяхъ его намеки , свидѣтельствующія , что онъ не довѣрялъ мелкой и шаткой Европейской политикѣ . Берега Рейна были встревожены . Принцъ Пассау-Зигенъ , дѣйствовавшій подлѣ Очаковымъ и у береговъ Финляндіи , возвратился на родину свою , куда уже доносились отголоски близкой бури . Голландія , въ кипѣніи торговли сбирала золото , не помышляя , въ чьи руки перейдетъ оно . Італія , древняя колыбель всемірнаго Римскаго владычества , дремала въ нѣгѣ среди вѣковыхъ памятниковъ могущества ея прежнихъ жителей . Англія , по расчисленію выгодъ своихъ , ожидала , что ей можно будетъ извлечь изъ развалинъ

(*) Grâce à Dieu, la montagne est passée.

разрушавшейся Франціи. Исторія скажетъ, что въ это самое время Россія еще болѣе одушевилась довѣренностію къ уму Екатерины. Всѣ знали, что въ трехлѣтніе порывы Густава въ Сѣверную столицу, Она ни на шагъ не отступала отъ обыкновенныхъ своихъ занятій и на досугъ сочиняла оперу *Горе-богатырь*. Самъ Густавъ это чувствовалъ и говорилъ: «что славнѣе, побѣда ли Карла XII надъ Петромъ I, или мое сопротивленіе Екатеринѣ?» Но не смотря на явный и новый блескъ царствованія Екатерины, иностранные Министры разныхъ Дворовъ разглашали, будто бы война съ Турціею истощила нашу казну, а война съ Швеціей разстроила сельскій бытъ помѣщиковъ необыкновеннымъ вытребованіемъ отъ нихъ людей на службу. Къ опроверженію этой молвы, переходившей и въ вѣдомости заграничныя, Екатерина дозволила Потемкину дать Ей великолѣпный праздникъ, 1791-го года Апрѣля 28 го. По этому случаю и по убѣжденію, что Екатерина ничего не дѣлаетъ безъ причины, не было ни какого разногласія. Никто не спрашивалъ, къ чему это и для чего это? Большой свѣтъ занять былъ нарядами; въ міръ промышленности и торговомъ, все кипѣло дѣятельностію къ доставленію всего нужнаго въ Таврическій дворецъ, около котораго толпился съ утра до вечера народъ, видя, что и для него готовится праздникъ. И что увидѣли тамъ тѣ, которые почитали Россію истощенною въ способахъ внутренняго своего существованія. Однихъ брилліантовъ было на десять миліо-

новъ; (*) и это въ одной только Сѣверной столпцѣ и сколько еще такого блеска разсыяно было по всѣмъ странамъ нашего Отечества; и сколько, говоря словами Голыкова, «вычерпано было его вѣтроутканными одеждами.» Тутъ же былъ и золотой слонъ, во всей величавѣ. (**) И это было тогда, когда рудники наши не спорили еще съ рудниками Перувианскими. Богата Россія во всѣхъ трехъ царствахъ природы: были бы только въ ней правда и любовь; и всеобщая любовь встрѣтила Екатерину на этомъ волшебномъ празднествѣ, а Потемкинъ передавъ мысль свою поэзіи Державина, повергалъ къ стопамъ Ея и победы и области, пріобрѣтенныя подъ его начальствомъ оружіемъ Русскихъ, по предназначенію Екатерины.

«Воды быстрыя Дуная
Ужъ въ рукахъ теперь у насъ,
Храбрость Россовъ почтая,
Тавръ подъ нами и Кавказъ
Славься симъ Екатериной
Славься нѣжная къ намъ Мать!
Ужъ не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой;
Гордость визится Селима
И блаженъ онъ съ луной.
Славься симъ Екатериной,
Славься нѣжная къ намъ Мать.
Стопъ Самъла (***) раздастся

(*) См. въ сочиненіяхъ Державина описаніе торжества, бывшаго по случаю взятія города Измаила, въ домъ Князя Потемкина, въ присутствіи Екатерины II.

(**) См. тамъ же.

(***) Древнее названіе Панаглы.

Днесъ въ подсолнечной вездѣ;
 Зависть и вражда мятется
 И терзается въ себѣ.»

Празднеству была и другая причина, личная для Потемкина. Носилась молва и у насъ и за границей, будто бы онъ замышляетъ учрежденіе какихъ-то областей; и когда Екатерина дала слово быть у него, онъ упалъ на колѣни, и сказалъ: «Присутствіе Ваше уничтожитъ злую клевету и у насъ и предъ цѣлымъ свѣтомъ.» Екатерина отвѣчала: «Я слышала; ничему не вѣрю и буду у васъ.» — «А я умру спокойно,» отвѣчалъ Потемкинъ. (*) Онъ не пропустилъ этого случая и въ той комнатѣ, куда удалилась Екатерина послѣ хоровъ, между богатыми вытканными обоями, было изображеніе Амана и Мардохея Израильянина. И тутъ, Державинъ, по данной Потемкинымъ мысли, говорилъ:

Тебѣ извѣство все, о, кроткая Эсфирь.,
 Владычица сердецъ и красота порфирь,
 Судьба на тронъ Тебя съ тѣмъ Царскій возводила
 Чтобъ милость Ты и судъ на тронѣ воцарила,
 Невинность бы спасла извергла бѣ клевету.

Въ то же время, Персіанецъ, сидѣвшій на упомянутомъ золотомъ слонѣ, убранномъ алмазами и обвѣшанномъ жемчужными бахромами, подавалъ знакъ къ театральному представленію. Остановимся здѣсь. Что было для другихъ неслыханнымъ торжествомъ, то для Потемкина было грустнымъ предчувствіемъ разлуки со всеми великолѣпіями земнаго міра. Невидимый хоръ пѣлъ:

(*) Мнѣ это рассказывала Княгиня Дашкова.

«Жизнь наша путь есть печалей.»

Какъ обыкновенно бываетъ въ свѣтъ, сперва переговарятъ все о томъ, что видѣли, а потомъ пускаются въ различные толки. Разсуждалъ, что этотъ праздникъ былъ данъ въ честь Измаила, взятаго Суворовымъ: а Суворова тамъ не было; по ему было не до праздника. Онъ писалъ къ племяннику своему, Князю А. И. Горчакову: «Бездѣйствіе истомляетъ меня. Смотрю на Польшу и на Турцію.» Чудный онъ былъ человекъ, ему безъ тревогъ войны и жизнь была не въ жизнь. Извѣстно однако было, что должность останавливала его въ Финляндіи и что присутствіе его тамъ, удерживало Густава отъ непріязненныхъ покушеній.

Но никто не зналъ, какая непостижимая сила приковывала Потемкина къ берегамъ Невы, и отъ чего среди величія и славы, онъ взнемогалъ въ уныніи. Екатерина нѣсколько разъ напоминала ему, что пора отправиться къ войску; а онъ медлилъ. Глубокая бездна сердце человеческое и кто изслѣдуетъ его тайны? Оно часто и само себя не понимаетъ.

Между тѣмъ, въ Турціи продолжались военныя дѣйствія. Въ Іюнь мѣсяцъ, Кутузовъ выступилъ изъ Измаила съ отрядомъ, поразилъ Турокъ при Бабадѣ, вскорѣ потомъ, въ Мачинскомъ сраженіи за Дунаемъ, по свидѣтельству Князя Репнина, въ отсутствіи Потемкина, начальствовавшего надъ войскомъ, быстрымъ движеніемъ со-

дѣйствовалъ къ побѣдѣ. Въ то же время Гудовичъ приступомъ взялъ Анапу; а Адмиралъ Ушаковъ пушечными выстрѣлами разбудилъ встревоженнаго Султана; проснулся и Потемкинъ, узнавъ, что уже начались переговоры о мирѣ, поспѣшилъ къ войску, укорялъ Репнина за то, что онъ, какъ ребенокъ поступилъ въ условіяхъ съ Портою, отрѣшилъ его отъ должности и въ новыхъ переговорахъ своихъ требовалъ, чтобы Порта перемѣняла въ Молдавіи и Валахіи, Господарей не по волѣ своей, а съ согласія природныхъ бояръ и Русскаго Консула. Новая война готова была вспыхнуть; но вскорѣ не стало Потемкина.

Въ первой части Русскаго Чтенія, помѣщены были всѣ подробности о кончинѣ Князя Таврическаго, постигшей его на степи. Здѣсь предложимъ о немъ то, чего не было тамъ сказано. Начнемъ съ переписки его съ Суворовымъ, которая покажетъ его заботливое, и можно сказать, отеческое попеченіе, о сохраненіи здоровья солдатъ:

Елисаветградъ, 13 Февраля. ()*

«Другъ мой сердечный, Александръ Васильевичъ! я былъ нездоровъ и для того такъ долго

(*) Эти подлинные письма Князя Потемкина-Таврическаго находятся въ рукописи, которая къ счастью, во время разоренія Москвы Французами, уцѣлѣла съ нѣкоторыми другими рукописями, принадлежащими Платову Петровичу Беке-тову. У него отъ многочисленнаго собранія, осталась самая малая часть. Письма Князя Потемкина къ Суворову, предлагаю безъ всякой перемѣны. Всѣ онѣ собственноручныя.

не писалъ къ тебѣ. Теперь легче , слава Богу ! Исаева я къ себѣ взялъ по необходимости , что у меня подобнаго Атамана нѣтъ ; а половина старики и весьма плохи ; я ихъ трохъ отправляю на Донъ.

«Попскъ, который Д..... сдѣлалъ въ Намію, кончился бы еще лучше. Впрочемъ отъ малаго числа и требовать больше нельзя. Онъ взялъ начальника съ пятыю человекѣми и убили подлинно семерыхъ. Но онъ пекся о вещахъ, къ которымъ отдѣлилъ пятнадцать Козаковъ и ослабилъ себя тѣмъ, и испугавшись *сикурсу*, почти бросилъ Есаула и Хорунжева. Я не отказываю добычи легкимъ войскамъ, но прежде требую исполненія должности.

«Считая, что при началъ весны для людей здоровье будетъ оставить землянки, я велѣлъ доставить въ Збуреевскъ пятьсотъ ауловъ, которые частію уже привезены. Прикажите помѣстить туда людей, и не помѣщайте тѣсно. Какъ же придетъ нужда придвинуться къ Кибурну, тогда ихъ подвезя, можно сдѣлать теплый лагерь.

«Ставьте ихъ такимъ образомъ, чтобы съ пизу не проходилъ вѣтеръ ; нѣсколько можно окласть дерномъ. На постылку наслать камышу и камышемъ же обставить со сторонъ. Испытайте; сіе гораздо здоровье будетъ. Вмѣщеніе полковъ въ другіе, прикажите сдѣлать, отпустя нестроевыхъ отъ поступившихъ на сформированіе и тѣмъ избавятся ненужныхъ хлѣбоядцевъ. Фанагорійскій обозъ съ нестроевыми и офицерами

къ вамъ изъ Тавриды прибудеть. Я здѣсь стараюсь два баталіона Фанагорійскіе какъ можно скорѣе сформировать. Посланные знамена и прочее для Запорожцевъ съ принадлежащей къ тому церемоніей прикажите при себѣ освятить. Прости, мой другъ сердечный! я до гроба вѣрный твой другъ и слуга

К. Потемкинъ-Таврическій.

Милостивый государь мой

Александръ Васильевичъ!

Болезнь быхъ, и поспѣшите мя.

Евангеліе и долгъ военнаго начальника побуждаютъ пещись о сохраненіи людей. Когда вы возьмете трудъ назирать лазареты, то врачи будутъ стараться паче. Предписанныя лекарства и наблюденіе чистоты суть средства, удобнѣйшія къ пресѣченію болѣзней. Я худо сплю отъ сей заботы; но надѣюсь на милость Божію и полагаюсь на ваши неусыпные труды.

Съ истиннымъ почтеніемъ и чистосердечною привязанностію

К. Потемкинъ-Таврическій.

8 Августа.

20 Августа.

Изъ письма вашего къ В. С. Попову, я видѣлъ, сколько васъ тяготятъ обстоятельства мѣстныхъ болѣзней. Мой другъ сердечный! ты своей особой больше десяти тысячъ. Я такъ те-

бя почитаю, и ей, ей говорю чистосердечно. Отъ злыхъ же людей Богъ избавляетъ! Надежда моя не ослабѣваетъ ; но стеченіе разныхъ хлопотъ тѣснить мою душу. И скажу вамъ правду, что сердце мое столь угнѣтено, что одна только помощь Божія меня утѣшаетъ. Что вы придумать можете къ облегченію больныхъ, все употребляйте ; я не жалю расходовъ. Вола ли дурна, возьмите способъ ее поправлять переваркою, или уксусомъ. Виноную порцію давайте всѣмъ : въ жаркихъ мѣстахъ паружная теплота холодитъ желудокъ, то и должно его согрѣвать спиртомъ.

Рекрутъ на укомплектованіе я приказалъ отправитъ: они прежде мѣсяца не будутъ.

Какъ много въ Херсонѣ *иностранныхъ*, то скрывайте отъ нихъ число больныхъ, показывая, что много выздоровѣло.

Я далъ приказъ отпустить все, что нужно на поправленіе казармъ. А за всѣмъ еще скажу вамъ, что мнѣ крайне нужно узнать, что слышно въ Очаковѣ. О семъ провѣдать можно чрезъ обыкновеннаго посылаемаго изъ Кибурна, которому объявить, что я приказалъ ему, сверхъ его жалованья, производить еще на расходы по двѣсти рублей.

«Тому же, котораго къ вамъ прислалъ, содержаніе опредѣлю. За тѣмъ во всю жизнь пребуду вѣрный и покорный слуга

К. Потемкинъ-Таврическій.

1 С е н т я б р я.

«Показанія вышедшаго изъ Очакова частію можетъ быть и справедливы, частію же похожи и на хвастовство, Турецкому народу свойственное. Ты, мой другъ сердечный, преодолѣешь своимъ усердіемъ ихъ замашки.

«Нельзя ли какъ нибудь удостовѣриться о истинѣ новаго флота, въ правду ли онъ прибылъ?

«Я бы совѣтовалъ вамъ Маріупольскій полкъ придвинуть ближе къ Кипбурну, поставя его тамъ, гдѣ лучше вода и кормъ; то же С.-Петербургскій, когда прибудетъ..... Козакамъ подтвердите бѣншіе имѣть неоплачено. Боже, дай вамъ здоровье и помощь!

Вѣрный и покорный слуга

К. Потемкинъ-Тавричскій.

Е л и с а в е т ѣ г р а д ѣ, 5 О к т я б р я.

«Я не нахожу словъ пзъяснить, сколь я чувствую и почитаю вашу важную службу! Я такъ молю Бога о твоёмъ здоровьѣ, что желаю за тебя самъ лучше терпѣть, нежели бы ты занемогъ.

«Увѣрьте всѣхъ, что я воздамъ каждому. Рядовымъ, бывшимъ въ дѣлѣ, по пяти рублей приплю, когда мнѣ доставите число ихъ. Я всѣмъ то сдѣлаю, что ты захочешь. Прошу тебя для

Бога , не шали оказавшихъ себя недостойными.
Прости, мой другъ сердечный.

Вѣрный твой другъ

К. Потемкинъ-Таврическій.

2 Июля.

«Другъ мой сердечный , Александръ Васильевичъ ! Я полагалъ самъ къ вамъ быть съ извѣщеніемъ о милости Высочайшей, съ какою принята была побѣда непріятеля подъ Кинбурномъ; но ожиданіе къ себѣ Генерала Цесарскаго тому воспрепятствовало. — Препровождаю теперь къ вамъ письмо Ея Величества , столь милостивыми выраженіями наполненное, и притомъ васъ уведомляю, что вскорѣ получите знаки отличія Монаршей милости, о чемъ изволитъ сама Государыня ко мнѣ писать. Будьте увѣрены, что я поставляю себѣ достоинствомъ отдавать вамъ справедливость; и конечно не доведу васъ, чтобъ сожалѣли быть подъ моимъ начальствомъ. Я произвелъ отъ васъ *рекомендованныхъ*. Генерала Река и Команданта Тунцельмана увѣрьте , что они по желанію будутъ удовольствованы. Изъ присланныхъ крестовъ я оставляю одинъ для Ломбара, о коемъ я просилъ Ея Величество , чтобы его выручить ; одинъ я назначаю для Подпоручика Орлова; остальные четыре прошу тебя, мой другъ сердечный , назначать достойнѣйшимъ и имена ихъ прислать ко мнѣ. Бога ради употреби

тутъ всю справедливость и разсмотрѣніе. Полковникамъ двумъ Донскимъ пришлются золотыя медали. Также назначь, для кого ихъ выписать изъ чиновниковъ, командующихъ судами. За исключеніемъ одной, девятнадцать медалей серебряныхъ для нижнихъ чиновъ, отличившихъ себя въ сраженіи. Раздѣлите по шести въ пѣхоту, кавалерію и Козакамъ; а одну дайте тому артиллеристу полковой артиллеріи, который выстрѣломъ подорвалъ шебеку. Я думаю, не худо бы было призвать вамъ къ себѣ по нѣскольку или спросить цѣлые полки, кого солдаты удостоятъ между себя къ полученію медалей.

«Я буду скоро къ вамъ; мнѣ нужно, мой другъ, съ тобою изъясниться о нѣкоторыхъ предположеніяхъ.

«За тайну скажу: въ будущую кампанію, коли Богъ дастъ помощь Свою, все, что съ веслами, подчиню сухопутному начальству, а парусные оставлю морскимъ. Пріѣхалъ ко мнѣ припятый къ намъ флота Голландскій Капитанъ съ отличнымъ одобреніемъ и человѣкъ искусный въ войнѣ. Я его изъ Херсона привезу къ вамъ; узнай его, мой другъ, хорошенько. Мы его сдѣлаемъ начальникомъ предпримчивой флотиліи.

«Прости, мой другъ сердечный. Посылаю тебѣ шинель, которую прошу носить вмѣсто шафара; пока живъ твой вѣрнѣйшій другъ и слуга

К. Потемкинъ-Тавричскій.

Херсонъ, 24 Ноября.

За Богомъ молитва, а за Государемъ служба не пропадаютъ.

«Поздравляю васъ, мой другъ сердечный, въ числѣ Андреевскихъ кавалеровъ; хотѣлъ бы я самъ къ тебѣ привезти орденъ, но много дѣлъ въ другихъ частяхъ меня удержали.

«Я все сдѣлалъ, что отъ меня зависѣло; прошу для меня о употребленіи всѣхъ возможныхъ способовъ къ сбереженію людей.

«Въ Херсонѣ очень запутано, и полки на работѣ Египетской, коихъ и внутренность не у всѣхъ исправна; я пришлю осмотрѣть инспекторскимъ и комисаріатскимъ смотромъ. Ввожу корпусъ егерей Екатеринославскихъ, но съ тѣмъ, чтобы его не употреблять ни въ работы, ниже въ караулы. Онъ наполненъ молодыми людьми, коимъ дать время нужно еще окрѣпиться. Я пришлю вскорѣ дальшее распоряженіе обо всемъ.

«А теперь, отъ избытка сердца, съ радостію поздравляю. Дай Боже тебѣ здоровья! А обо мнѣ нельзя уже тебѣ не вѣрить, что твой истинный другъ

К. Потемкинъ-Тавричскій.

Пиши, Бога ради, ко мнѣ смѣло, что тебѣ надобно.

—

Сказано было выше о самовольной попыткѣ Суворова на Очаковъ и выговоръ, сдѣланномъ

ему Потемкинымъ ; а вотъ , что онъ тогда отвѣчалъ :

« Ищите ли истиной славы, идите по стезямъ добродѣтели. Последней я предаю, первую замыкаю въ службѣ Отечества. Для излѣченія моихъ ранъ в поправленія здоровья отъ длинной кампаніи я ѣду къ водамъ. Вы меня отпускаете; министр ихъ ближе: въ обновленія вашей милости! Свѣтлѣйшій Князь! защитите простовравіе мое отъ ухищренія ближняго. Противъ Государственныхъ непріятелей готовъ.

«..... Какая вдругъ переменна милости вашей! и что могу надѣяться въ случаѣ смертному несчастью, когда нынѣ безвинно стражду? Противна особа, противны дѣла. Съ честію служилъ бы, но жестокія мои рапы отвлекаютъ.... Свѣтлѣйшій Князь! утруждаю о испрошеніи милости вашей, чтобъ дозволили мнѣ на нѣкоторое время отдалиться къ сторонѣ Москвы для лучшаго излеченія ранъ и поправленія моего ослабшаго здоровья, съ жалованьемъ и моему штабу. Являюсь къ службѣ не замедлю.

« Съ глубочайшею преданностію и глубочайшимъ почитаніемъ по гробъ мой.

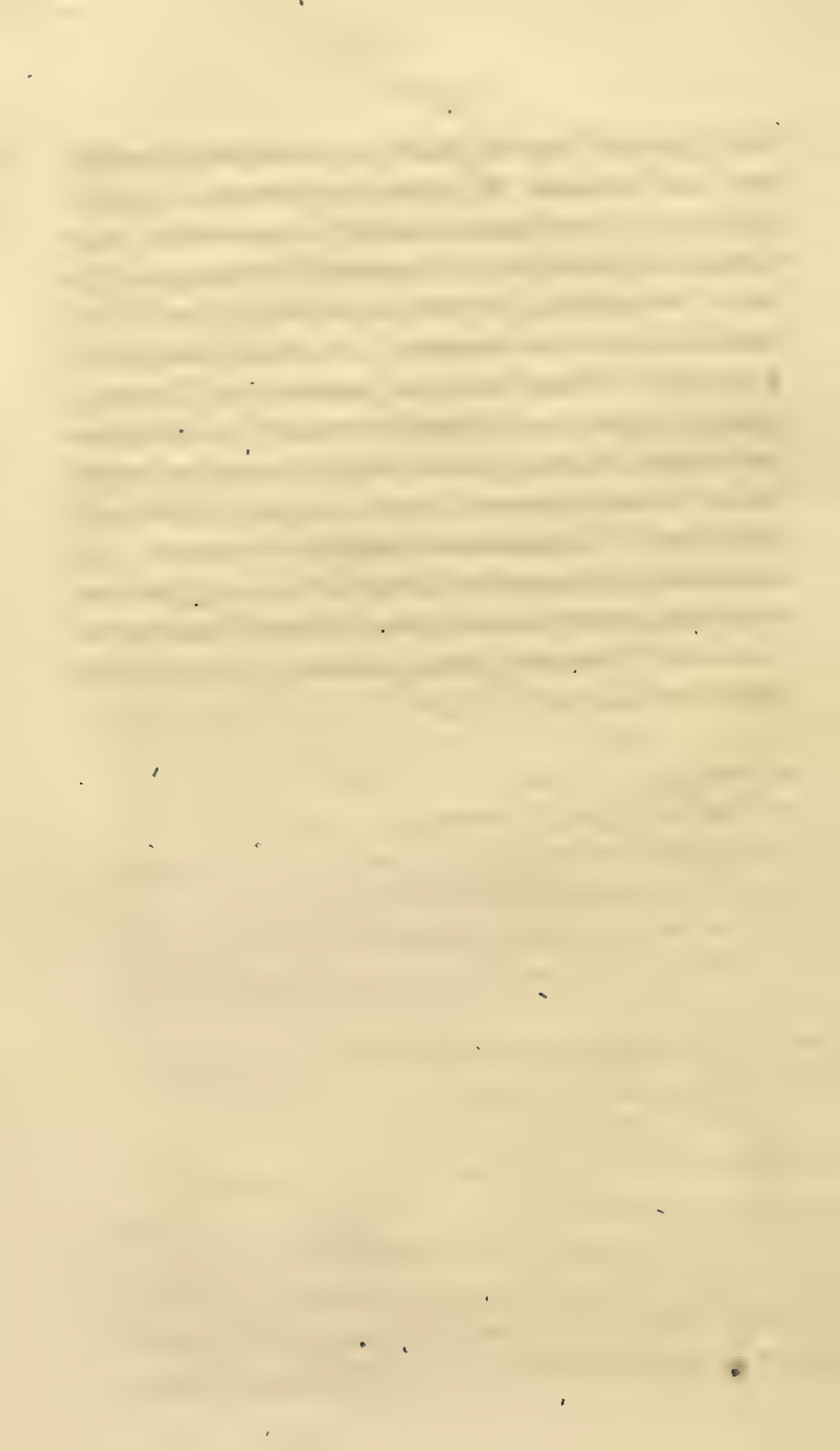
Александръ Суворовъ.

Всѣмъ извѣстно, въ какомъ тѣспомѣ сношеніи съ Потемкинымъ былъ Принцъ Делиппъ; но и онъ признается, что никакъ не могъ разгадать этого человѣка; вотъ, что онъ говоритъ объ немъ въ письмѣ къ Императору Іосифу: «Потемкинъ не коваренъ, но скрытенъ, Вы знаете, какъ

я пскрепепъ, какъ довѣрчивъ, по чему за-
ключалъ, что и Потемкинъ обрадуется, свп-
дась со мною. Бросаюсь къ нему на шею,
спрашиваю объ Очаковѣ. — «Боже мой!»
отвѣчалъ Князь: «тамъ семнадцать тысячъ гар-
низона; у меня и всего войска столько нѣтъ.
Я во всемъ нуждаюсь; пропаду безъ помощи Бо-
жіей....» — «Какъ!» возразилъ я, «ужели мы сказ-
ку слышали о Кинбурнѣ, объ отплытіи флоти-
лѣвъ? ужели это все одна молва? Я летѣлъ сюда
день и ночь, услыша, что вы начинаете осаду.»
— «Увы!» продолжалъ онъ: «дай Богъ, чтобы
Татары не истребили здѣсь все огнемъ и мечемъ!
Не забуду милости Божіей: съ помощію Его со-
бралъ я войска, паходившіяся за Бугомъ, и по
особенному чуду удержалъ до сихъ поръ такое
пространство земли....» — «Князь!» спросилъ я:
гдѣ же Татары?...» — «Вездѣ! вездѣ! а притомъ
Сераскиръ множество Турокъ ведетъ къ Акерма-
ну; двѣнадцать тысячъ въ Бендеры; по Днѣстру
вездѣ войска; въ Хотинѣ назначено шесть ты-
сячъ. И что же? все это ложь и небылица.»

«Потемкинъ былъ весьма набоженъ. Узнавъ
въ Новогеоргіевскѣ 1788-го года о побѣдѣ
Принца Нассау надъ Капитаномъ — Пашею,
Князь сказалъ: «Богъ послалъ эту побѣду! Здѣсь
соорудилъ я церковь во имя Георгія, и на дру-
гой день воспослѣдовало Кинбурнское дѣло.»
Вскорѣ получены еще два извѣстія о побѣдахъ
Принца Нассау. Потемкинъ, обнявъ меня въ во-
сторгъ, вскричалъ: «Не правду ли я сказалъ,

что Святый Георгій меня не оставляетъ — вотъ еще двѣ победы! Я у Бога избалованное дитя!» и къ этому еще примодвиль: «Очаковскій гарнизонъ обращается въ бѣгство; тотчасъ выступлю въ походъ, будьте со мною..... — Я ни какъ отъ васъ не отстану....» — Мы двинулись, и что же? Чѣмъ бы идти прямо къ Очакову, куда я въ два дня надѣялся поспѣть со всею моею конницею, мы трое сутокъ провели на морѣ; вездѣ останавливались; вездѣ ловили и ѣли вкусную рыбу; а наконецъ поѣхали навѣстить побѣдоносную флотилію. Божусь! не могу постигнуть Князя Потемкина. Онъ человекъ преудивительный! Говорить одно, дѣлаетъ другое: какъ разгадать его?»

ГЛАВА XVIII.

ПРАЗДНОВАНИЕ МИРА СЪ ТУРЦІЕЮ 1793 ГОДА.—БЛАГОДАР-
НОЕ ПИСЬМО ЕКАТЕРИНѢ РУМЯНЦЕВА-ЗАДУПАЙСКАГО.—
СУВОРОВЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.—РУССКІЕ ВЪ ПЕРСІИ.—25, ІЮНЯ
1796 ГОДА.—ПИСЬМО СУВОРОВА О ГЕНЕРАЛѢ БОНАПАРТѢ
1796 ГОДА ОКТЯБРЯ 27.

Миръ заключенный съ Турками 1791 празднованъ былъ 1793 года. Въ память прежнихъ заслугъ, Екатерина препроводила къ Румянцеву шпагу, украшенную алмазами. Онъ отвѣчалъ: «Долгота дней Вашихъ да продолжится на вѣки, и грядущіе времена да свидѣтельствуютъ великость дѣлъ Монаршихъ, а можетъ быть приведутъ нѣкогда на память, что одинъ изъ слабыхъ бравоносцевъ имѣлъ удачу быть полезнымъ Государынѣ въ малъ, а награжденъ по велицей милости.» Въ воззваніи къ народу, изданномъ по случаю празднованія мира, Екатерина говорила: «Всѣмъ извѣстно, что при всѣхъ военныхъ безпокойствахъ, сопряженныхъ съ безмѣрными издержками, Мы не обременяли подданныхъ налогами, то и убѣждаемъ ихъ соблюдать устройство, точность и бережливость.»

Между тѣмъ происходили новыя волненія въ Польшѣ. Лавришъ, сочинитель Исторіи Суворова, увѣряетъ, что «война съ Польшею вспыхнула для

того, чтобы буря Французскаго мятежа не проникла далѣе и не обхватила весь Сѣверъ.» Это мечта. Франція, занятая войною въ Италіи, Бельгіи, Голландіи и съ Англіею не могла подать руку помощи Польшѣ. Пруссія соблюдая собственныя выгоды, не пропустила бы враждебной силы чрезъ владѣнія свои. Въ нашихъ столпцахъ, какъ было сказано выше, все кружилось въ прежнемъ вихрѣ. Французская революція была отъ насъ, какъ будто на краю вселенной. Швеція оправлялась отъ трехлѣтней войны съ Россіей. Извѣстно также, что Густавъ вызывался въ начальники Союзныхъ войскъ противъ Франціи. Будущій историкъ развяжетъ *гордіевъ узелъ* тогдашнихъ обстоятельствъ. Скажу однако и свое мнѣніе.

Отъ исхода XVIII столѣтія началась повалъ Европейская исторія. Множество вышло книгъ о Французской революціи, но ни въ одной не показано явственно: какимъ образомъ потрясеніе одной страны поколебало всю другія области образованной и просвѣщенной Европы? Какъ бы то ни было, но въ военной Исторіи Суворова замѣчательно, что первыя его военныя дѣйствія въ царствованіе Екатерины начались въ Польшѣ 1769 и тамъ же кончились 1795 года.

[Все поприще службы Суворова было переходомъ отъ одного занятія къ другому. Изъ Финляндіи, по препорученію Екатерины отправился онъ къ укрѣпленію приморскихъ мѣстъ Тавриды, откуда 1794 двинулся въ Польшу. На пути своемъ онъ и училъ полки и обезоруживалъ непріятеля

и побѣждалъ. За нѣсколько переходовъ до Праги онъ отправилъ къ Румянцеву съ донесеніями родственника моего Л. К. Криштофовича. Прочитавъ бумагу, Румянцевъ написалъ къ Суворову: «На донесеніе ваше скажу, что отвѣтъ мой застаиетъ васъ побѣдителемъ въ Прагѣ и Варшавѣ.» Отдавая пакетъ Криштофовичу, онъ примолвилъ: «а вы, г. Маіоръ, съѣшьте какъ можно скорѣе, чтобы вамъ не опоздать къ дѣлу.» Такъ и сбылось. Криштофовичъ возвратился наканунѣ взятія Праги.

Всѣмъ извѣстно, что ни тройные Прагскіе окопы, ни суровая Октябрьская непогода съ проливнымъ дождемъ, ни твердая рѣшительность защитниковъ Праги побѣдить или умереть подъ ея развалинами, ничто не остановило Суворова. Прага покорилась 24 Октября. Лаврентъ пишетъ: «Прага была взята приступомъ въ четыре часа. Едва ли въ военной Исторіи есть примѣръ такого быстраго и отважнаго подвига.» Суворовъ самъ это объяснилъ: «Если бы я медлилъ,» говоритъ онъ, «то голодъ постигъ бы насъ въ странѣ опустошенной, а что и того хуже, между Союзниками начались бы переговоры, споры и разномысліе; внезапность и быстрота все рѣшили.»

Суворовъ приказалъ разбить палатку на развалинахъ Праги. Въ ночь на 25 Октября явились послы изъ Варшавы. Принявъ ихъ на другой день по утру, Суворовъ сорвалъ съ себя саблю, бросилъ ее и воскликнулъ: «Миръ, тишину и спокойствіе, забвеніе прошедшаго, жизнь и

сохраненіе вашихъ имуществъ даруетъ вамъ
Екатерина.»

Въ числѣ отличившихся на приступъ Праг-
скомъ были Князь Д. В. Голицынъ , А. П. Ер-
моловъ ; оба они получили Георгія 4-й степени.
«Молоды, молоды они,» говорилъ Суворовъ, «но
пойдутъ. Орлы юные по взовыются и полетятъ.»
По окончаніи приступа Графъ Зубовъ раненъ
былъ въ ногу и лишился ее. «Тяжелая, тяже-
лая рана,» сказалъ Суворовъ ; «жаль только , что
не на приступъ.» А Державинъ , утѣшая ране-
наго , въ стихахъ своихъ къ нему говорилъ :

«Чтожъ въ свѣтѣ есть славный сей доли,
Какъ кровь по должности пролить?
Теперь и зависть противъ воли
Должна въ тебѣ героя чтить.» (*)

Съ объявленіемъ тишины и спокойствія всту-
пилъ Суворовъ въ Варшаву. Произведя его въ
Фельдмаршалы , Екатерина писала къ нему :
«Вы знаете , что Я безъ очереди не произвожу
въ чины. Не могу обидѣть старшаго; но вы са-
ми себя произвели въ Фельдмаршалы : вы поко-
рили Польшу.» }

При Екатеринѣ военныя дѣйствія тѣмъ же
кончились , чѣмъ и при Петрѣ I , то есть , по-
ходомъ Русскихъ въ Персію. Къ остановленію
мятежныхъ замысловъ Аги-Магометъ-Хана, Ека-
терина отправила войско , подъ начальствомъ
Графа В. А. Зубова. Увѣряютъ , что тотъ самый
Персіянинъ , который некогда вручилъ ключи

(*) См. Стихи Державина къ Красавцу.

Дербента Петру I, жилъ еще тогда и снова поднесъ ихъ Русскимъ.

День 25 Іюня 1796 года ознаменованъ рожденіемъ нынѣ царствующаго ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА. Поэтъ — историкъ вѣка Екатерины II говорилъ:

«Блаженная Россія!
Среди твоихъ чудесъ
Отъ высоты святыя
Еще залогъ небесъ
Прими и веселся,
Сугубымъ блескомъ освѣтись!»
«Се нынѣ духъ Господень
На Отрока сошелъ;
Прекрасенъ, благороденъ,
И какъ заря разцвѣлъ
Онъ въ пеленахъ лучамъ:
Дитя равняется съ Царями!
Родителямъ по крови
По саву — исполнишь;
По благости, любви
Полсвѣта властелинъ:
Онъ будетъ, будетъ славенъ,
Душой Екатерины равенъ.»

Между тѣмъ, когда оружіе Русскихъ дѣйствовало въ Персіи, юный Генералъ Бонапартъ въ предѣлахъ Італіи, шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ. Никто изъ политиковъ того времени, ни Питтъ, и ни одинъ изъ Кабинетовъ Европейскихъ не предвидѣли, даже и сама Франція не знала, что въ немъ заключается и ея судьба и судьба Европы. Это угадалъ одинъ нашъ Суворовъ; и не удивительно: онъ былъ первымъ

полководцемъ своего времени, и по генію своему судилъ о геніи новаго полководца. Теперь говорятъ, что изрѣченіе Суворова: «тактика безъ исторіи—потемки» сдѣлалось общимъ изрѣченіемъ. Согласенъ. Въ наше время ходъ наукъ сталъ несравненно быстрее. Но и въ каждой наукѣ есть то, что какъ будто превышаетъ ее: это сила размышленія. Были и при Ньютонѣ ученые физики и математикѣ; но никому не удалось открыть новыхъ тайнъ міра небеснаго. Когда у Ньютона спросили, какъ онъ до этого достигъ? Онъ отвѣчалъ: размышленіемъ. А что Суворовъ, посредствомъ того же размышленія, угадалъ и разгадалъ Генерала Бонапарта, о томъ предложу очевидное доказательство.

Замѣчу здѣсь, что пламя первой войны съ Портою Оттоманскою при Екатеринѣ возгорѣлось 1769 года, то есть въ годъ рожденія Наполеона Бонапарта. Онъ вступилъ въ колыбель въ Августъ, а у насъ приготовленія къ войнѣ начались въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Замѣчу также, что и послѣдняя война въ Россіи, начатая въ царствованіе Екатерины, кончилась 1796 года.

Не стану здѣсь умствовать о такомъ сближеніи событій нашего Отечества, съ человекомъ, который въ Россіи разстался съ своимъ могуществомъ; но въ годахъ 1769 и 1796, какъ будто высказана какая-то чудная судьба. Въ годъ послѣдней войны при Екатеринѣ, переставте двѣ послѣднія цифры (96 — 69) и выйдетъ годъ рожденія того Наполеона, котораго нога исходила всю Европу изъ края въ край, и наконецъ

коспулась нашего древняго Кремля. Что здѣсь видимъ, судьбы ли Провидѣнія, или дѣйствія слѣпаго случая? Не разсуждаю и объ этомъ. Скажу только, что Суворову предлагали начальство надъ войскомъ, назначеннымъ въ Персію, и что тотъ же Суворовъ, который, 1791 года, когда поручено ему было обозрѣніе Финляндскихъ крѣпостей, писалъ къ Князю А. И. Горчакову: «Мнѣ здѣсь мало дѣла. Я въ непрестанной мечтѣ. Но почти могу быть обращенъ повсюду;» что тотъ же Суворовъ, не только не принялъ начальства, но всѣми силами отбивался отъ него. (*) Напротивъ того, 1780 года, когда съ ввѣренными ему войсками, онъ ожидалъ въ Астрахани похода въ Персію, и когда обманулся въ надеждѣ своей, онъ писалъ къ Потемкину: «Меня отсюда удаляютъ; я сталъ здѣсь не нуженъ. Свѣтъ работаетъ случаю.» (**) Но 1796 года, и душою и мыслию былъ онъ тамъ, гдѣ при первомъ шагѣ своемъ Генералъ Бонапартъ, какъ будто превзошелъ и подвиги Ганнибала и славу Кесаря въ Принца Евгенія: онъ былъ въ Италіи, наблюдалъ каждый слѣдъ новаго героя и отъ 27 Октября писалъ племяннику своему Князю А. И. Горчакову:

«Comme il va ce jeune Bonaparte ! C'est un héros , un géant, un sorcier. Il triomphe de la nature et des

(*) Объ этомъ, между прочимъ, см. въ Журналѣ для Военно-Учебныхъ Заведеній.

(**) Подлинникъ этого письма находится въ рукописи, переданной мною Графу М. С. Воронцову.

hommes; il a tourné les Alpes, comme si elles n'existaient pas; il a caché dans sa poche leurs terribles rochers, et il a mis son armée dans la manche droite de son uniforme. Il semblait, que l'ennemi ne voyait ses soldats, que lorsque il les lançait comme la foudre de Jupiter, qui sémait partout la terreur et terrassait les bandes éparses des Autrichiens et des Piémontais. O, comme il va! Dès le premier pas dans la carrière du commandement, il a coupé le noeud gordien de la tactique. Sans s'embarasser du nombre, il attaque partout l'ennemi et le bat en détail. Il connaît la force irrésistible du choc—et c'est tout. Ses adversaires persisteront dans leur tactique banale, soumise aux plumes des Cabinets; et lui—il porte son conseil de guerre dans sa tête. Il est libre dans ses opérations, comme l'air qu'il respire; il marche, il agit, il triomphe au gré de ses désirs.

«Et tandis que le monde européen et la tactique se renouvellent, je languis dans un lâche repos, je succombe sous le poids d'une vie inactive et oisive.

«Voici ma conclusion : tant que le Général Bonaparte conservera sa présence d'esprit, il sera vainqueur; les grandes combinaisons de l'art militaire lui sont échues en partage. Mais si pour son malheur il s'élance dans le tourbillon politique, s'il rompt l'unité de la pensée—il se perdra.»

«О, какъ шагаетъ этотъ юный Бонапартъ! Онъ герой, онъ чудо-богатырь, онъ колдунъ! Онъ побѣждаетъ и природу и людей; онъ обошелъ

Альпы, какъ будто бы ихъ и не было; онъ спря-
талъ въ карманъ грозныя ихъ вершины; а вой-
ско свое затаилъ въ правомъ рукавъ своего мун-
дра. (*) Казалось, что непріятель тогда только
видѣлъ его солдатъ, когда онъ ихъ устремлялъ,
какъ громъ Юпитера, съющій повсюду страхъ и
поражающій разсѣянныя толпы Австрійцевъ и
Піемонтцевъ. О, какъ онъ шагаетъ! При пер-
вомъ шагѣ на пути военачальства, онъ разру-
билъ гордіевъ узелъ тактики. Не заботясь о чи-
слѣ, онъ вездѣ нападаетъ на непріятеля и раз-
биваетъ его. Онъ знаетъ непреодолимую силу
натиска—а это все. Сопротивники его будутъ
упорствовать въ вялой своей тактикѣ, подчивен-
ной перьямъ кабинетнымъ; а у него военный
совѣтъ въ его головѣ. Онъ свободенъ въ своихъ
дѣйствіяхъ, какъ воздухъ, которымъ онъ ды-
шетъ; онъ дѣйствуетъ, движетъ полки свои и
побѣждаетъ по волѣ своей!

«И, между тѣмъ, когда в міръ Европейскій и
тактика обновляются, я цѣпкою въ позорномъ

(*) Это шутка. Вотъ исторія: «En arrivant sur les hau-
teurs du Monte-Zembo, l'armée française contem-
ple avec étonnement la chaîne gigantesque des Al-
pes, qu'elles voyait autour et derriere elle, sans les
avoir franchies. Annibal, dit le Général Bonapar-
te, a franchies les Alpes, nous les avons tournées.»
«Достигнувъ вершины горы Зембо, войско Французское
съ удивленіемъ обозрѣвало испанскую пѣту Альповъ,
развивавшуюся предъ нимъ и за нимъ.» — «Аннибалъ»,
сказалъ Бонапартъ, «перешелъ Альпы, а мы ихъ обо-
шли.»

спокойствіи ; я изнемогаю подъ бременемъ жизни праздной и бездѣйственной.

Вотъ мое заключеніе :

«Пока Генералъ Бонапартъ будетъ сохранять присутствіе духа, онъ будетъ побѣдителемъ; великія соображенія военнаго искусства достались ему въ удѣлъ. Но если къ несчастію своему, онъ бросится въ вихрь политическій, если разорветъ единство мысли—онъ погибнетъ.» (*)

И вполнѣ сбылось предреченіе Суворова; онъ разгадалъ своего соперника. Но не осуществились слова юнаго поэта Карла Подье, который полагалъ, что если Наполеонъ возвратится въ ряды своихъ воиновъ и оттолкнетъ отъ себя великолѣпіе и пышность, онъ устоитъ въ лаврахъ побѣдоносныхъ. 1805 года, Наполеонъ возвратился въ ряды своихъ воиновъ, такъ сказать, простымъ ратникомъ; но политическая борьба, волновавшая его душу отъ исхода 1799 года до 1805, говоря словами Суворова: *раздвоила его мысль*. Кромѣ вѣтшней войны, онъ былъ въ войнѣ съ самимъ собою и съ политическимъ существованіемъ Европы. Скажемъ просто и безъ

(*) Вотъ какъ мнѣ досталось это письмо. Поэтъ Князь Горчаковъ давалъ обѣдъ, на которомъ у него были племянники Суворова Князья Горчаковы и я. Вмѣсто того посланія, въ которомъ онъ говорилъ, что у насъ,

«Журналовъ тысячи, а книги въ одной,»

поэтъ прочиталъ намъ тактику своего сочиненія, а Князь Алексѣй Платовичъ прочиталъ вышеупомянутое Французское письмо своего дяди. Поэтъ отъ него былъ въ восхищеніи и хотѣлъ помѣстить его въ своей тактикѣ, а я тогда же его списалъ.

укоризнѣ, словомъ историческимъ : онъ хотѣлъ быть и родоначальникомъ своего поколѣнія и политическою главою всей Европы.

Правду ли писалъ Альфредъ де Виньи , будто Бонапартъ, въ званіи еще пожизненнаго Консула, говорилъ Папѣ Пію VII : «Я труженикъ, я мученикъ; я обязанъ день и ночь заботиться о жребіи братьевъ и сестеръ моихъ.» Не знаю. Но въ то самое время, когда Питтъ и другіе Европейскіе дипломаты, почитали Императора Наполеона опаснымъ для Европы, онъ самъ повѣстилъ мимо всехъ другихъ умствователей, что онъ долженъ ослабѣть отъ непрерывныхъ душевныхъ волненій. 1805 года 24 Ноября, наканунѣ Аустерлицкаго сраженія, онъ сказалъ своимъ Маршаламъ : «Еще пять или шесть лѣтъ, и порывы мои къ битвамъ укротятся и духъ мой охладѣетъ.» Вскорѣ потомъ, воцаря брата своего Іосифа въ Испанію, онъ писалъ къ нему : «Жизнь—сонъ смутный.» Вотъ почему вмѣнялъ онъ дѣйствительную жизнь въ ничто, и переселялся мыслію въ даль вѣковъ и въ бытіе потомственное ; вотъ почему торопился къ цѣли своей, состоявшей, по собственнымъ его словамъ, въ томъ, чтобы «на Конгрессѣ Европейскихъ Государей повѣстить о новомъ преобразованіи и сложить съ себя верховное диктаторство. Возражать, что онъ могъ бы это сдѣлать не входя въ Россію, въ Маѣ 1812 года, въ Дрезденъ, гдѣ было соединеніе Европейскихъ Владѣтелей ; Король Испанскій былъ тогда у него плѣнникомъ ; Давія была на его сторонѣ и Наслѣдный Принцъ

Шведскій, прежній Маршалъ Бернадоттъ, безъ сомнѣнія, по призыву его явился бы въ Дрезденъ. Все это не удовлетворяло Наполеона.

Хотя Екатерина писала къ Принцу Деллингу, что «Россія не въ Европѣ: но Наполеонъ иначе мыслитъ. Онъ видитъ, что Россія въ теченіи пятидесяти лѣтъ, не взирая на всѣ войны, часъ отъ часу болѣе возрастала и усиливалась и что всѣ его дипломатическія предпріятія въ Европѣ, рано или поздно уничтожатся возстаніемъ нашего Отечества и потому онъ двинулся въ Россію.

Говорю объ этомъ тогда, когда и Суворова и Наполеона нѣтъ на свѣтѣ; но мысль человеческая переживаетъ и годы и столѣтія. Осуществилось предсказаніе Суворова о раздвоеніи мысли Наполеона: но тоже самое случилось и съ нимъ въ Италіи, когда съ геніемъ полководца нужно было соединить извороты политика. Упомянуто уже было въ I-й части Русскаго Читанія, что и всѣ блистательныя его побѣды въ странахъ древнихъ Римлянъ ни на шагъ не остановили хода тогдашнихъ обстоятельствъ. И онъ, какъ будто изумясь, отъ чего все идетъ не по немъ, сказалъ: «Кроя чужую кровлю, своей не должно раскрывать.» (*)

(*) См. письма его изъ Италіи.

ГЛАВА XIX.

Очеркъ двухъ переходовъ Русской словесности отъ
Петра I до 1796 года.

Главная цѣль этого очерка та, чтобы показать какую пользу принесъ лиризмъ Русскому слову и какъ постепенно ослабѣвали оды, бывшія въкогда особеннымъ предметомъ нашихъ стихотворцевъ. Въ борьбѣ вышедшихъ мнѣній и новыхъ умозрѣній о словесности, бесполезно говорить о томъ, что забыто или на время или навсегда. Гдѣ *Россіяда*, почитавшаяся въкогда славою нашей поэзіи? Гдѣ *Душенька*, названная «цвѣткомъ Русской словесности?» (*) Гдѣ всѣ трагедіи, сопровождаемыя громкими рукоплесканіями, когда въ нихъ играли Дмитревскій и Лапкинъ? Часто ли теперь являются на театрѣ *Недоросль* и *Бригадиръ* и гдѣ *Хвастунъ* съ остроумными намеками на свое время? Гдѣ *Бѣдная Лиза* и *Паталія Боярская дочь*, которыя такъ плѣняли и очаровывали тогдашнее юное поколѣніе? Гдѣ пѣсни Анакреона Пелединскаго? Тутъ по неволѣ скажешь:

(*) См. Зритель, издаваемый Крыловымъ 1792 года.

«Все со временемъ проходятъ
Славъ и всему конецъ.»

Теперь отыскиваютъ *положительное*. Оно душа законодательства и Петръ I объяснилъ, въ чемъ онъ состоитъ. (*) По можетъ ли существовать *положительное* въ поэзіи? Не знаю. Кто училъ Данта описывать *Адъ*; кто училъ Мильтона изображать и небо и преисподнюю? Кто одушевлялъ Шекспира, который въ нѣсколько часовъ переводитъ зрителей изъ одного края вселенной въ другой и скрываетъ отъ нихъ и отдаленность мѣстъ и разстояніе временъ?

Какъ бы ни было, а новая наша словесность, какъ тотчасъ увидимъ, началась при Петрѣ I не лиризмомъ и не одами.

Спрашивать: была ли у насъ словесность до Петра I, все то же, что спрашивать: было ли до этого времени слово человеческое въ землѣ Русской.

Гдѣ слово, тамъ и словесность: гдѣ радость или горе, тамъ и пѣсня веселая или заунывная. Гдѣ событія, тамъ и исторія письменная или преданія изустныя. Случается в то, что послѣднія переживаютъ первыя. Приступая къ сочиненію Записокъ, касательно Россійской Исторіи, Екатерина поручила тогдашнему Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, Графу Муссину-Пушкину, собрать сколько возможно письменныхъ памятниковъ Русской старины. Нѣкоторые удер-

(*) См. въ I-й части Русскаго Чтенія, Исторію Зерцала Петра I.

жала Она у Себя; но большая часть осталась въ рукахъ собирателя. Изъ числа ихъ, изданы имъ были двѣ рукописи, около 1805 года: Пѣснь о Полку Игоревомъ и Духовная Владиміра Мономаха. Всѣ же прочія были жертвою великаго Московскаго пожара 1812 года. Что же отъ нихъ осталось? Преданіе, что были памятники Русской старины, которые, можетъ быть, пополнили бы что нибудь въ нашихъ летописяхъ, и что они исчезли навсегда.

Это сказано мимоходомъ; а вотъ въ чемъ дѣло: мы теперь называемъ словесность «выраженіемъ общества.» Спрашиваемъ: было ли это выражение и въ словесности нашихъ предковъ? Было—и на это есть живыя свидѣтельства. Когда при Великомъ Князѣ Владимірѣ Святославичѣ, въ годѣну язычества, кнѣзи пирѣ и игры богатырскія, тогда пѣвцы въ громкихъ пѣсняхъ славили кубки задравныя и погѣхи удадыхъ витязей. Переменялось время, наступило удѣльное правленіе, забушевали раздоры и междоусобія, и тогдашніе *Болны* или поэты, представляли землю Русскую, облитую кровью, устланною костями; а Русскихъ воиновъ, какъ будто отъ самой колыбели «подъ шлемами повитыхъ, концемъ копья вскормленныхъ; съ луками напряженными, и всегда готовыми на гибель и своихъ и враговъ. Наконецъ, когда земля Русская растерзанная и раздробленная непрестанною внутреннею борьбою, подверглась тяжелому игу Монголовъ, тогда раздались тѣ заунывные пѣсни, которыя въ грустныхъ перебивахъ своихъ, какъ

будто несся изъ какой-то дали туманной. Но въ эти грустные дни торжествовала и духовная наша словесность. При малѣйшемъ намекѣ о шаткости вѣры, Пастыри нашей Церкви, собирались, и въ сильныхъ, разительныхъ поученіяхъ возстановляли духъ единомыслія, изобличая тѣ своевольныя мнѣнія, которыя кощунство съ наглою дерзостью распространяло въ шумныхъ пирахъ. (*) Была у насъ и такъ называемая *полемиическая* словесность; это видимъ въ письмахъ Іоанна Грознаго и Курбскаго, въ которыхъ они домогались оружіемъ слова побѣдить другъ друга, Я умолчалъ о лѣтописцахъ, продолжавшихся въ непрерывной связи отъ Нестора до царствованія Алексѣя Михайловича и далѣе. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, Симеонъ Полоцкій перелагалъ Псалтирь въ стихи; а Св. Димитрій Ростовскій сочинялъ Четь-Минею, лѣтописъ и издавалъ многія другія произведенія, не обходя Виргилія и другихъ древнихъ стихотворцевъ. Были у насъ рассказы въ пѣсняхъ или баллады, были и драматическія сочиненія. Н. М. Карамзинъ говоритъ, что онъ видѣлъ трагедію, сочиненную и писанную собственною рукою Царевны Софіи Алексѣевны; и эта трагедія вмѣстѣ съ другими памятниками Русской старины погибла также въ Московскомъ пожарѣ.

Вотъ краткій очеркъ словесности до Петра I. Не разбираю ни слога, ни произведеній. Но изъ этого очерка видно, что у предковъ нашихъ бы-

(*) См. Русскій Лѣтописецъ въ 5 частяхъ, изд. П. Львовымъ.

ла словесность и въ свое время и выраженіемъ своего времени. Почти при первомъ шагѣ преобразованія прежней земли Русской въ нынѣшнюю Россію, вся наша словесность перешла въ одну мысль: преобразовательную и политическую. Мысль Петра I вела за собою весь умы и въ дѣлѣ военномъ и въ дѣлѣ гражданскомъ. II — странное дѣло, на этомъ новомъ поприщѣ, явился первый—*Посадскій крестьянинъ Певанъ Посошковъ*. Въ первый годъ XVIII столѣтія, т. е., 1700 года, онъ препроводилъ къ Болярину Головину рукопись свою о ратномъ дѣлѣ. Онъ доказывалъ въ ней о необходимости *цѣльной стрѣльбы*. II тутъ же предложилъ весьма остроумныя замѣчанія о вліяніи почтовыхъ нашихъ сношеній съ иностранцами на внутреннюю нашу торговлю. Объ этой рукописи, напечатанной Розановымъ, упоминалъ я въ Русскомъ Вѣстникѣ 1808 года. Года же два тому назадъ, прочиталъ я въ Москвитянинѣ пространную и весьма дѣльную статью того же Посошкова, о призывѣ изъ всѣхъ сословій опытныхъ людей въ своемъ дѣлѣ, по человѣку на совѣщательное собраніе. Въ этомъ числѣ онъ полагалъ и земледѣльца, и ремесленника и каждаго, кто только занимался какимъ нибудь трудомъ и работою. Въ это время я читалъ мелкія сочиненія историка Барона Барпта, и, къ удивленію моему увидѣлъ, что въ первый годъ XV столѣтія, писалъ о томъ же во Фравціи, какой-то дотолѣ неизвѣстный гражданинъ и во всѣхъ подробностяхъ согласно мысли Посошкова. Это доказываетъ, что здравый смыслъ

всегда и вездѣ плетъ одинакими путями. Вскорѣ потомъ, вышло сочиненіе Шафирова о причинахъ войны съ Швеціею; а около 1717 года напечатана была книжка о посольствѣ Матвѣева и Бестужева. Тогда же переводилась у насъ и Пуффендорфова политическая Исторія; а самъ Петръ занимался своими поденными записками о военныхъ дѣйствіяхъ, о чемъ недавно предложилъ въ Современникѣ съ большою отчетливостію нашъ историкъ г-нъ Устряловъ. Извѣстно также, что въ 1812 году, Императоръ Александръ писалъ къ Барклаю де - Толли: «Читайте и перечитывайте Военный Журналъ Петра I.» Въ самомъ дѣлѣ, тогда минувшее переходило въ настоящее; по примѣру Петра уступленіемъ земли и частными сшибками, истощали непріятеля, сберегая общія силы для главной битвы.

При Петрѣ Великомъ, такъ называемый нынѣ, лиризмъ, отклонялся только въ торжественныхъ словахъ Теофана Прокоповича. Оды безмолвствовали. Кромѣ поденныхъ записокъ о военныхъ дѣйствіяхъ Петръ неутомимо занимался сочиненіями о различныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. По новости всего этого, часъ отъ часу болѣе затѣснялись въ Русскомъ нашемъ словѣ выраженія иностранцыя и до того размножились, что издавъ былъ въ нынѣшнемъ столѣтіи Словотолкователь, составляющій огромную книгу.

Первымъ лирическимъ поэтомъ былъ у насъ Холмогорскій уроженецъ Ломоносовъ; но прогрессъ на лирѣ въ честь Хотина, и онъ безмол-

ствовалъ во все царствованіе Анны Іоанновны. А какъ вновь откликнулась его лира, вотъ что мнѣ рассказывалъ М. М. Херасковъ: «И. И. Шуваловъ, ожидая скорого возвращенія Елисаветы изъ Москвы, 1742 года, пригласилъ къ себѣ Ломоносова, и спросилъ: «Будетъ ли у васъ Ода на пріѣздъ Императрицы?» — «Ода!» возразилъ Ломоносовъ. «Мнѣ и на мысль не приходили оды съ тѣхъ поръ, какъ Тредьяковскій изъ рабскаго подобострастія къ Бирону, сперва ему прохрипѣлъ какую-то Оду, а потомъ, по его же повелѣнію, накропалъ другую на восшествіе на престолъ малолѣтнаго Іоанна. (*) И чтобъ этимъ рифмамъ дать ходъ, означилъ подъ ними мое имя. Эта нелѣпая клевета такъ меня поразила, что я отрекся навсегда отъ одъ.» — «Стало быть, Михайло Васильевичъ, вы не любите Елисаветы.» — «Что вы говорите?» воскликнулъ Ломоносовъ. «Я не люблю Елисаветы, Дочери Петра Великаго и Ангела Россіи!» Тутъ, въ восторгъ вдохновенія, схватилъ онъ перо и написалъ три строфы:

«Какой пріятный зефиръ вѣетъ
И нову силу въ чувства льетъ!
Какая красота являетъ
Что всѣхъ умы къ себѣ влечетъ?
Мы славу Дщери зримъ Петровой,
Зарей торжествъ свѣтящу новой,
Чѣмъ ближе та сіяетъ къ намъ
Мрачаѣе ночь грозитъ врагамъ,

(*) Ода эта перепечатана изъ старинныхъ Петербургскихъ вѣдомостей въ Сынѣ Отечества.

Брега Невы руками плещутъ
Брега Балтійскихъ водъ трепещутъ.» и т. д.

«Моя Россіяда,» продолжалъ Херасковъ, «доставила мнѣ листокъ, на которомъ безсмертный Ломоносовъ нависалъ эти три строфы. Окончивъ мою поэму я препроводилъ ее къ И. И. Шувалову и получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Съ удовольствіемъ и съ жадностію прочиталъ я Россіяду. Чѣмъ васъ за нее благодарить? Препровождаю къ вамъ начало первой Оды въ царствованіе Елисаветы, собственной руки Ломоносова. Этой драгоценности приличіе всего быть въ вашихъ рукахъ. Я люблю музъ, а музы васъ любятъ.»

Такъ говорилъ мнѣ Херасковъ въ исходъ Ноября 1806 года и примолвилъ: «Теперь я упоминаю о моей Россіядѣ, а она какъ будто и не моя. Я люблю И. И. Дмитріева и произведенія его пера; но мнѣ странно было слышать, что поэму мою ставятъ на ряду съ его Голубкомъ.»

Возобновя оды, Ломоносовъ не льстилъ Елисаветѣ. Въ 20-ти лѣтнее Ея царствованіе, и небо и земля, какъ будто ликовали и радовались уничтоженію *правезей*, которыми ненасытная корысть Бирона, истомляла и изнуряла сельскій бытъ Русскихъ земледѣльцевъ. Не было ни одного неурожайнаго года; села и деревни процвѣтали привольною жизнью. Вотъ почему, царствованіе Елисаветы, современники называли «золотымъ вѣкомъ.»

Не возбуждалъ Ломоносовъ героини своей и къ торжествамъ военнымъ. Не смотря на успѣ-

хи Русскаго оружія противъ Шведовъ , которые говорили, что они воюютъ не противъ Русскихъ, но противъ иностранцевъ , захватившихъ управление въ Россіи. Она прекратила эту войну и Ломоносовъ во второй Одѣ своей вложилъ въ уста Ея слѣдующія слова:

«Мнѣ позно тѣхъ побѣдъ, сказала:
«Для конхъ льется крови токъ ,
«Я Россю счастьемъ наслаждаюсь,
«Я ихъ блаженствомъ не мѣняюсь
«На цѣлый Западъ и Востокъ.»

А когда въ Европѣ вспыхнула война, нашъ поэтъ говорилъ Елисаветѣ:

«Щедротъ источникъ, Ангелъ мира;
«Богиня радостныхъ сердецъ,
«На коей какъ вара порфира,
«Какъ солнце, тихихъ дней — вѣнецъ,
«Возможно ль при Твоей Державѣ ,
«Въ Европѣ страшну зрѣть войну?»

Наконецъ , когда Русскіе готовились принять участіе въ Семилѣтней войнѣ , Ломоносовъ писалъ:

«Нѣ мало смертны мы родились,
«И должны удвоить свой тѣлѣцъ,
«Еще ль мы мало утожились,
«Житейскихъ тягостю бремени?
«Воззри на слезы престарѣвшихъ,
«Воззри на плачь осиротѣвшихъ.
«Воззри на скорбь Твоихъ людей!»

Лиризмъ не помѣшалъ Ломоносову написать

чистою Русскою прозою , первый Указъ , воспо-
 слѣдовавшій при Елисаветѣ (*) и входитъ рачи-
 тельно во все подробности благосостоянія Рус-
 скаго народа. Все статьи о томъ, напечатаны въ
 Москвитянинъ. Торжественный лиризмъ Сумаро-
 кова вовсе беззвученъ. Лучшая его Ода въ честь
 Петра I , написана хореемъ. Но и плохой ли-
 ризмъ не препятствовалъ ему заниматься обще-
 народною пользою. Онъ первый повѣстилъ о не-
 обходимости хлѣбныхъ запасовъ; онъ первый воз-
 ставалъ противъ дороговизны въ неурожайные
 годы; онъ первый 1762 года въ похвальномъ
 Словѣ Екатерины отважною рукою сорвалъ за-
 вѣсу съ происковъ ябеды и лихоимства. Незаб-
 венны и слѣдующія его слова : «Я не могу при-
 касаться къ пищѣ, орошенной слезами страдалъ-
 цевъ.» Онъ также первый при Екатеринѣ воз-
 высилъ голосъ въ пользу древней Эллады. Стран-
 ности Сумарокова сошли съ нимъ въ могилу; а
 нѣкоторыя изъ его мыслей ждутъ еще развитія
 своего. Современникъ его Василій Петровъ , къ
 чистому Русскому лиризму Ломоносова примѣ-
 шалъ Славянскія нарѣчія , по собственному ли
 побужденію, или угождая Екатеринѣ? Не
 знаю. Но и онъ не льстилъ Императрицѣ. (**)

1783 года , былъ , такъ сказать , переломъ въ
 лиризмѣ. Геній Екатерины II открылъ въ сло-
 весности новые пути генію Державина. Фелица,
 Царевичъ Хлоръ , Роза безъ шиповъ , Бояринъ

(*) См. въ I-й части Русскаго Чтенія, Исторію Зеркала Петра I.

(**) См. Посланія его къ Екатеринѣ.

Рѣшмысль — все это изъ сказокъ Екатерины перешло въ его поэзію. Первый порывъ вдохновенія выразилъ онъ въ Одѣ Фелиць, напечатанной въ Собесѣдникѣ Любителей Русскаго Слова. Въ квивкахъ того же Собесѣдника, Я. Б. Княжницъ, отпѣлъ прощальную пѣснь лиризму, въ посланіи Княгини Е. Р. Дашковой.

Вотъ его стихи :

«Я вѣдаю, что дерзки оды,
 «Которы вышли ужъ изъ моды,
 «Весьма способны докучать.
 «Онѣ всегда Екатерину,
 «За риемой безъ ума гонясь,
 «Уподобляли райску крину:
 «И въ чинѣ пророковъ становясь,
 «Въщая съ Богомъ, будто съ братомъ,
 «Безъ опасенія перомъ
 «Въ своемъ взаимѣ восторгѣ взятомъ
 «Вселенну становя вверхъ дномъ,
 «Отселя въ страны богаты златомъ
 «Пускали свой бумажный громъ;
 «Насъ по уши обогащали
 «И Индъ и Гангъ поработали.
 «Но какъ ни щедры въ чудесахъ
 «Они, которы предвѣщали,
 «Все сказанное въ ихъ стихахъ —
 «Ничто предъ громкими дѣлами
 «Царицы правящія пами.
 «И такъ не чудно то, когда
 «Докучныхъ зирь стихивсты чада,
 «Твердя все тоже завсегда
 «Уморою сухаго склада,
 «Могли вниманье отвратить
 «Воспѣтой ими Геронни;
 «И только отъ своей богини
 «Одно зѣванье заслужить.»

Изъ всѣхъ поэтовъ того времени, одинъ только

Княгининъ не заставлялъ Екатерину звать, своимъ высокопарнымъ лиризмомъ. Онъ не написалъ ни одной торжественной Оды. Хвалить Екатерину, говорилъ онъ, все то же, что опустить каплю въ океанъ. Вскорѣ потомъ, то есть 1788 года, по случаю взятія Очакова, Н. П. Николевъ, обмѣнявъ лиру на гудокъ, говорилъ :

«Строй кто хочетъ громку лиру,

«Чтобъ казаться въ высотѣ;

«Я построю пѣсню міру

«По солдатски на гудкѣ.

«Сумароковъ въ эпистолѣ

«Не моей указчикъ воли —

«Свой обычай у семьи.

«

«Былъ бы хлѣбецъ да волица

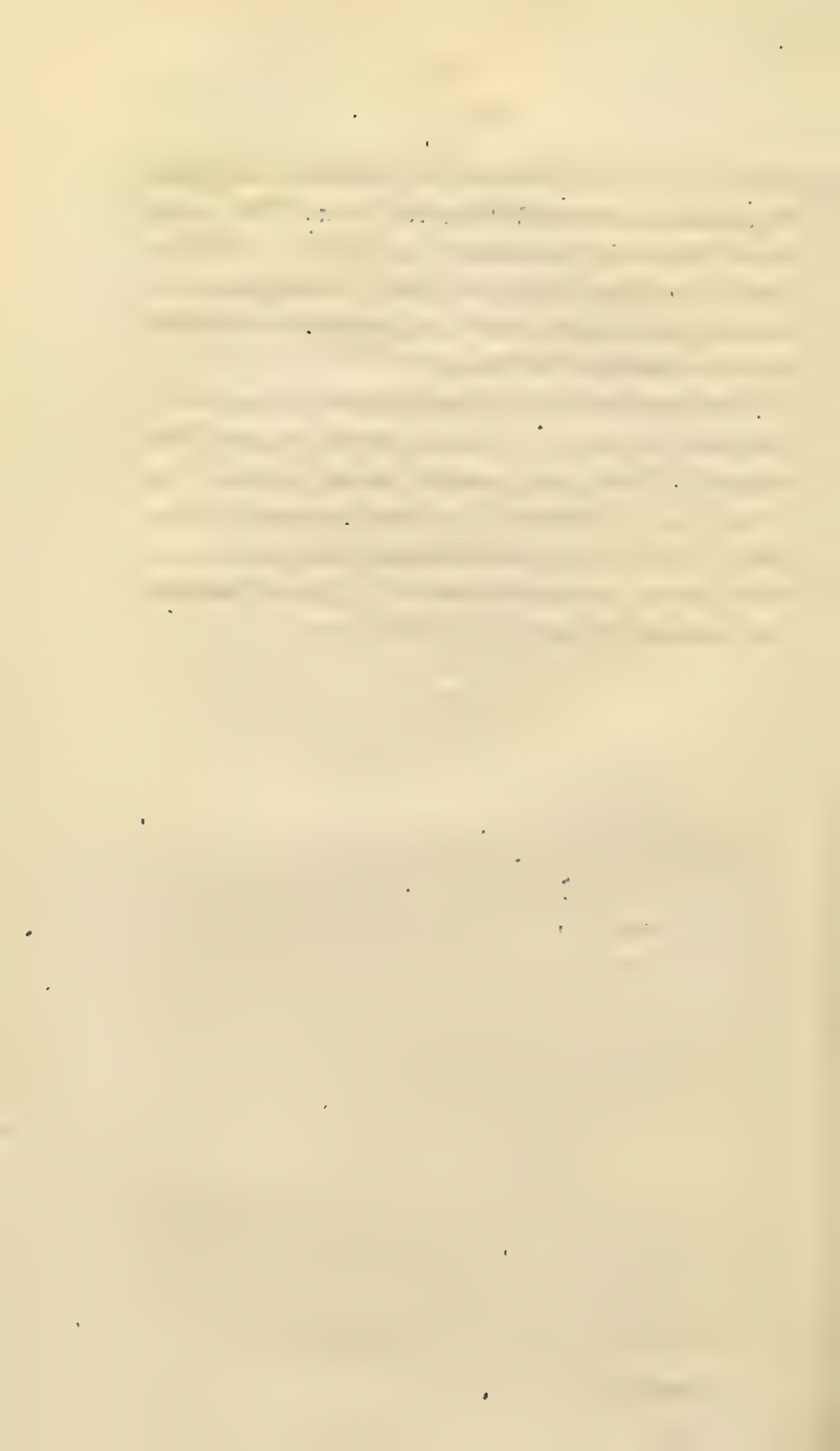
«Русь не смотритъ на часы,

«Въ сердцѣ Матушка-Царица.» и т. д.

Въ то же время Николевъ далъ лиризму и душевное направленіе, особенно въ изображеніи «Отца Отечества.» Н. П. ослѣпъ пятнадцати лѣтъ и обладалъ обширными свѣдѣніями. Въ примѣчаніи на посланіе свое Княгинѣ Дашковой, онъ помѣстилъ чрезвычайно умныя замѣчанія о всѣхъ подробностяхъ внутренняго государственнаго управленія. Извѣстно, что Императоръ Павелъ I подарилъ ему трость съ драгоценнымъ набалдашникомъ и съ надписью: «à l'aveugle clairvoyant;» (слѣпцу ясновидящему) и это сушая правда. Потемнѣвшими своими очами, онъ какъ будто проинца въ души и говорилъ въ одномъ изъ своихъ посланій: *я не люблю обогать мыслию по корь при-*

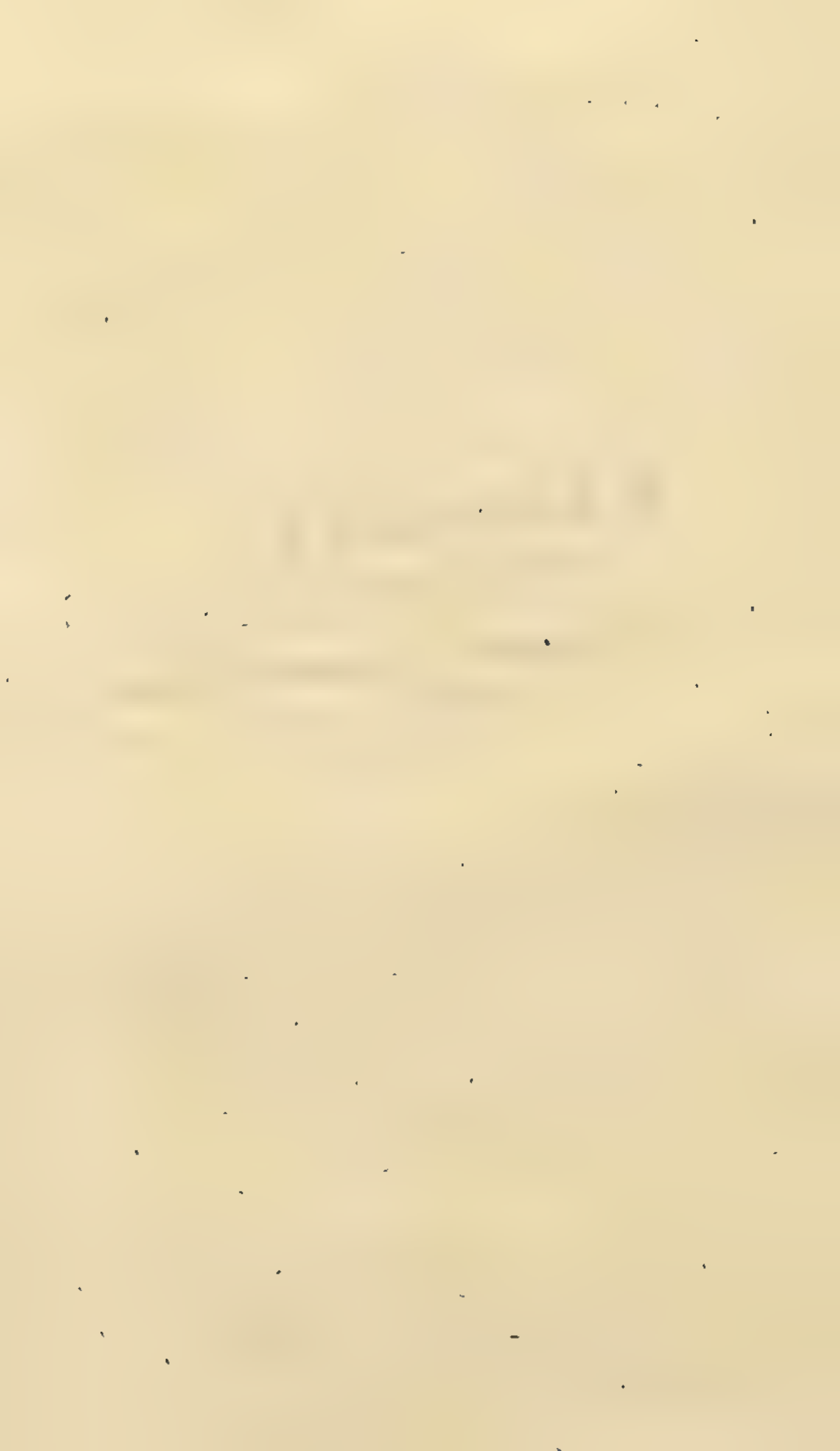
роды. Это былъ намекъ на вѣшнія картины Державинской поэзіи. Кажется около 1792 года, И. А. Крыловъ заключилъ при Екатеринѣ лиризмъ довольно огромною Одою. Испытавъ почти всѣ роды поэзіи, онъ остановился на басняхъ, и былъ увѣнчанъ за басни.

Нынче отыскиваютъ самобытную словесность; если она состоитъ въ томъ, чтобы силою природнаго слова предлагать мысли и все полезное для Отечества: то этого желала Екатерина. И пусть эта самобытная словесность дальше и болѣе распространяется и будетъ живымъ выраженіемъ общаго народнаго духа.

ГЛАВА XX.

Люди въка Екатерины II на мирномъ поприщѣ.

Одинъ изъ ораторовъ Англійскаго Парламента, 1836 года, сказалъ : «Есть победы мирныя, победы блистательныя ; не оглашая страны земныя громами убійственными, онѣ устрояютъ внутренность Отечества и охраняютъ человѣчество на всѣхъ его путяхъ. Такою побѣдою увѣнчалась Екатерина въ началѣ своего царствованія; Она вступилась за невинность. При Елисаветѣ изворотливая клевета очернила Бестужева-Рюмана и представила его врагомъ Россіи, гдѣ онъ со временъ Петра I служилъ правдою и по совѣсти своей. Екатерина, защищая Бестужева-Рюмана, и возстановляя вполне общественную его жизнь, въ Указѣ, изданномъ по этому случаю, писала : «Хотя всему свѣту извѣстно, что Вселюбезнѣйшая Тетка Наша Императрица Елисавета Петровна, была прозорливая, просвѣщенная, милосердая, а притомъ правосудная Монархиня; но кромѣ Сердцевѣдца Бога, никому невозможно проникнуть въ человѣческія помышленія ; и потому нѣтъ сомнѣнія, что противъ воли и намѣре-

нія Ея, до сего времени обращались дѣла къ несчастію Бѣстужева—Рюмина.»

И. И. Бецкій. Не стану упоминать, когда и при какомъ Дворѣ Бецкій былъ при посольствѣ за границею, гдѣ въ быстрыхъ переворотахъ нашего вѣка, перемѣнилось все, кромѣ неба и земли. Скажу только, что въ дѣйствіяхъ его осуществилось изрѣченіе Лейбница: «Засѣянное въ настоящемъ, созрѣваетъ въ будущемъ.» Всѣ нынѣ существующія Человѣколюбивыя Заведенія, относятся къ предначертаніямъ Екатерины, приводимымъ въ исполненіе И. И. Бецкимъ. Основывая въ Москвѣ Сиротопитательный Домъ, Екатерина говорила: «Всего пріятнѣе для человека, взирать на того, кому Богъ далъ силу и хотѣніе дѣлать на свѣтѣ добро.»

Въ нѣкоторыхъ новыхъ Европейскихъ статистикахъ увѣряютъ, что обширное заведеніе, какъ бы ни было оно благотворительно, приводитъ въ оцѣпененіе дѣятельность въ частныхъ разрядахъ общества. Не вхожу объ этомъ въ споръ; но два главные обстоятельства поддерживаютъ и распространяютъ кругъ дѣйствій Воспитательнаго Дома. *Во-первыхъ:* твердое существованіе первоначальныхъ его постановленій. Цѣлыя поколѣнія людей перемѣнились въ немъ, а онъ остался неприкосновеннымъ. *Во-вторыхъ:* непрестанная нужда въ деньгахъ, особенно съ того времени, когда роскошь и мода запленили нашъ большой свѣтъ и увлекли его, такъ сказать, въ область мечтательныхъ нуждъ. Повторимъ и здѣсь, что Ломбардъ учре-

ждевъ былъ въ пособіе несчастныхъ случаевъ, пожаровъ и неурожаевъ, постигающихъ сельскій бытъ и для остановленія непасытной корысти ростовщиковъ. Теперь по закладу имѣній въ Ломбардъ осталось хотя что нибудь отъ мотовства; по продажѣ просроченныхъ селъ и деревень, закладчикамъ отдають то, что было выше ихъ долга. Съ другой стороны и бѣдные, въ вѣстивыхъ своихъ нуждахъ находятъ въ немъ вѣрное пособіе. Въ неусыпныхъ своихъ попеченіяхъ о Воспитательномъ Домѣ, Бецкій былъ и начальникомъ Кадетскаго Корпуса и Воспитательнаго Общества Благородныхъ Дѣвицъ; подъ его руководствомъ процвѣтала и Академія Художествъ. Письмоводителемъ его былъ Я. Б. Княжичъ, къ чести котораго упомянемъ, что Безбородко перезывалъ его къ себѣ, предлагая ему и повышеніе чина и умноженіе жалованья. Княжичъ отвѣчалъ: «Участіе въ полезныхъ трудахъ Бецкаго, почитаю для себя лучшею наградою, а продавать себя я не привыкъ.» Безбородко возразилъ: «Вы рѣдкій человѣкъ и мнѣ остается только завидовать вашему начальнику.»

Говорить ли о наградахъ, которыми Екатерина отличала Бецкаго? Весь этотъ блескъ промелькнулъ на подушкахъ при погребальномъ шествіи и навсегда отдалился отъ могилы. Замѣтимъ только, что къ дополненію всѣхъ почестей Екатерина предоставила Бецкому носить на груди собственный его портретъ, въ доказательство того, что исполненіе всѣхъ Ея благотворительныхъ предпріятій принадлежитъ ему. Но

трудны были пути Бецкаго ! И онъ подверженъ былъ пересудамъ превратнымъ ; и объ немъ говорили, что онъ затѣваетъ что-то *не-Русское*; какъ будто бы благотворительность можетъ затѣяться какою нибудь мѣстностью или временемъ. Не озабочиваясь никакою молвою , скромный Бецкій молчалъ и дѣйствовалъ. Вступаясь за него, Державинъ сказалъ :

«Но сколь несчастны человѣки!
 Не благодаренъ смертныхъ родъ!
 То всѣ доказываютъ вѣки,
 Что лишь за громомъ громъ идетъ.
 Увы ! Когда въ предѣлахъ свѣта
 Убийца бываетъ слава пѣта,
 Тогда забыть отецъ семействъ !
 Исторія есть цѣль злодѣйствъ.»

Демидовъ. Особеннымъ содѣйствователемъ въ основаніи Воспитательнаго Дома, былъ Демидовъ. Возразятъ, что онъ былъ богатъ ; много было богачей и тогда, но во что употребляли они свое богатство ? Какъ бы то ни было, но тогда еще великія событія нашего времени не доказали разительно, что воспитаніе бѣдныхъ и доставленіе имъ возможности жить своими трудами, обеспечиваютъ жребій людей богатыхъ. Эта истина принадлежитъ нашему вѣку ; но Демидовъ угадалъ ее и былъ основателемъ перваго Коммерческаго или Гражданскаго Училища въ Россіи. Вотъ его слава, переданная потомству въ слѣдующемъ докладѣ Императрицѣ, за подписями Графа Н. Панина, Эриста Мвниха, Князя А. Голицына, Графа П. Чернышева и Г. Теплова.

Всемиловѣйшая Государыня!

«Поднесенный Вашему Императорскому Величеству отъ Тайнаго Дѣйствительнаго Совѣтника Бецкаго планъ Коммерческаго Воспитательнаго Училища, мы нижеподписавшіеся, по Высочайшему повелѣнію Вашего Величества, разсматривали, и находимъ оный во всѣхъ его частяхъ и порядкѣ, какъ для пользы государственной вообще, такъ и для каждаго подданнаго Вашего Величества особенно полезнымъ. При чемъ мы обязательствомъ вѣрноподданной обязанности поставляемъ не оставить въ молчаніи здѣсь предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и всепокорнѣе представить Монаршему просвѣщенному принципію, встрѣтившіяся намъ особенныя уваженія при прочтаніи сего плана.

«Какъ сіе учреждающееся установленіе не токмо по поводу, но и на собственномъ знатномъ изживеніи дворянина Прокофія Демидова начало свое нывѣ пріемлетъ: то столь великое къ добру общему его усердіе и дѣйствительное благодѣяніе чѣмъ больше на будущія времена распространять будетъ плоды и пользу отъ нихъ всенародную, тѣмъ паче потомство наше умножать будетъ свое признаніе, благодарность и почтеніе къ имени сего благотворительнаго мужа, за его столь отличное и прямо всему Отечеству не временное, но такъ сказать, почти безконечное благодѣяніе.

«По такому уваженію, Всемиловѣйшая Государыня, мы обойтись не можемъ, чтобъ и самого виновника сего столь полезнаго учреж-

денія , не подвергнуть Монаршему особенному воззрѣнію и милости , дабы тѣ же самые наши потомки , въ то же время могли съ благодарностію знать и памятовать , съ какимъ милосердымъ , справедливымъ и щедрымъ для другихъ къ общему добру поощреніемъ , въ славное и благополучное царствованіе Вашёго Величества изливалось отъ Монаршаго Престола воздаяніе добродѣтельствующимъ обществу. »

Я сказалъ , что не буду предлагать никакихъ біографій ; но просто буду говорить о томъ , что слышалъ , или что самъ знаю и начну съ людей подписавшихъ вышеприведенный докладъ.

Графъ Н. Н. Панинъ. Всѣмъ извѣстно , что въ званіи Министра Иностранныхъ Дѣлъ , Графъ Панинъ былъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ несогласенъ съ Екатериною ; но Она не лишала его Своей довѣренности. Извѣстно также , что по присоединеніи Бѣлорусскаго края къ Россіи , Панину дано было нѣсколько тысячъ душъ и что онъ роздалъ ихъ своимъ чиновникамъ. Екатерина это знала и не упрекала его. Прославляютъ подвигъ Я. О. Долгорукаго , противорѣчившаго Указу Петра I , Такой же подвигъ принадлежитъ и Графу Панину. Однажды Екатерина Сама читала въ Сенатѣ Указъ о налогѣ на соль ; всѣ Сенаторы слушали въ глубокомъ молчаніи , а Панинъ , *остановилъ Указъ.* (*) Засѣданіе кончилось ; Сенаторы разѣхались. По обыкновенію своему , Панинъ , послѣ обѣда отдыхалъ и дремалъ въ

(*) См. Похвальное слово Екатерины.

креслахъ. Внезапный прїездъ къ нему Императрицы, встревожилъ было его домашнихъ; но Императрица тихо спросила: «что дѣлаетъ Графъ?» Ей отвѣчали, что онъ спитъ. «Такъ не безпокойте же его, Я здѣсь подожду.» Между тѣмъ успѣли разбудить Графа и онъ поспѣшилъ на встрѣчу къ Государынѣ. «Вы правы, Графъ,» сказала Она, «вы исполнили долгъ вѣрнаго сына Отечества.»

Графъ Эрнстъ Минихъ. Въ мѣрныхъ Русскихъ лѣтописяхъ, Минихъ оставилъ имя свое въ двухъ событіяхъ: въ основаніи Перваго Кадетскаго Корпуса и въ учрежденіи перваго Гражданскаго Училища въ Россіи. Послѣдніе годы его жизни принадлежатъ царствованію Екатерины. Еще 1764 года Екатерина, путешествуя по приморскимъ областямъ Эстляндіи и Лифляндіи, осматривала Рогервикскую гавань, устроенную Графомъ Минихомъ, въ вѣдѣніи котораго былъ Балтійскій портъ. На другой день Она обѣдала у Миниха; восхищенный посѣщеніемъ Императрицы и желая бесѣдовать съ Нею и заочно, онъ въ послѣдствіи писалъ къ Ней: «Посвятите мнѣ каждый день хотя одинъ часъ, или еще и меньше и назовите сіе время часомъ *Фельдмаршала Миниха.*» Екатерина исполнила его желаніе. За два года предъ тѣмъ, Она говорила ему, что съ шести часовъ вечера, дверь Ея Кабинета для него отворена и въ одномъ изъ писемъ Своихъ писала: «Не заботьтесь о пустыхъ рѣчахъ; на вашей сторонѣ Богъ и ваши дарованія.»

Графъ П. Г. Чернышевъ. 1795 года, прїѣхалъ

я въ первый разъ въ Москву. До этого времени перемѣнилось въ ней нѣсколько градоначальниковъ ; но старожилы Московскіе все еще помнили его и называли отцемъ. Онъ дѣйствительно и по должности своей и по расположенію души своей заслужилъ это имя. Въ полномъ смыслѣ былъ онъ отцемъ и въ званіи помѣщика ; никогда не обременялъ онъ поселянъ своихъ прихотями роскоши и тщеславія. Упомянемъ здѣсь, что супруга его дожила до 1812 года. Въ Могилевскомъ ея помѣстьи обѣдалъ у нее Наполеонъ и она предсказала, что ему трудно устоять въ Россіи. Ей приписывали нѣкоторыя странности ; но не тревожась никакою молвою , она любила дѣлать благодѣянія скромно и тайно. По смерти ея у нее не осталось никакихъ денегъ ; и послѣдній долгъ воздали ей продажею ея брилліантовъ.

Графъ любилъ просвѣщеніе и вся дворовая его прислуга состояла изъ людей грамотныхъ. Я зналъ одного изъ нихъ , который поступивъ въ службу, дослужился до высокихъ чиновъ, и участвовалъ въ трудахъ Н. Н. Новикова. Онъ издавалъ Мѣсяцесловъ со стихами на каждый день. Трагедіи его помѣщены въ Полномъ Собраніи драматическихъ Сочиненій, печатанныхъ въ Академіи Наукъ.

Докладъ объ учрежденіи Коммерческаго Училища, скрѣпленъ былъ Статсъ-Секретаремъ Г. Н. Тепловымъ. Въ свое время читали его переводъ Жилблаза. Вмѣстѣ съ нимъ, въ числѣ докладчиковъ у Екатерины были: Елагинъ, сочинитель

Опытовъ Россійской Исторіи; и А. В. Олсуфьевъ, извѣстный остроумными сочиненіями и усердіемъ къ общей пользѣ. Однажды Екатерина сказала ему: «Я вамъ жалуюсь на васъ; Я передала вамъ важное дѣло и поручила разсмотрѣть его въ шесть дней, а вы представляете его Мнѣ на четвертый.»—«Я прибавилъ къ этимъ днямъ двѣ ночи,» отвѣчалъ А. В., «в такомъ образомъ не нарушилъ Вашего назначенія. Мы поставлены Вами ускорять Ваши благія намѣренія.» — «Благодарю васъ,» возразила Екатерина, «но берегите свое здоровье для службы и дѣя пользы просвѣтелей.»

Въ званіи Рекетмейстера былъ тогда А. И. Терскій. Екатерина знала, что онъ страдалъ подагрою и позволяла ему прѣзжать во Дворецъ въ плисовыхъ сапогахъ. Однажды явился онъ одѣтый по придворному. Едва отворилъ онъ дверь кабинета, Екатерина сказала: «бумаги Я возьму, а вы потѣжайте скорее домой, оставьте тамъ ваше шегольство; Я не забочусь о вашемъ нарядѣ, мнѣ нужны только ваша добрая совѣсть и ваши полезные труды.»

И. И. Турчаниновъ былъ также въ числѣ Статсъ-Секретарей. Суворовъ находился въ непосредственномъ сношеніи со всеми, такъ называемыми, второстепенными людьми вѣка Екатерины II и бесѣдуя съ каждымъ изъ нихъ въ письмахъ своихъ какъ другъ, о важныхъ обязанностяхъ службы, писалъ къ Турчанинову:

Милостивый государь

Петръ Ивановичь!

«Долгъ къ Императорской службѣ столь об-

шарень, что всякій долгъ собственности въ немъ исчезаетъ. Присяга, честность и благоправіе то съ собою приносятъ. Въ сей послѣдней (т. е. въ личной собственности), препроводивши почти годъ довольно спокойно, въ бездѣйствіи, живо чувствую возросшую къ ней непривязанность и жажду о употребленіи меня къ первой, которой я себя посвятилъ; но нынѣшній мой постъ того въ себя не замыкаетъ. Просясь на него временно, сію мою ревность изъяснилъ я въ письмѣ, какъ и словесно, при отъѣздѣ Его Свѣтлости, чего ради, особу его въ томъ не утруждаю. Сей трудъ, милостивый государь мой, примите на себя и увѣрьте меня вѣще въ вашей ко мнѣ благосклонности.»

Александръ Суворовъ.

1776 года.

Москва 4 Ноября. (*)

Суворовъ говорилъ, что «если бы онъ не былъ полководцемъ, то былъ бы писателемъ.» И этому можно повѣрять. Мечъ и перо были у него нераздѣльны.

Многіе ли теперь помнятъ о Статсъ-Секретарѣ Турчаниновѣ; и сколько такихъ полезныхъ людей остались у насъ въ забвеніи. Большую оказалъ услугу г-нъ Арсеньевъ нашей Отечественной Исторіи, высказавъ въ Очеркѣ царствованія Петра II, заслуги Макарова и другихъ второстепенныхъ людей того времени, которые борясь

(*) Подлинникъ этого письма передалъ я Князю П. А. Ширинскому-Шихматову.

съ трудными обстоятельствами, твердостью души своей, поддерживали правду и законы.

Князь И. В. Репнинъ. Жизнь Князя Репнина можно раздѣлить на два періода. Первый, когда онъ былъ счастливымъ отцемъ любимой и единственной дочери, второй, по смерти ея.

Историкъ Рюльеръ, въ Польской своей Исторіи перѣдко искажавшій событія, правду однако говоритъ, что онъ съ какою-то строптивою запальчивостію поступалъ въ Варшавѣ, гдѣ былъ Посломъ. Въ званіи Смоленскаго Генераль-Губернатора, онъ былъ неукротимъ противъ откупщиковъ и въ этомъ нарушалъ правила Екатерины, которая въ 496 статьѣ Наказа Своего сказала, что «гопение раздражаетъ умы и что безъ явнаго преступленія никого не должно стѣснять и преслѣдовать.» Слышалъ я, что будто бы по выходѣ учрежденія о губерніяхъ, Репнинъ препроводилъ къ Императрицѣ болѣе шестидесяти замѣчаній объ этомъ изданіи; но Она не обратила на нихъ вниманія. Если это правда, то причиною тому было неосторожное перо Репнина. Екатерина, какъ мы уже видѣли выше, не отвергла мнѣнія Графа Панина и отдала ему справедливость. Нѣкоторые изъ современниковъ предполагали, будто бы Потемкинъ питаетъ какую-то особенную неприязнь противъ Репнина. Князь Д. И. Любановъ — Ростовскій, родной племянникъ Князя Репнина, разговаривая однажды со мною о Потемкинѣ, съ досадою сказалъ: «онъ былъ врагомъ моего дяди и гвалъ его.» Я отвѣчалъ, что это не правда и показавъ ему собственноручное письмо Потемкина къ Реп-

пишу, котораго онъ называлъ своимъ сердечнымъ другомъ и объяснялъ ему свои новыя военныя распоряженія. Въ письмѣ, между прочимъ, сказано было: «Для тебя, мой сердечный другъ, нѣтъ у меня никакой тайны. Я уважаю твои заслуги, а Отечество ихъ всегда будетъ помнить. Твои личныя достоинства тебѣ принадлежатъ.»

Это свидѣтельство Потемкина; а вотъ и рѣдкій родственный подвигъ Князя П. В. Репнина. Отецъ родныхъ его племянниковъ Князей Лобановыхъ, былъ съ нимъ въ тяжбѣ. Безъ всякаго искавія и домогательства, Князь Репнинъ выигралъ дѣло; крайнее разореніе, угрожало дому ихъ. Между тѣмъ, Князь Репнинъ, заготовя великолѣпный пиръ на подмосковной своей дачѣ, пригласилъ соперника своего и сыновей его. Въ концѣ обѣда, хозяинъ провозгласилъ здоровье Лобанова, и сказалъ: «Что присуждено мнѣ Сенатомъ, то вамъ возвращаю.»

Современники укоряли Репнина какою — то спѣсью; но послѣ смерти своей дочери, онъ совершенно переизмѣнился и вмѣстѣ съ ея душою, какъ будто переселился въ какой-то новый духовный міръ. Всѣ его письма, напечатанныя въ Другъ Юношества, издаваемомъ М. П. Невзоровымъ, дышатъ чрезвычайнымъ мягкосердечіемъ.

Князь А. А. Вяземскій. Въ царствованіе Екатерины II, Князь А. А. Вяземскій, кромѣ должности Генераль-Прокурора, завѣдывалъ и внутреннимъ управленіемъ и Государственнымъ Казначействомъ. Я слышалъ отъ Князя С. П. Сазагова, бывшаго Генераль-Аудиторомъ при Импе-

раторъ Александръ I, что предъ второю Турецкою войною, Екатерина сказала Князю Вяземскому: «Россiи предстоитъ новая война и кажется намъ придется занять что нибудь для необходимыхъ издержекъ.» — «А много ли, Матушка, по Вашему мнѣнію на это нужно?» — «Хорошо бы было, если бы нашлось хотя милліоновъ до осьми.» — «Найдется и до десяти,» отвѣчалъ Вяземскій.

Съ общимъ исполненіемъ должности по званію Генералъ — Прокурора, Князь озабоченъ былъ и частными случаями. Упомянуто было выше, что ходатаи или милостивцы пріѣзжая изъ губерній своихъ, подавали записки о бѣдныхъ просителяхъ и немедленно получали нужныя свѣдѣнія.

По давности ли, или по чему другому, только многіе изъ людей того времени представляются намъ въ какомъ-то страшномъ видѣ. Напечатана была остроумная драматическая шутка, въ которой увѣряютъ, что появленіе Фелицы Державина, служившаго тогда при Князѣ Вяземскомъ, встревожило и напугало его начальника, которому будто бы указаны были недоброжелателями Державина, явные намеки на Князя Потемкина. Игривое перо можетъ шутить и забавлять; но и у правды есть свой голосъ. Фелица была напечатана первою статьею въ Собесѣдникъ 1783 года; Екатерина была главною участницею въ этомъ изданіи, а редакторами были Княгиня Дашкова и И. И. Шуваловъ. Если бы въ этой Одѣ замѣчены были явные укоризны на Князя

Потемкина, то очень вѣроятно, что она не была бы пропущена и не явилась бы въ заглавіи Собесѣдника. Въ посланіи своемъ къ одному поэту, Карамзинъ сказалъ :

«Мой другъ, сущность была,
Играй въ душѣ своей мечтами.»

Въ мечтахъ своего воображенія, Державинъ, обращаясь къ Фелицѣ, говорилъ :

Подай Фелица пастаженіе,
Какъ укрощать страстей волненіе
И счастливымъ на свѣтѣ быть!
Меня твой голосъ возбуждаетъ,
Меня твой сынъ сопровождаетъ;
Но имъ послѣдовать я слабъ.
Мятусь житейской суетою,
Сегодня властвую собою;
А завтра прихотямъ я рабъ.

Потомъ, описавъ занятія и неусыпныя попеченія ея о благѣ народномъ, прибавляетъ :

Подобно въ карты не играешь,
Какъ я, отъ утра до утра
.
.
А я проспавши до полудни,
Курю табакъ и кофе иню;
Преображая праздникъ въ будни
Кружу въ химерахъ мысль мою;
То плачу отъ Персовъ покидаю,
То стрѣлы къ Туркамъ обращаю,
То возмечтавъ, что я Султанъ,
Вселенну устрашаю взглядомъ.
То вдругъ, прельщаяся варадомъ,
Скачу къ портному по кафтанъ.

Это было напечатано 1783 года. Тутъ цифры

высказываютъ истину. Въ этотъ годъ Потемкинъ былъ въ Крыму и занимаясь присоединеніемъ его къ Россіи, боролся съ кознями Европейской политики и съ притязаніями Порты Оттоманской ; (*) ему недосугъ было играть въ карты и скакать къ портному по кафтанъ. Шутка остается шуткою ; однако и въ вымыслъ должно быть какое нибудь правдоподобіе.

Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable,
Il doit regner partout, et même dans la fable.

Недавно въ отрывкахъ изъ записокъ Княгини Дашковой, сказано было, что она жаловалась Екатеринѣ, когда Князь Вяземскій требовалъ отъ нее отчета въ деньгахъ, собственнымъ ея раченіемъ собранныхъ для Академіи Наукъ, гдѣ она была Президентомъ; но отдавая справедливость Князю Вяземскому, прибавляетъ, что «хотя онъ былъ и взыскателемъ, но чрезвычайно дѣятелемъ по своей должности.»

Въ Іюль 1794 года, Державинъ написалъ драматическое представленіе въ честь семейства Князя Вяземскаго. Въ этомъ стихотвореніи онъ представляетъ хозяина увѣнчаннымъ заслугами и доставляющимъ семьѣ своей жизнь счастливую и райскую. Державинъ не любилъ льстить. Загляните въ Оду его на счастье, и вы увидите, что онъ не спускалъ тѣмъ, кто былъ ему не по сердцу и не по мысли.

(*) См. въ I-й части Русскаго Чтенія, статью о сношеніяхъ Князя Таврическаго съ Булгаковымъ.

Нѣкоторыя подробности о Екатеринѣ, слышанныя мною отъ Княгини Дашковой, были предложены выше. Ни одно мое свиданіе съ нею по Русскому Вѣстнику, не проходило безъ разговоровъ о томъ времени, незабвенномъ для нее и по дружбѣ къ ней Екатерины и по обстоятельствамъ, относившимся къ ней. Екатерина и Дворъ Ея все еще были, какъ будто въ глазахъ ея. Прибавлю здѣсь еще воспоминанія, рассказываемыя ею съ тою живостью слова, которую трудно передать моему перу; но, по крайней мѣрѣ, я сохранию главныя черты.

«Я прочтала,» сказала мнѣ Княгиня, «вашу поэму или повѣсть о Царицѣ Наталіи Кириловнѣ и она пробудила во мнѣ чрезвычайно пріятное воспоминаніе. Л. А. Нарышкинъ назначилъ у себя маскарадъ. Узнавъ объ этомъ, Государыня прислала за мною и сказала мнѣ:—Намъ надобно неожиданно порадовать Девушку (такъ называла Екатерина Льва Александровича): Я наряжусь Царицею Натальею Кириловною, а ты подмосковною крестьянкою, съ тѣмъ, что пройдешь въ хороводъ и пропоешь сочиненія ея пѣсню:

Во селѣ, селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой;
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа.

«Нарядясь, какъ было сказано, мы, незваные гости, поспѣшили къ Нарышкину. Нечаянно, неожиданно увидя Екатерину, чрезъ многочисленные ряды посѣтителей, Левъ Александро-

вичь, съ быстротою молніи бросился къ Императрицѣ, упалъ на колѣни, схватилъ Ея руку, поцѣловалъ, и въ радостныхъ слезахъ вскричалъ: — «Матушка, Матушка! Умру отъ радости!» — «Не хорошо же,» возразила Екатерина, «заплатишь ты Миѣ за родственникъ Мой къ тебѣ прїездъ.»

«Не нужно говорить, что и я сдѣлала свое дѣло. А хозяинъ! Онъ былъ въ себя отъ восхищенія и повторялъ нѣсколько разъ Екатерицѣ: — «Матушка! Ты сто лѣтъ прибавила мнѣ жизни!»

Однажды засталъ я Княгиню за чтеніемъ одъ Ломоносова. Не закрывая книги, она сказала мнѣ: «Изъ первой книжки вашего Русскаго Вѣстника вижу, что вамъ памяти не занимать. Выслушайте же мой рассказъ, о нашемъ Холмогорскомъ лирикѣ. Не задолго до кончины его, прїѣзжаю во Дворецъ, и Государыня, съ чрезвычайнымъ прискорбіемъ, сказала мнѣ: — «Нашъ Михайло Васильевичъ что-то закручинился; поѣдемъ къ нему. Онъ насъ любитъ, а изъ любви чего не дѣлаютъ.» — «Немедленно отправившись мы къ поэту и застали его, сидѣвшаго въ глубокой задумчивости у большого стола, на которомъ были разложены химическіе аппараты. Въ комелькѣ огонь, какъ будто, прощаясь съ хозяиномъ, то вспыхивалъ, то угасалъ. Мы вошли къ Ломоносову тихою молвою, безъ доклада; но, услыша привѣтъ Императрицы: — Здравствуйте, Михайло Васильевичъ!» — онъ вскочилъ, какъ будто съ

просонокъ. Екатерина повторила: — «Здравствуйте, Михайло Васильевичъ, Я пріѣхала съ Княгинею посѣтить васъ, услышавъ о вашемъ нездоровьи, или лучше сказать, о вашей грусти.»

Нѣсколько минутъ уста Ломоносова окованы были безмолвіемъ. Наконецъ онъ воскликнулъ: «Нѣтъ Матушка, нѣтъ Государыня! не я нездоровъ, не я грустенъ, больна и грустна душа моя!» — «Полечите ее,» отвѣчала Екатерина, «полечите ее живымъ перомъ своимъ. Привѣтствуя Меня съ новымъ годомъ, вы сказали, что также усердствуете ко Мнѣ, какъ и къ дочери Петра Великаго. Что же, неужели вы намерены мнѣ измѣнить?» — «Измѣнить, Вамъ, Матушка Государыня? Нѣтъ, не перо—сердце мое писало:

Твой трудъ для насъ обогащеніе;
Мы чтимъ стѣною подвигъ Твой,
Твой разумъ—наше просвѣщеніе
И неусыпность—нашъ покой!

«Слезы блеснули въ очахъ Екатерины и Она возразила: «вѣрю, вѣрю Михайло Васильевичъ! А чтобы еще болѣе удостовѣрить меня, то завтра пріѣзжайте ко Мнѣ откусать хлѣба-соли. Щи у меня будутъ такіе же горячіе, какими подчивала васъ ваша хозяйка.»

—
«Меня упрекаютъ, говорила Екатерина Дидероту, въ пристрастіи къ Русскому народу; но это несправедливо. Откуда взялись при Петрѣ I люди, способные дѣйствовать ору-

жіемъ в умѣ? Откуда взялся Меншиковъ, сражавшійся подъ Калишемъ съ тѣмъ Карломъ XII, который удивлялъ и устрашалъ области Европейскія? Откуда взялся Шафировъ, который при заключеніи мира съ Портою на берегахъ Прута, сталъ на ряду съ извѣстнѣйшими политиками своего времени? Гдѣ онъ учился? Здравый смыслъ и книги были его наставниками. Откуда и Ломоносовъ перешелъ въ область всѣхъ наукъ? Изъ хвизвы простаго рыбака. Все это исторія, а не сказка; а ваши хвастливые соотечественники увѣряютъ, что умъ Русскій выросъ въ парникахъ; заведите же и у себя такіе теплицы.» Дидеротъ улыбнулся, и сказалъ: «Мы жалѣемъ лѣсовъ.» — «Вѣрю, вѣрю,» возразила Екатерина, «отъ того-то нашъ пріятель Вольтеръ ведетъ неугомонную тяжбу съ президентомъ де Броссъ, (*) котораго люди вырубили двѣ вязанки дровъ изъ его лѣса. Мнѣ стыдно и говорить объ этомъ; а еще горестнѣе слышать, какъ повоситъ онъ вашъ народъ, называя его, то *Вельхами*, то Богъ знаетъ чѣмъ. Отольются волку овечьи слезы.» (Екатерина перевела это буквально). «Я полагаю,» сказалъ Дидеротъ, «что волкъ скорѣе заплачетъ отъ того, если ему не дадутъ съѣсть овецъ.» — «Вы слышали только буквы вашей пословицы; а вотъ смыслъ: *les larmes des pauvres montent au ciel.*» (**)

Дидеротъ быстро взглянулъ на Екатерину и

(*) Президентъ де Броссъ извѣстенъ особенно примѣчаніями на Лѣтописъ Самюстія. Вольтеръ преграждалъ ему пути во Французскую Академію.

(**) Слезы бѣдныхъ восходятъ къ небу.

восторженнымъ голосомъ проговорила: «les proverbes Russes ont donc quelque chose de sublime. (*)»

«Вскорѣ по прекращеніи изданія Собесѣдника, я получила отъ Императрицы записку: «Пріѣзжай ко Мнѣ; Мнѣ нужно съ тобою поговорить о нашемъ дѣлѣ.» Я застала Екатерину чрезвычайно веселою и замѣтила Ей это. «Да,» отвѣчала Екатерина, «Я очень весела; но знаешь ли отъ чего? Отъ того, что Я наказана: взялась не за свое дѣло, захотѣла быть журналистомъ. Мы думали, что Мое участіе заманитъ къ намъ всѣ перья. Фонъ - Визинъ далъ было листочка три, четыре и замолчалъ. Чего онъ испугался? Моихъ отвѣтовъ на его вопросы; но вѣдь онъ самъ покался—и этимъ все кончилось. Княжичъ напечаталъ, что мои Были и Небылицы исправли записныхъ модницъ. Неправда. Въ свѣтъ все кружится по прежнему; только нашъ Собесѣдникъ успокоился. Сбылось то, что Я сказала въ одной изъ моихъ оперъ:

Не допѣта пѣсенка,
Не доиграва игра.

Напишу надосугѣ комедію «Обманутая надежда.»

А. Н. Бибиковъ. Кто читалъ мою Русскую Исторію, тотъ увидитъ, что я перемѣнилъ здѣсь нѣкоторыя подробности о Бибиковѣ. Давно сказано, что, чѣмъ далѣе идешь на пути исторіи, тѣмъ болѣе должно оглядываться назадъ. Запи-

(*) Такъ въ Русскихъ пословицахъ есть что - то величественное.

маясь сочиненіемъ Русской Исторіи, я увлекся чтеніемъ жизни Бибикова, описанной его сыномъ и полагалъ вмѣстѣ съ нимъ, что клевета повредила его отцу. Онъ писалъ объ этомъ по слуху; и я, до изданія еще его книги 1808-го года, слышалъ отъ Княгини Дашковой, то что предложилъ о немъ выше. (*) Екатерина была постоянна въ мнѣніяхъ своихъ о людяхъ, до тѣхъ поръ, пока какое нибудь обстоятельство не изобличало ихъ. Въ Бибиковѣ Она была слишкомъ увѣрена. 1768 года, на возвратномъ пути изъ Казани, Она посѣтила Костромское его помѣстье; тогда же, или вскорѣ потомъ, предлагала ему и орденъ Св. Александра Невскаго, но по просьбѣ Александра Ильича передала его престарѣлому его отцу. 1769 года, Екатерина Сама утвердила Бибикова Предсѣдателемъ Палаты Депутатовъ, а 1770 года, назначила его начальникомъ войскъ въ Польшѣ, гдѣ онъ заслужилъ общее уваженіе. Могла ли Екатерина забыть все это и такъ сказать, въ одинъ мигъ, пожертвовать мнѣніемъ своимъ о Бибиковѣ? Этого и не было; но опасаясь тогдашней подозрительной Европейской политики, которую устрашало сильное его вліяніе на дѣла Польскія, Екатерина не удалила, а отозвала его оттуда, поруча ему важнѣйшее дѣло въ нашемъ Отечествѣ, и онъ первый положилъ надежную преграду къ остановленію бунта Пугачева.

А. А. Безбородко. Отправляя къ Екатерину

(*) См. выше на стр. 160.

Безбородку, Румянцевъ-Задунайскій писалъ: «Препровождаю къ Вамъ алмазъ въ коръ; Вашъ умъ дастъ ему цѣну.» По смерти Потемкина, Безбородко самъ вызвался ѣхать въ Яссы, для скорѣйшаго окончанія мирныхъ переговоровъ. Именемъ Императрицы онъ требовалъ въ уплату за военныя издержки, сперва двадцати, а потомъ двѣнадцати милліоновъ. Совѣщаніе взволновалось, Безбородко созвалъ Конгрессъ и представлялъ пользы Турціи въ заключеніи мира съ Россіей. Сдѣлавшись уступчивѣе, Турецкіе послы подписали обязательство; Безбородко разорвалъ его, и сказалъ: «Россійская Императрица не имѣетъ нужды въ Турецкихъ деньгахъ, Ей драгоцѣнны только честь и права Ея подданныхъ. Государыня даритъ васъ деньгами.» Рейсъ — Эфенди воскликнулъ: «Благодарю васъ, вы спасли жизнь Великаго Визиря, любимаго Турками.»

Безбородко особенно участвовалъ въ устройствѣ Почтоваго Вѣдомства. Одаренный необычайною памятью, онъ легко работалъ, и любилъ общественныя увеселенія. Будущій историкъ найдеть можетъ быть, что нибудь замѣчательнаго на государственномъ его поприщѣ; но и для записокъ остался объ немъ любопытныя подробности.

М. А. Нарышкинъ. Екатерина поручала ему наблюденіе народнаго мнѣнія о тѣхъ Указахъ, которые предполагала издавать; объ этомъ Державинъ говоритъ:

«Что нужды мнѣ, кто по паркету
Подъ часъ и кубари спускалъ

Смотрѣлъ въ толкучемъ рынкѣ сѣту,
 Народны мысли замѣчалъ,
 И могъ при случаѣ посольствомъ,
 Перомъ и шпагою блеснуть.»

Замѣчу, что въ поэзіи Державина, кромѣ лиризма, видимъ и живое изображеніе того времени.

Выше было сказано, что Екатерина представила Л. А. Нарышкину пріемъ и угощеніе всѣхъ начальниковъ племенъ Азіатскихъ.

Дворянскіе Предводители. По истеченіи трехлѣтняго срока, новыя Предводители пріѣзжали въ Петербургъ и Екатерина принимала и угощала ихъ, какъ домовитая хозяйка; но имъ надлежало быть готовыми отвѣчать на всѣ Ея вопросы и заранѣе заготовить подробными свѣдѣніями объ ихъ губерніяхъ. По выбору Предводителей, Она судила и о безпристрастіи дворянъ и о понятіи ихъ о той цѣли, для которой Предводители были учреждены. Извѣстно также, что кромѣ печатныхъ правилъ, Предводителямъ даны были письменныя наставленія, чтобы они побуждали дворянъ къ умѣренности и человеколюбивому сельскому распорядку. Усердныхъ исполнителей Ея предписаній, Екатерина дарила ласкою и привѣтомъ сердечнымъ,

Во второй пріѣздъ Екатерины въ Смоленскъ, Швейковскій (*) бывъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, не могъ представиться Ей вмѣстѣ съ дворянами. Заботливая Императрица тотчасъ спросила о причинѣ его небытности, и узнавъ, что онъ слабъ ногами, сказала: «Пусть онъ пріѣдетъ ко

(*) См. выше рѣчь его Екатерина.

Мнѣ за-просто , пусть назначить часъ.» Иванъ Яковлевичъ назначилъ десять часовъ утра. Екатерина приняла его , и сказала : «Вы посвящали Мнѣ свое время, а Я даю вамъ право располагать Моимъ временемъ ; но и оно не будетъ потеряно. Садитесь , поговоримъ о вашей губерніи. вы это дѣло лучше Меня знаете.»

И. П. и И. П. Архаровы. Вскорѣ послѣ плачевной кончины Преосвященнаго Амвросія , не помышляя о жизни своей , отправился въ Москву Графъ Г. Г. Орловъ. И. П. Новиковъ увѣичалъ этотъ подвигъ пальмами благодарности и тутъ не было лестн. Зараза еще не исчезла и онъ могъ быть ея жертвою ; но и по свидѣтельству Холмогорскаго нашего поэта , Графъ Г. Г. Орловъ , готовъ былъ на всѣ пожертвованія для общественной пользы. (*) Сопутникомъ Графа былъ И. П. Архаровъ. Умныя его распоряженія обратили на него вниманіе Екатерины и онъ впоследствии былъ начальникомъ Полиціи въ Москвѣ. И. П. вполне обладалъ рѣдкимъ искусствомъ, не тревожа жителей, успокоивать ихъ. Безъ всякой явной огласки , однимъ раченіемъ своимъ, уничтожилъ онъ всѣ почныя тревоги. Воровство истребилось, а если что пропадало тотчасъ отыскивалось. Тогда еще не было Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, почему и съ званіемъ Начальника Полиціи, сопряжено было болѣе обязанностей ; Архаровъ успѣлъ и въ безостановочномъ и надежномъ продовольствіи жителей ; па

(*) Въ посланіи своемъ къ Графу Г. Г. Орлову, Ломоносовъ называетъ его: «ревнителемъ общихъ благъ.»

рынкахъ и на площадяхъ, куда привозили съѣстные припасы не было никакого притѣсненія. Имя его было извѣстно въ Европѣ и съ нимъ были въ сношеніи Вѣнскій Начальникъ Полиціи и Парижскій Полпцеймейстеръ Ленуаръ, знакомый намъ по письмамъ Мирабо. Къ сожалѣнію, мы рѣдко замѣчаемъ дѣйствія мирныхъ начальниковъ. Война бываетъ по временамъ; стража безопасности общественной — стража непрерывная. Последніе годы царствованія Екатерины II. П. былъ Тверскимъ и Новгородскимъ Генералъ-Губернаторомъ. Онъ дарилъ меня и ласкою и разговорами своими, и вотъ, что я отъ него слышалъ: «Тогдашніе начальники губерній старались отдалять все непріятное отъ Государыни. Всякое новое постановленіе, какъ бы ни было полезно, производить въ началъ какое-то недоразумѣніе. Одни не постигаютъ цѣли, другіе, по закоснѣлой привычкѣ къ пересудамъ пускаются въ пустые толки. Въ такихъ случаяхъ, мы убѣждали и дворянъ и другія сословія, что это было сдѣлано по нашему представленію, а когда Указъ пріобрѣталъ общее мнѣніе, тогда мы говорили, что онъ былъ новымъ благодѣяніемъ Екатерины. И это была истина. Въ мое управленіе двумя губерніями, не было никакихъ жалобъ ни на Городничихъ ни на Исправниковъ. Въ объѣздахъ моихъ по губерніямъ, я самъ входилъ во все подробности по уѣздамъ; а въ дворцовыхъ волостяхъ призывалъ къ себѣ земскихъ старостъ, спрашивалъ обо всемъ по совѣсти и бывалъ на мірскихъ сходкахъ. Екатерина бы-

ла мною довольна и это служило для меня лучшею наградою.»

Младший братъ его Н. П. былъ въ Архипелагѣ съ Графомъ А. Г. Орловымъ при сожженіи Турецкаго флота подъ Чесмою и находился съ нимъ, до возвращенія нашего флота въ Кронштадтъ. По чрезвычайной скромности своей, Архаровъ всегда о себѣ молчалъ, а о подвигахъ другихъ рассказывалъ съ восторгомъ. Во время службы его въ Московскомъ Коммиссаріатѣ, подрядчики вѣрили его совѣсти и почитали слово его закономъ. Различные переходы его службъ всегда соединены были съ общею любовью къ нему. Онъ не забывалъ своихъ сослуживцевъ и они его не забывали.

Въ гостепріимномъ его домѣ, посѣтителѣ встречали радушныхъ и привѣтливыхъ хозяевъ; а бѣдные просители получали всегда помощь тихомолкомъ и безъ всякаго тщеславія. Въ лѣтнее время въ село его Иславское, какъ будто переселялся весь большой свѣтъ, остававшійся въ Москвѣ.

При Императорѣ Павлѣ I, Н. П. Архаровъ былъ начальникомъ полка свсего имени, составленнаго изъ осьми Московскихъ баталіоновъ; отъ перваго до послѣдняго солдата — всѣ почитали его отцемъ. Полкъ былъ вторымъ его семействомъ и въ немъ, онъ охранялъ и спасъ пылкую мою молодость.

Добро не умираетъ.

Съ памятью о его добрѣ перейду и за предѣлы земнаго міра. И какъ много умѣлъ онъ

пріобрѣтать сердецъ благодарныхъ! Начальствуя полкомъ, онъ былъ и на чредѣ Московскаго Военнаго Губернатора. Находясь по этой должности, въ сношеніи со всеми сословіями, онъ умѣлъ заслужить общую довѣренность и любовь. Последняя его служба была въ Ратническомъ Комитетѣ; и тутъ — живымъ словомъ Русскимъ одушевлялъ онъ новыхъ Ратниковъ, поступавшихъ подъ хоругви Отечества.

Но Богъ и лучшимъ изъ людей посылаетъ испытанія. Были такіе дни и для него; но онъ не ропталъ. Онъ жилъ вѣрою въ Провидѣніе, и говоря словами поэта: простился съ міромъ земнымъ, какъ гаснетъ тихій вечеръ прекраснаго дня.

Я. И. Булгаковъ. Князь Таврическій сказалъ, что Я. И. Булгаковъ непосредственно участвовалъ въ безкровномъ присоединеніи Крыма къ нашему Отечеству. Но гдѣ его памятникъ? Въ письменныхъ сношеніяхъ съ нимъ Князя Потемкина—Таврическаго, помѣщенныхъ въ I-й части Русскаго Чтенія.

Онъ былъ истиннымъ героемъ на своемъ посту: одинъ, безъ оружія, страдая семнадцать мѣсяцевъ въ Семибашенномъ замкѣ, онъ съ непоколебимою твердостью, противоборствовалъ и Французскому Министерству и угрозамъ Порты; а что еще болѣе — онъ изъ заключенія своего, умѣлъ доставлять все свѣдѣнія, нужныя для его Отечества, гдѣ онъ былъ какъ будто забытъ. Вотъ его лавры, пальмы и победы самоотверженія.

И. И. Шовиновъ. Вотъ и другой человекъ по

своей части замѣчательный самоотверженіемъ. Я говорю о Н. Н. Новиковѣ. Остроумныя статьи его Живописца доказываютъ, что онъ могъ бы быть писателемъ; но по проицательности ума своего онъ избралъ другое поприще и вліяніе его на современниковъ перешло въ потомство. Онъ видѣлъ, что никакія выходки журналовъ противъ крючкотворства не могли его унять; онъ видѣлъ, что вмѣсто деревенскаго недоросля Фонъ-Визина, появились въ большомъ свѣтѣ *недоросли-петиметры*; словомъ, онъ видѣлъ, что ни сатиры и ничто не дѣйствовало и не исправляло нравы. Наконецъ, онъ зналъ и то, что въ его время мало еще было охотниковъ до чтенія. Вотъ почему, оставя перо писателя, онъ посвятилъ себя производству типографскому — не для личныхъ выгодъ, но для распространенія чтенія на всѣ состоянія и на всѣ возрасты людей. И какъ быстро успѣвалъ онъ во всемъ, къ чему прикладывалъ руки. Онъ взялъ на откупъ Университетскую типографію при самыхъ скудныхъ средствахъ и дѣятельностію своею далъ новую жизнь Московскимъ Вѣдомостямъ, прибавя къ нимъ раздаваемое безденежно Дѣтское Чтеніе, въ которомъ главными сотрудниками были: Н. М. Карамзинъ и другъ его Петровъ. Новиковъ дожилъ до 1812 года и пережилъ его. Онъ видѣлъ и паденіе Россіады, Душеньки и почти всѣхъ произведеній своего времени; а трудъ его безпрестанно возрасталъ и онъ одинъ, изъ всѣхъ людей вѣка Екатерины видѣлъ плоды своего труда, перешедшіе съ новымъ успѣхомъ въ нашъ вѣкъ.

ГЛАВА XXI.

Взглядъ на Москву отъ 22 Сентября 1762 года , до
6 Ноября 1796 года.

Въ царствованіе Екатерины Москва была свидѣтельницею блистательнѣйшихъ торжествъ и величайшихъ злоключеній. Первымъ подвигомъ Екатерины въ Москвѣ, послѣ вѣнчанія на царство, было дозволеніе препровождать въ собственныя Ея руки, прошенія, не поступившія еще ни въ Сенатъ и ни въ какое другое судебное мѣсто.

Для увеселенія народа былъ необычайный маскарадъ двигавшійся по всемъ улицамъ Московскимъ, подъ распоряженіемъ Волкова, извѣстнаго и драматическимъ искусствомъ и умомъ. Онъ былъ жертвою неутомимой своей дѣятельности въ этомъ потѣшномъ дѣлѣ и умеръ чрезъ нѣсколько дней послѣ маскарада.

1767 года, Екатерина повѣстала собраніе Депутатовъ въ Москвѣ, и въ то же время изъ Твери совершила плаваніе до Казани, занимаясь переводомъ Мармонтелева Велисарія. «У васъ,» писала Она къ Вольтеру, «не знаю, почему запрещенъ Велисарій, но у насъ онъ скоро выйдетъ въ печати.»

Начало собранія Депутатовъ въ Москвѣ воспо-
сѣдовало изъ всѣхъ краевъ Россіи 30 Іюня 1767
года. По выслушаніи молебствія въ Успенскомъ
Соборѣ, Депутаты представлены были Екате-
ринѣ и получили отъ нея Наказъ и слѣдующее
предписаніе: «Мы ожидаемъ несомнѣнно, что
всѣ вообще, вѣрными нашими подданными по
присягѣ выбранные къ сей важной Коммиссіи,
Депутаты, и каждый изъ нихъ наполненъ вѣр-
ностію и любовію къ Престолу, ревностію къ
Отечеству и послушаніемъ къ предписаніямъ, ве-
дущимъ всѣхъ къ благоденствію, и что они по-
кажутъ нашему вѣку, яко не уступаютъ пред-
камъ въ уваженіи и неварушеніи драгоцѣннаго
стариннаго слова: *да будетъ мнѣ стыдно!*»

Сообразно наставленію, Собраніе избрало кан-
дидатами въ Предводители Графа Н. Г. Орлова,
Графа Чернышева и А. И. Бибикова. На пред-
ставленіи объ этомъ, 2 Августа, Императрица
написала: «Орловъ самъ проситъ увольненія;
Графъ Чернышевъ, занятъ будучи многочислен-
ными должностями, не можетъ сего принять. Ут-
верждаю Предводителемъ Депутата А. Бибикова.»

Рѣчь Бибикова приведена была выше, въ
статьѣ о томъ: «Все ли высказали писатели вѣ-
ка Екатерины II.»

Упомянуто было также, что Депутаты пред-
ложили Екатеринѣ наименованія Великой, Пре-
мудрой! и Матери Отечества. Не принявъ двухъ
первыхъ наименованій, Екатерина, между
прочимъ отвѣчала, что все Ея желаніе, чтобы
заслужить общую любовь.

Во второй половинѣ 1769 года, по причинѣ войнъ съ Турціей, распушено было собраніе Депутатовъ.

Въ 1770 году, въ Сѣверную столицу прибылъ Принцъ Генрихъ, отправленный Фридрихомъ II съ предложеніями о раздѣлѣ Польши по заключеніи мира съ Турками; но то и другое тогда не состоялось.

Принцъ Генрихъ желалъ видѣть Москву, куда и былъ привезенъ въ 38 часовъ. Былъ въ Москвѣ и Императоръ Іосифъ II, сынъ Маріи Терезіи, испытавшій всѣ превратности жизни. Митрополитъ Платонъ привѣтствовалъ его необыкновеннымъ концертомъ; наканунѣ препоручилъ онъ всѣмъ приходскимъ Священникамъ завестъ часы однообразно, и соответственно тому, заблаговѣстять повсемѣстно. Тогда было въ Москвѣ около 600 церквей. Іосифъ II, изумленный звономъ, раздававшимся во всѣхъ частяхъ города, сказалъ, что нигдѣ въ свѣтѣ нельзя услышать такой гармоніи.

Это согласіе было тогда только въ колоколахъ, а Москва раздѣлялась какъ будто на нѣсколько различныхъ свѣтовъ. Замоскворѣчье, гдѣ по большей части были дворянскіе дома, жило по своимъ обычаямъ. Но въ великолѣпныхъ домахъ Покровки, Пикетской, Мясницкой, Басманной и Тверской, были Парижъ, Лондонъ и Неаполь. Тамъ собирали великолѣпныя библіотеки и картинныя галереи. Тамъ были и домашніе театры. Тамъ было непрерывное кипѣніе модъ и всѣхъ пышностей Европейскихъ. И какъ быстро все это затмилось!

Въ Январѣ 1771 года моровое повѣтріе появилось въ Москвѣ. И древняя Русская столица какъ будто исчезла въ стѣнахъ своихъ. Князья и Бояре спѣшили удалиться въ свои помѣстья, малодушные начальники бѣжали, оставались только П. Д. Еропкинъ и И. П. Юшковъ. У послѣдняго, въ первый свой прїездъ послѣ заразы, Екатерина посѣтила великолѣпный маскарадъ на Дѣвичьемъ Полѣ въ Кочкахъ. Теперь тамъ дикой уголокъ земли, опустѣвшій задолго до 1812 го года. Что же переживаетъ и пышность и великолѣпіе? Дѣла. Но какъ часто и дѣла искажаются и клеветою и лестію. Много было потемковъ и въ тогдашнихъ смутныхъ Московскихъ обстоятельствахъ. Быстрый переходъ отъ торжествъ къ сѣтованію, опустѣніе домовъ, гдѣ недавно все пировало и веселилось; погребъ, брошенные на произволъ каждаго; толпы народа безпріютнаго, скитавшагося по улицамъ и площадямъ; злобная молва, разсѣваемая коварствомъ, все это болѣе и болѣе волновало народъ и наконецъ вспыхнулъ мятежъ. Двумъ начальникамъ, оставшимся въ обширной Москвѣ, нечего было дѣлать; между тѣмъ, когда Еропкинъ встрѣтилъ и разсѣялъ одни толпы у Воскресенскихъ Воротъ и далѣе у Кремля, другія уже обуяныя пьянствомъ, устремились къ Донскому Монастырю, гдѣ былъ Преосвященный Амвросій. Онъ слышалъ грозныя вопли, онъ могъ бы бѣжать; но опасаясь, что бѣгствомъ своимъ, ожесточитъ еще болѣе народъ, возмущенный подозрѣніемъ, и подвергнетъ гибели всю об-

тель — онъ остался и палъ , какъ Пастырь великодушный.

Бѣдствія , причиняемыя природою и войною , скоро исчезаютъ : это видѣли и мы. Прекратилась зараза ; прояснился небосклонъ Московскій ; и снова закипѣла роскошь и моды. на бѣду сохи, мотовство усилилось сперва *экипажами* къ празднику ; а потомъ *шалями* , перешедшими къ намъ съ лаврами войны. Словомъ, круженіе пошло по прежнему, сбылись слова поэта времянь *Екатерины* :

...Гдѣ меньше страха намъ ,

Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе.

Внезапная кончина постигла Екатерину среди веселій и разсѣянностей двухъ столѣтъ. Безпечные современники , почитая Екатерину бессмертною—веселились, не помышляя ни о чемъ.

Приицъ Делинь писалъ , что внезапная смерть Екатерины была страшнымъ ударомъ для Европы. Свыше ударилъ для Нее послѣдній часъ. Екатерины не стало тогда, когда Она уже ничего не могла сдѣлать ни для Россіи ни для Европы. Скажемъ безъ всѣхъ умиствованій, тогда уже судъ Божій, ходилъ надъ Европою и приближался къ Россіи. Но по опредѣленію Судебъ Провидѣнія, Петръ I заготовилъ все нужное для военныхъ дѣйствій ; а отъ времени Екатерины остались люди, испытанные въ битвахъ и готовые на защиту роднаго края. Наконецъ , къ увѣковѣчиванію памяти Ея остались и правила для всѣхъ

временъ и для всѣхъ обществъ человѣческихъ. «На кого,» говоритъ Она въ Наказъ Своемъ, «на кого должно обращать вниманіе? На каждаго человека; ибо ни о комъ нельзя сказать, что онъ исключенъ изъ общаго жребія человечества.»

К о н е ц ъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ РУССКАГО ЧТЕНІЯ.

—

Стр.

ГЛАВА I. Любовь Екатерины къ Русскому слову.—Правила Екатерины касательно Русскихъ сочиненій.—Мысли Екатерины о Славянскомъ языкѣ.—Примѣръ силы слова отечественнаго.—Правила основательнаго сужденія, предложенныя Екатериною	1
ГЛАВА II. Внѣшнія предубѣжденія противъ Екатерины и прозорливость Ея	9
ГЛАВА III. Сила мысли и духъ законодательныхъ правилъ Екатерины Второй	15
ГЛАВА IV. Цель учрежденія Губерній. — Рѣчь Екатерины перваго Смоленскаго Предводителя.—Изданіе Собесѣдника любителей Русскаго слова.—Уваженіе Екатерины къ Русскимъ писателямъ.—Державинъ Поэтъ—Историкъ вѣка Екатерины Второй.—Духъ Словесности	27
ГЛАВА V. Трудный подвигъ.—Вниманіе Екатерины къ Русскому народу.—Мысль Екатерины не отстала отъ мысли XIX столѣтія. — Мнѣніе Екатерины о самобытномъ духъ Русскаго народа. — Изданіе Екатериною общенароднаго букваря.—Особенная мысль Екатерины, касательно Русской словесности. — Учрежденіе народныхъ училищъ.—Сущность рѣчи Козловскаго земледѣльца.—Отрывокъ изъ похвальнаго слова Эйлеру	34

ГЛАВА VI. Правда ли, будто бы въ вѣкъ Екате- ринны писатели не все высказали	55
ГЛАВА VII. Мнѣніе Екатерины о Французской революціи и просьба Суворова идти противъ Французовъ.	71
ГЛАВА VIII. Русская старина въ чертогахъ Екатерины и разсѣянность большого свѣта . .	77
ЛЮДИ ВѢКА ЕКАТЕРИНЫ II.	
Отъ издателя	89
ГЛАВА IX. Суворовъ, военный его слогъ и сно- шенія съ А. И. Бибиковымъ	91
ГЛАВА X. Различныя мнѣнія о войнѣ 1769 го- да.—Мысль Державина.—Наставленіе Портъ- Герцога Шуазеля—Гуфье.—Заграничная молва о Палатѣ Депутатовъ.—Свидѣтельство новаго Французскаго историка о миролюбіи Екате- рины II.—Румянцевъ принимаетъ первую ар- мію, а Графъ Панинъ вторую.—Разсказъ Гра- фа Ангальта о Румянцевѣ.—Отрывокъ изъ письма Екатерины къ Вольтеру.—Сожженіе Наказа въ Константинополѣ.—Событія до ис- хода Мая 1770 года	115
ГЛАВА XI. Дѣйствія Графа А. Г. Орлова въ Архипелагѣ отъ исхода Мая, до 26 Іюня. . .	125
ГЛАВА XII. Іюль 1770 года.—Рѣчь Румянцева въ военномъ совѣтѣ.—Іюля 7 сраженіе при Ларгѣ.—Іюля 21 битва Кагульская.—Приказъ Графа Румянцева моему отцу.—Два отрывка изъ письма Екатерины къ Вольтеру.—Взятіе Бендеръ.—1771 года Потемкинъ поступаетъ въ войско Румянцева.—Дѣйствія второй арміи, подъ начальствомъ Князя В. М. Долгорука- го въ Крыму	133

ГЛАВА XIII. Перемиріе.—Злоумышленія Французскаго Министерства.—Осторожность Графа Орлова.—Письмо Библикова къ Фонъ-Визину.—Приготовленія къ переправѣ Русскихъ войскъ за Дунай.—Переписка Румянцева съ Екатериною.—Назначеніе Библикова противъ Пугачева.—Событія до заключенія мира съ Портою Оттоманскою	147
ГЛАВА XIV. О перепискѣ Екатерины съ Румянцевымъ и возраженіе на сужденіе Лойда о дѣйствіяхъ Румянцева	169
ГЛАВА XV. Князь Г. А. Потемкинъ—Тавричeskій и Суворовъ.—Взятіе Очакова	187
ГЛАВА XVI. Князь Потемкинъ—Тавричeskій главный начальникъ войскъ.—Румянцевъ въ деревнѣ.—Сраженіе при Фокшанахъ и наставленія Суворова сыну Полковника Карачея.—Суворовъ Рымникскій.—Взятіе Измаила	205
ГЛАВА XVII. Русскіе и Густавъ III.—Миръ съ Швеціею.—Новая молва о войнѣ со Швеціею 1791 года.—Суворовъ въ Финляндіи.—Празднество въ Тавричeskомъ Дворцѣ, данное Княземъ Потемкинымъ 1791 года 28 Апрѣля.—Кутузовъ и Князь Репнинъ въ Турціи.—Миръ съ Портою Оттоманскою.—Смерть Князя Г. А. Потемкина и воспоминаніе о немъ	231
ГЛАВА XVIII. Празднованіе мира съ Турціею 1793 года.—Благодарное письмо Екатерины Румянцева—Задунайскаго.—Суворовъ въ Польшѣ.—Русскіе въ Персіи.—25 Іюня 1796 года.—Письмо Суворова о Генералѣ Бонапартѣ 1796 года Октября 27	259

ГЛАВА XIX. Очеркъ двухъ перехо-	273
ской словесности отъ Петра I до 1796 года	273
ГЛАВА XX. Люди вѣка Екатерины II на мир-	289
номъ поприщѣ	289
ГЛАВА XXI. Взглядъ на Москву отъ 22 Сен-	319
тября 1762 года, до 6 Ноября 1796 года.	319

48m

2007041246